

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2021. Т. 27

№ 3

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2021. Vol. 27

№ 3

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)
- А. Е. Аникин**, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)
- Дж. Боулт**, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)
- А. В. Головнев**, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)
- В. Л. Иваницкий**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- С. Г. Корконосенко**, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)
- К. Кроо**, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)
- Дж. Майклсон**, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)
- А. Мустайоки**, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)
- Б. Ю. Норман**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)
- Г. Саймонс (Greg Simons)**, PhD, проф.
(Швеция, Уппсала, Уппсальский
университет)
- Э. Э. Сыманюк**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)
- А. Федотов**, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)
- Г. Г. Щепилова**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

- В. М. Амиров**, д-р филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)
- Ю. М. Ершов**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Севастополь, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
в городе Севастополе)
- Т. А. Снигирева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Л. П. Быков**, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)
- Ю. В. Матвеева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Б. Н. Лозовский**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- М. А. Мясникова**, д-р филол. наук, канд. искусство-
ведения, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)
- Э. В. Чепкина**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- А. П. Чудинов**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- О. Л. Девятова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Н. Б. Кириллова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. Я. Мурзина**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)
- Г. А. Глотова**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Москва, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- Н. С. Глуханюк**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. А. Ершова**, канд. психол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- С. А. Минорова**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- Т. Ю. Быстрова**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)
- Г. Е. Зборовский**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. В. Зиновьев**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- В. Ф. Олешко**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Р. Коул (Richard Cole)**, PhD, проф. (США,
Чапел Хилл, Университет Северной Каролины)
- Ответственный секретарь
- Л. А. Хухарева**

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Олешко В. Ф., Белова М. Ю.</i> Преодоление цифрового неравенства в контексте инклюзии (на примере российских и немецких массмедиа).....	5
<i>Выровцева Е. В., Симакова С. И.</i> Игровой сторителлинг в формировании исторической памяти: потенциал новых медиаформатов.....	14
<i>Лабутина В. В., Топчий И. В.</i> Дискурсивная практика как пространство формирования ценностей медиасообщества (на примере комментариев сетевого медиаконтента в Instagram)	24
<i>Амиров В. М., Мамедова С. Я.</i> Интервью: от классического жанра к современным форматам (на примере программ «Вдудь» и «А поговорить?»).....	30
<i>Медведева А. Р.</i> Медиаэстетические функции интерфейса культурно-просветительской журналистики (на примере проекта «Арзамас»).....	38
<i>Калганова С. О.</i> Поиски идеологической концепции и семантика идеологемы.....	46
<i>Булатова Э. В., Гнатив М. П., Погребнякова А. А.</i> Невербальные компоненты смысловой структуры поликодовых рекламных текстов в сети Instagram	61
<i>Томилов Ю. В.</i> Фольклорные традиции в авторской анимации Оксаны Черкасовой	74
<i>Антошин А. В., Баранова Л. Я.</i> Профессор Н. Н. Попов и эпоха гласности в региональных печатных СМИ на Среднем Урале	82
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>Усанова И. А.</i> Особенности поэтики литературно-критических высказываний А. П. Чехова	86
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Кириллова Н. Б.</i> Уральская культурологическая школа: истоки, реалии, перспективы.....	93
<i>Воробьева М. В., Рабинович Е. И.</i> О месте идеологии в работе советских садов и парков 1920-х — начала 1930-х гг. (на примере г. Свердловска).....	101
ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Куваева И. О.</i> Особенности организации концепта <i>Пандемия</i> у представителей социномических профессий	113
<i>Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э.</i> Формирование персонализированных нейрообразовательных результатов учебной деятельности у обучающихся в профессиональной школе.....	124
<i>Сергеева Т. Б., Глуханюк Н. С., Борисов Г. И.</i> Ценностно-мотивационные показатели в позднем возрасте: результаты исследования	133
<i>Костюк А. В., Токарская Л. В.</i> Исследование непроизвольного реагирования на стимулы окружающей среды у детей третьего года жизни с расстройствами аутистического спектра	141
ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ	
<i>Уманская Ж. В.</i> Субъектный подход в компетентностной модели культурологического образования	150
УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ	
<i>Шаброва Н. В., Тихонова А. О.</i> Формирование общественного мнения в отношении людей «третьего возраста»: региональный аспект	159
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Научно-практическая конференция «Региональная журналистика в новой коммуникационной среде: уроки пандемии Covid-19»	171
Summary	173

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.049

УДК 070:654 + 316.774 + 376.1 + 616-036.865 + 070.11:004.77

В. Ф. Олешко

М. Ю. Белова

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ ИНКЛЮЗИИ (на примере российских и немецких массмедиа)*

Авторами статьи проведено сравнительное исследование освещения российскими и немецкими массмедиа проблематики организации жизнедеятельности людей с ограниченными возможностями здоровья в контексте развития инклюзивных процессов. Установлено, что журналисты могут помочь инклюзии представителей данной социальной группы (например, регулярно рассказывать о мероприятиях с их участием, чтобы дать людям с инвалидностью почувствовать себя полноценными акторами общественной жизни). В качестве выводов даны и другие рекомендации, подготовленные на базе результатов исследования и мнения авторитетного эксперта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: инклюзия; ОВЗ (ограниченные возможности здоровья); цифровое неравенство; массмедиа; социальная журналистика

Проблематика, касающаяся организации жизнедеятельности людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в контексте развития инклюзивных процессов в российском обществе и за рубежом, приобрела в последнее время особую важность. Исследователи при этом все чаще определяют «научно-теоретические подходы к разработке концепции человеческого достоинства как коррелирующие с принципами социальной инклюзии» [Афонькина, с. 149]. Это связано с тем, что в новом тысячелетии стали существенно меняться подходы к этой категории

---

* Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00264 в рамках научного проекта «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции».

ОЛЕШКО Владимир Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru). ORCID: 0000-0003-3001-7391

БЕЛОВА Мария Юрьевна — журналист, помощник депутата Законодательного собрания Челябинской области (e-mail: belowa_maria@rambler.ru).

© Олешко В. Ф., Белова М. Ю., 2021

людей. О безбарьерной среде, о льготах для людей с ОВЗ и тренировочных квартирах, где инвалиды готовятся к самостоятельной жизни, сегодня говорят и пишут много, но, как свидетельствует практика, не всегда выделяется одна из основных для этих людей проблем — проблема одиночества. Как это ни парадоксально, но цифровой разрыв даже в информационном обществе в наибольшей степени затронул именно данную социально-демографическую группу россиян. Это наглядно показал начальный период коронавирусной пандемии.

В повседневной жизни общение людей с ОВЗ зачастую ограничивалось, да порой и сегодня ограничивается, лишь рамками семьи или ближайших родственников. И если процесс инклюзивности, свидетельствуют эксперты [Самсонова, Шеманов], нужно начинать с формирования общественного мнения о том, что обществу в целом необходимо принять людей с инвалидностью [Конвенция...] и начать относиться к ним как к равным, то разрушение информационных барьеров и ограничений — это задача, которую необходимо решать комплексно, с учетом имеющегося отечественного и зарубежного опыта, а также учитывая законодательные основы [Федеральный закон...].

Государство, являясь гарантом обеспечения социальной защищенности людей с инвалидностью, призвано создавать им необходимые условия для индивидуального развития, реализации творческих и производственных возможностей, предоставлять социальную помощь в предусмотренных законодательством видах в целях устранения препятствий при реализации людьми с ОВЗ прав на охрану здоровья, труд, образование, а также жилищных и иных социально-экономических прав. Но при этом чаще всего не ставится вопрос о том, что нужны организационные и иные меры и для активизации процессов включения представителей этой социальной группы в различные коммуникативные среды. Часть из них как раз обеспечивают новые медиа и социальные сети.

Массмедиа же, которые в современном обществе являются одним из главных индикаторов социальных изменений и важным источником информации, представляются самым мощным каналом влияния на массовое сознание — на формирование мнения как всего общества в целом, так и отдельных его членов. Именно многообразные субъекты информационной деятельности — журналисты, блогеры, инстаграмеры и др. — могут в цифровую эпоху повлиять на процессы формирования отношения наших сограждан к людям с особыми потребностями, помогая им адаптироваться. Априори толерантность является сегодня одним из важнейших маркеров не только социально-технологических трансформаций новейшего времени, но и в целом развития общемировых гуманистических традиций. Следовательно, проблематика преодоления людьми с ОВЗ границ социального коммуницирования и цифрового разрыва, обусловленного в последнем случае не столько отсутствием доступа к каналам и средствам связи, сколько несовпадением интересов и сфер жизнедеятельности представителей этого и других социумов, должна постоянно быть в фокусе внимания традиционных СМИ и новых медиа. Но так ли происходит на самом деле? И если появляются тексты на тему инклюзивности и социального просвещения по данной теме, то насколько они результативны? Этой проблематике, которая во все более

глобализирующемся мире является всеобщей, было посвящено исследование, результаты которого обобщены в данной статье. В качестве эмпирического материала использованы публикации СМИ и сетевых изданий России и Германии в период ограничений, обусловленных пандемией, — с апреля 2020 г. по апрель 2021 г. Они представляли типологические группы федеральных и региональных информационно-аналитических и специализированных массмедиа, но обязательно характеризовались как регулярно обновляемые и контентосоздающие. Всего был произведен системно-тематический анализ пятидесяти текстов. При чем ограничения в объеме позволяют нам представлять только те из них, которые подготовлены профессиональными журналистами как субъектами не только социальной журналистики, но и профессиональной культуры, ведь сами массмедиа при этом являются еще и медиаторами коммуникативно-культурных процессов в обществе [Олешко В. Ф., Олешко Е. В.].

В целом существует большое количество определений социальной журналистики, к которой, безусловно, относятся и проанализированные нами тексты. Мы трактуем социальную журналистику как «...специфический вид медиатеятельности, основой которого является массовый, регулярный, в определенной степени упорядоченный и субъективно управляемый процесс по сбору, обработке и передаче только значимой для того или иного социума или индивида информации. Концептуально это формулируется примерно так: предназначение социальной журналистики — нести как можно больше информации как можно большему числу людей, ибо они должны иметь возможность сравнивать свою жизнь с чьей-то другой, чтобы в итоге попытаться сделать свою жизнь лучше» [Олешко, с. 114]. В этом случае, на наш взгляд, социальную журналистику можно трактовать и как журналистику соучастия, отражения злободневных аспектов повседневной жизни индивидов, развития гражданских качеств личности и отстаивания прав человека. М. Гессен и М. Назари связывают также ее развитие «с противоречиями внутри общества (система “человек — общество”» [Гессен, Назари, с. 215], И. М. Дзялошинский акцентирует внимание на том, что социальная журналистика стремится позитивно влиять на социальные структуры, управляющие различными сферами общественной жизни [Дзялошинский]. Но при этом существует две точки зрения на функцию журналиста-автора в социальной журналистике: «...автор социально-журналистского материала должен лишь указать на проблему, представить различные взгляды на нее, осветить происходящее с максимально возможной объективностью; автор должен не только описать проблему, но и попытаться найти из нее выход» [Ткаченко, с. 18]. Результаты нашего исследования свидетельствовали, что эффективность публикаций во многом предопределяли все же такие аспекты, как соблюдение/несоблюдение правовых и законодательных мер при решении проблем инвалидов. Но на первый план выходили вопросы максимально возможной объективности авторов, а также эмоциональные и социально-психологические аспекты их творческой деятельности: к примеру, преодолели ли они стереотипный подход, зачастую свойственный при восприятии данной проблематики, предоставили ли читателю возможность «пережить» конкретную историю и сделать выводы, не убеждая напрямую кого-то в своей идее, в своих мыслях по этому поводу.

Многомерность инклюзии как возможности всем представителям общества реализовать свои права и интересы предопределяет тот факт, что массмедиа должны выделять в своей деятельности фактор формирования инклюзивной культуры [Абрамовских], а конкретно в отношении инвалидов, как мы уже отмечали, способствовать устранению тех физических и социальных барьеров, которые препятствуют полноценному включению человека с особыми возможностями во все общественные процессы. Не просто свидетельствовать, что государство поможет — ведь для этого существуют специальные программы, а начинать с изменения своих повседневных привычек, с изменения отношения окружающих, представителей массовой аудитории. Менять отношение — значит не жалеть человека с ОВЗ или игнорировать («не мое»), а принимать его и считать таким же, как ты, а не «другим». И как раз у журналистов есть отличная возможность посредством новостной и информационно-аналитической повестки конкретного массмедиа сформировать адекватное общественное мнение о людях с особыми возможностями. В этом видится большая ответственность современных медиа как субъектов социальной модерации.

В качестве примера того, как, по каким индикаторам и с использованием каких доминантных единиц мы систематизировали основные характеристики текстов массмедиа на тему инклюзивности, приведем сравнительный анализ одной из публикаций. Начнем с русскоязычного сегмента — сетевого издания **74.RU**.

Материал: «Бац... Мир разрушился в мгновение, и ты не знаешь, что с этим делать: сенатор из Челябинска — о дочери с аутизмом» [74.RU. *Новости Челябинска*. URL: <https://74.ru/text/health/2021/04/02/69844733/> (дата обращения: 20.05.2021)].

Автор: Светлана Талипова.

Жанр: В сетевом издании новость расположена в разделе «Истории». Однозначно методом сбора информации было интервью, но журналист не выбрал этот жанр, а обработал текст и подготовил очерк.

Тема: Рассказ сенатора Маргариты Павловой о воспитании ребенка с аутизмом.

Главная интенция автора: Она вынесена в подзаголовок: «Особые дети могут быть самостоятельными, главное — дать им эту возможность».

Информационный повод: Пленарное заседание в Совете Федерации, где сенатор Маргарита Павлова говорила о разработке программы для людей с ментальными нарушениями, чтобы они могли становиться помощниками тренеров.

Содержание: Текст разбит на части по темам, каждая из которых имеет свое собственное название. Из лидер-абзаца читатель узнает о том, что сенатор в течение 16 лет воспитывает дочь с особыми возможностями здоровья и не понаслышке знает об особенностях воспитания таких детей.

«Что вы панику наводите?»: В этой части текста представлено описание особенностей поведения дочери сенатора в первые годы жизни, когда врачи сказали: «Это не ДЦП, а атипичный аутизм».

«Это гораздо эффективнее уколов и таблеток»: Мать ребенка с ОВЗ рассказывает о диете, благодаря которой дочь стала самостоятельно ходить,

посещать детский сад, гулять одна, ориентироваться в пространстве и контролировать себя.

«И тогда ты по кирпичику собираешь себя»: Описывается морально-психологическое состояние родителей, у которых появился особый ребенок. Маргарита Павлова говорит честно: в самом начале это настоящий шок, а сам процесс принятия такого ребенка измеряется годами. По ее мнению, очень важно, чтобы рядом оказались специалисты, которые помогут принять правильное решение.

Результативность публикации: В последних двух частях с подзаголовками «Синдром выученной беспомощности» и «От жалости к этим людям мы перешли в ресурсное состояние» читатель может сформулировать вместе с автором очерка важнейшие выводы по поводу отношения к людям с ОВЗ. Маргарита Павлова, приводя в пример тренировочные квартиры, где молодые люди с особенностями развития учатся жить самостоятельно, говорит: «Из плоскости жалости к этим людям мы перешли в ресурсное состояние, потому что там колоссальная энергия скрыта»; «Когда мы перестаем жалеть этих людей или детей, открывается огромный потенциал». Подтверждая эти слова, сенатор признается, что когда приходит за своим ребенком в школу, видит, как она самостоятельно, без прямой помощи родителей делает гораздо больше, чем с ними. А синдром выученной беспомощности — *гиперопека*. Ведь зачастую вместо того, чтобы научить ребенка делать что-либо самостоятельно, его семья, как бы жалея его, начинает многое делать вместо него самого — к примеру, вытирать салфеткой рот, расчесывать волосы и т. д.

Интенция (намерение) автора и языковые средства выразительно-сти: Читая лидер-абзац, мы уже понимаем намерение автора, который создал этот текст: «Кажется, получился очень важный разговор. Не только для семей, в которых растут особенные дети, но и для всех остальных, потому что вопрос толерантности и готовности принимать таких людей по-прежнему на повестке». Действительно, в тексте есть информация как для родителей детей с ОВЗ (например, о диете, о принятии), так и для людей, не до конца понимающих, как вести себя с людьми с ОВЗ, а также для потенциальных работодателей, которые пока в силу различных обстоятельств крайне редко трудоустраивают человека с инвалидностью. Этот материал однозначно можно назвать одним из лучших текстов по теме инклюзивности. Автор и его герой транслируют позитивный опыт социализации людей с ОВЗ, не жалеют их, не называют несчастными и используют эвфемизмы, которые мы укажем ниже.

В целом же в тексте не так много изобразительно-выразительных средств, а те, что есть, используются не ради красоты, а ради того, чтобы человек проникся, лучше понял. Например, есть сравнение: «Появился тремор, дрожание, как будто ребенок замерз или его испугали»; эпитет «чудесный ребенок»; метафора «по кирпичику собираешь себя».

Наличие эвфемизмов: В данном материале об инклюзивности людей с инвалидностью используются исключительно эвфемизмы. Например, «особые дети», «особенные дети», «дети с ментальными нарушениями» и др.

Онлайн-журнал «Такие дела» [URL: <https://takiedela.ru/> (дата обращения: 24.05.2021)] использует для освещения данной тематики широкую гамму жанров — от заметки до портретного очерка. Но в центре также всегда человек с его переживаниями. Причем в больших по объему текстах журналисты активно используют цифровые возможности из арсенала конвергентной журналистики, а также лексические и синтаксические средства выразительности и приемы — эпитеты, сравнения, синестезию, фразеологизмы, просторечия, риторические вопросы и восклицания. О результативности публикаций нередко свидетельствуют пожертвования представителей аудитории для людей с ОВЗ.

Для Ленты.Ру [Lenta.ru. *Новости России и мира сегодня*. URL: <https://lenta.ru/> (дата обращения: 20.05.2021)], как мы выяснили, основным жанром освещения темы являются информационные заметки. При этом, как правило, описываются резонансные ситуации, когда людей с ОВЗ как-то обижают, пытаются на них нажать, что-то отобрать. Однако есть новости, где отрицательными героями становятся люди с ОВЗ (например, новость про погоню полицейского за мужчиной на инвалидной коляске, который нарушил ПДД). На наш взгляд, журналисты издания в этом и других случаях стремились лишь к повышению рейтинга публикаций за счет количества просмотров, о чем свидетельствует обращение к далеко не эксклюзивным новостям, яркий заголовочный комплекс и даже тот факт, что людей с ОВЗ они называют только «инвалидами».

Впрочем, то же самое можно сказать и о публикациях «Комсомольской правды», с тем отличием, что выбранные резонансные случаи могут публиковаться как «истории с продолжением». А вот региональные массмедиа — **74.RU** и «ПЧЕЛА» [Новости Челябинска. URL: <https://pchela.news/> (дата обращения: 20.05.2021)], видимо, в меньшей степени сконцентрированные на сугубо коммерческой составляющей медийной деятельности, чаще всего акцентируют внимание своей аудитории на примерах положительного опыта адаптации людей с инвалидностью.

Важным аспектом проведенного исследования было сравнение и выявление особенностей освещения темы инклюзивности в современных немецких массмедиа. Используя тот же методологический подход, мы перевели и проанализировали публикации одного из главных немецких таблоидов «BILD» [Bild.de. URL: <https://www.bild.de/> (accessed: 01.05.2021)], ежедневной общенациональной газеты «WELT» [WELT. de. URL: <https://www.welt.de/> (accessed: 24.04.2021)], а также тексты, представленные в информационно-политическом журнале «DER SPIEGEL» [DER SPIEGEL. de. URL: <https://www.spiegel.de/> (accessed: 20.05.2021)] и на новостном портале «t-online.de» [t-online.de. URL: <https://www.focus.de/> (accessed: 28.05.2021)].

Крупнейшая немецкая ежедневная иллюстрированная газета-таблоид «**BILD**» публикует чаще всего лишь резонансные новости, связанные с причинением вреда людям с ОВЗ, среди которых была, в частности, история об убийстве медсестрой пациентов с инвалидностью. В то же время в анализируемый период была напечатана статья и о положительном опыте адаптации людей с особыми возможностями здоровья. Например, о девушке, которая работает в деревне, где

проживают и трудятся в сыроварнях, садовых и фермерских магазинах люди с ОВЗ. Эмоциональный аспект в этих и других публикациях был выражен слабо, авторские интенции характеризуются, на наш взгляд, желанием вызвать резонанс в обществе или рассказать об успешном опыте инклюзии людей с инвалидностью, привлечь читателей к сотрудничеству с ними.

У журналистов ежедневной газеты «WELT», пользующейся популярностью у представителей немецкой бизнес-элиты, преобладающим жанром освещения темы инклюзии является аналитическая статья. Уже даже по заголовкам можно судить о том, что в статьях не только рассматривается социальная проблематика, но и указываются конкретные адреса тех, кто ответственен за решение актуальных задач: «*Land Schlusslicht bei Beschäftigung von Schwerbehinderten*» («Федеральная земля дает задний ход, когда речь идет о трудоустройстве людей с тяжелыми формами инвалидности»), «*Werkstätten für Menschen mit Behinderungen drohen Einbußen*» («Мастерским для людей с ограниченными возможностями здоровья грозят убытки») и др. Эти и другие проблемные статьи о трудоустройстве людей с ОВЗ — своего рода красная линия данного издания.

Новостной портал «t-online.de» и информационно-политический журнал «DER SPIEGEL» при освещении темы инклюзии много внимания уделяют проблемам толерантности в обществе. К примеру, появление на портале публикации «*Handicap ist das falsche Wort: Wie behinderte Menschen genannt werden wollen*» («Handicap — неправильное слово: как люди с инвалидностью хотят называться») позволило развернуть дискуссию на тему: как влияет наступление неожиданной для вчера еще здорового человека инвалидности на качество жизни и отношения этого человека с окружающими. Другие авторы рассуждают на тему использования современных словечек, которыми некоторые называют людей с инвалидностью. К примеру, журналист, анализируя этимологию слова «Handicap» или «gehandicapt», приходит к выводу, что оно имеет негативную коннотацию. Этот термин обозначал людей без определенного места жительства, сидящих на обочине дороги со шляпами в руках и просящих денег. Автор предлагает использовать толерантное слово «Behindert».

«DER SPIEGEL» — издание с одним из самых больших тиражей не только в ФРГ, но и в Европе, в среднем в неделю продается около 1,1 млн экземпляров. Поэтому в анализируемый период тема толерантного отношения к инвалидам была сфокусирована чаще всего на типичных случаях нарушения прав граждан: «*Bundesregierung will Frauen mit Behinderung besser vor Gewalt schützen*» («Федеральное правительство хочет лучше защищать женщин с ограниченными возможностями от насилия»), «*Heil will auch Familien von Behinderten entlasten*» («Хайль хочет помочь семьям с людьми с ограниченными возможностями здоровья»), «*Warum hat Papa keine Arme und Beine?*» («Почему у папы нет рук и ног?»). В первой публикации говорится о законопроекте, который поможет лучше защищать женщин с ОВЗ от насилия, так как они чаще, чем другие женщины, подвержены ему. Во второй речь идет о предложении министра социальных дел Хубертуса Хайля, который хочет организовать системную финансовую помощь семьям людей с ограниченными возможностями. Согласно законопроекту, в будущем

только родственники с годовым доходом более 100 тыс. евро должны будут вносить дополнительные платежи за помощь в инклюзии. В третьей статье автор рассказывает о родителях с инвалидностью, которые воспитывают пятилетнюю дочь. Он обращает внимание на то, что в семье царит гармония и любовь, несмотря на то что поддержка со стороны государства пока является недостаточной. Таким образом, журналист и фотограф, иллюстрировавший публикацию, хотели привлечь внимание властей к подобным семьям.

В качестве выводов нашего исследования мы хотим дать рекомендации журналистам и другим субъектам информационной деятельности, которые могут способствовать преодолению цифрового неравенства людьми с ОВЗ. Часть из этих рекомендаций мы соотнесли с мнением эксперта, в качестве которого выступила министр социальных отношений Челябинской области И. В. Буторина.

1. Говоря о людях с инвалидностью, необходимо уходить от терминов «инвалид» или «ребенок-инвалид». Лучше использовать такие эвфемизмы, как «люди с ограниченными возможностями здоровья», «дети с особыми потребностями в системе воспитания», «солнечные дети» и т. д.

2. Массмедиа и авторы в своих публикациях не должны жалеть людей с ОВЗ. Нужно воспринимать человека с инвалидностью абсолютно как равного, не выделяя особенностей в его развитии.

3. Журналисты могут помочь инклюзии людей с ОВЗ, рассказывая о крупных мероприятиях с их участием.

4. Если журналист пишет о какой-либо резонансной ситуации, связанной с человеком с ОВЗ, важно, чтобы сама история подавалась нейтрально. У читателя должно быть право дать свою оценку произошедшему.

5. Автор, освещая проблему, может подсказать читателю, находящемуся в подобной ситуации, пути ее решения, объяснить, что выход есть. Также важен факт материальной помощи представителям данной социальной группы. Но это должно быть не «подаванием», а финансированием развития семьи, индивида или его бизнеса.

6. Писать о ситуациях, где отрицательным героем является человек с инвалидностью, можно, так как мы не выделяем его по принципу присутствия особых возможностей. Однако не нужно сразу же выносить в заголовок или в лидер-абзац термин «инвалид», как это часто встречалось в немецкоязычных массмедиа. Но у журналистов немецких СМИ можно поучиться представлению информации нейтрально, без назидательных оценок. Риторические вопросы вообще должны быть исключены, как и излишняя эмоциональность авторов.

Перспективы дальнейшего исследования данной тематики мы связываем с изучением творческой деятельности журналистов, причем не только специализированных и общественно-политических СМИ и массмедиа, но и деловых, а также СМИ англоязычных стран.

Афонькина Ю. А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // Современные исследования социальных проблем : [электрон. журн.]. 2015. № 11 (55). С. 149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inklyuziya-lits-s-invalidnostyu-i-problema-chelovecheskogo-dostoinstva> (дата обращения: 11.05.2021).

Гессен М., Назари М. По жизни : пособие по социальной журналистике. М., 2002.

Дзялошинский И. М. Профессиональная этика журналиста : учебник и практикум для акад. бакалавриата. М., 2019.

Конвенция ООН о правах инвалидов от 13.12.2006 : резолюция Генеральной ассамблеи 61/06. URL: https://unatlib.ru/images/librarians/resources/method-recomend/osobyje-kategorii/v_01/1_convencija_OON.pdf (дата обращения: 16.06.2021).

О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федер. закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 22.08.2004). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 24.06.2021).

Олешко В. Ф. Социальная журналистика: какой она должна быть в информационную эпоху?... // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 5 (259). С. 113–117.

Олешко В. Ф., Олешко Е. В. СМИ как медиатор коммуникативно- культурной памяти : монография. Екатеринбург, 2020.

Самсонова Е. В., Шеманов А. Ю. Методологические аспекты инклюзивного образования // Инклюзивное образование: преемственность инклюзивной культуры и практики : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 44–54.

Ткаченко Ю. А. Социальная радиожурналистика в современном радиоэфире : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019.

Статья поступила в редакцию 25.06.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.050

УДК 070.1:316.7 + 004.032.6 + 94:159.953 + 316.346.36

Е. В. Выровцева**С. И. Симакова**

ИГРОВОЙ СТОРИТЕЛЛИНГ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПОТЕНЦИАЛ НОВЫХ МЕДИАФОРМАТОВ

Исследование посвящено изучению актуальной темы формирования и развития коммуникативно-культурного диалога в условиях непрерывной сегментации общества, о которой предупреждал еще Э. Тоффлер и которая усиливает как вертикальный (межпоколенческий), так горизонтальный (социальный) разрыв. Эта проблема тесно связана с еще одной актуальной темой — формирование исторической памяти, без чего невозможно представить единство страны и общественный диалог. Создатели современных мультимедийных проектов предложили новый формат коммуникации, новый способ разговора о прошлом страны и мира. Игровой сторителлинг смело можно назвать новым востребованным типом медиатекста. Исследование проектов «1917. Свободная история» (<https://project1917.ru/>), «Карта истории» (<https://kartaistorii.ru/>), «1968Digital. Год, когда все началось» (<https://1968.digital/ru/main>) с точки зрения их жанрово-функциональных особенностей, способов организации интерактивной коммуникации и средств воздействия на аудиторию позволяет выявить особенности их функционирования в контексте заявленной проблемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: игровой сторителлинг; историческая память; медиатекст; сторителлинг

В современной медиапрактике сторителлинг (рассказывание истории, изначально устной) оказался одним из самых востребованных и популярных форматов: представление события в заметке как увлекательной истории, интервью как история жизни, обзор как история взаимоотношений субъектов и объектов действительности. Важно отметить, что это превратилось в определенный прием, штамп, обязательное требование к медиатексту. Причин такой популярности сторителлинга много, укажем лишь некоторые из них. Во-первых, рассказывание истории — это знакомая с детства структура, освоенная на сказках, притчах, романах. Во-вторых, как справедливо заметила в книге «Сторителлинг. Как использовать силу историй» А. Симмонс, «рассказывание историй — широко распространенная на Западе техника убеждения» [Симмонс]. В условиях борьбы за реципиента и в ситуации непрерывных дискуссий потенциал воздействующей, убеждающей функции сторителлинга трудно переоценить. В-третьих,

---

ВЫРОВЦЕВА Екатерина Владимировна — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: vyrovcevae@gmail.com). ORCID: 0000-0002-6882-2479

СИМАКОВА Светлана Ивановна — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета (e-mail: simakovi@mail.ru). ORCID: 0000-0001-5248-9459

© Выровцева Е. В., Симакова С. И., 2021

рассказывание истории — это способ представления информации, который оказался необходим сегодня, когда накоплена пророчески определенная в книге А. Симмонс усталость от новостей: «Людам не нужна новая информация. Они сыты ею по горло» [Симмонс]. И современные цифровые, мультимедийные технологии обеспечили создателей медиатекстов универсальными и бесконечно разнообразными средствами и приемами представления истории, которая «в данном случае — во многом объект, представляющий собой практически бесконечный материал для различного рода “экспериментов с форматами”» [Маркасов, Маркасова, с. 168]. В частности, мультимедийная среда позволила «персонализировать контент» [Уткин, Покровская, с. 24], что сделало очень значимой возможность погружения в историю и для игрового сторителлинга.

Таким образом, объектом исследования стали популярные проекты в формате игрового сторителлинга. На основе методов текстового анализа, интент-анализа, опроса и фокус-групп (участвовали студенты Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ) предпринята попытка определить функционально-коммуникативные особенности новых медиаформатов, их роль в формировании исторической памяти. Исследование опирается на научные работы о коммуникативно-культурной памяти [Саймонс и др.], о феномене исторической памяти [Леопя; Тюкина], о роли медиа в современном обществе [Гладкова, Вартанова, Рагнедда], о современных мультимедийных форматах [Barashkina, Virovtseva, Maslenkova], о возможностях и особенностях коммуникации в цифровых медиа [Manovich].

О новых способах существования массовой коммуникации и ее возможностях пишет М. Кастельс, назвавший новую форму социальной коммуникации *mass self-communication*: «Это массовая коммуникация, потому что она связывает потенциально глобальную аудиторию посредством пиринговых сетей и интернета <...> само-генерируема в содержании, само-направлена в распространении, само-избирательна в потреблении многими, коммуницирующими со многими. Поистине мы в новом коммуникативном царстве и в абсолютно новом медиуме, плоть от плоти компьютерных сетей, чей язык есть цифра, чьи носители заселяют весь мир и могут общаться друг с другом глобально <...> он (медиум. — *Авт.*) делает возможным бесконечное разнообразие и растущую автономность коммуникативных потоков, которые создают и пересоздают каждую секунду глобальное и локальное производство смыслов публичного пространства» [Castells, p. 248]. Эти новые коммуникативные условия влияют на особенности формирования исторической памяти и предлагают новые методы организации общественного диалога.

Сторителлинг сегодня активно изучается [Антакова; Paniukova], ученые обращают внимание на особенности предоставления информации, на суггестивный потенциал сторителлинга [Симакова, Енбаева; Енбаева, Топчий].

Проблема исторической памяти остается дискуссионной, современные исследователи предлагают разные подходы к определению этого феномена. Обзору научных публикаций посвящена статья Т. Г. Шумкиной [Шумкина]. Л. А. Тюкина акцентирует внимание на отношениях коллективной и индивидуальной памяти:

«Историческая память социально предопределена, она генерируется из различных источников, в том числе опирается на личный опыт, то есть включает субъективную точку зрения, связанную с индивидуальными особенностями восприятия, интерпретацией исторического опыта, особенно событий “живой” истории, свидетелем и участником которой был человек. Индивидуальный опыт каждого отдельного человека очень обрывочен, поэтому исключителен и неповторим и охватывает относительно непродолжительный период исторического времени, а значит, не может составлять основу исторической памяти» [Тюкина, с. 185]. А. И. Леопа определяет, вслед за другими исследователями, историческую память как необходимое условие самопознания народа, его душу: «...в ней — выношенные в веках идеалы будущего. Интерес к истории всегда отражает потребность человека проникнуть в смысл бытия, и только такой путь ведет к человеку духовному», ученый обращает внимание на то, «что историческую память нельзя понять и представить вне эмоциональной сферы жизнедеятельности человека» [Леопа, с. 26, 58]. Различия в понимании исторического прошлого представителями разных поколений и разных социальных групп обусловлены обращением к тем или иным источникам, которых с каждым годом становится все больше: глобализация общего контекста затрудняет общение, всегда основанное на совпадении или хотя бы пересечении фоновых знаний. На основе результатов социологического исследования такой вывод делает В. Э. Бойков: «...историческая память, являясь интеллектуальным и эмоциональным отражением событий минувших веков, обращена к опыту текущей жизни и будущему народа, страны и государства. Именно поэтому в совокупности представлений, оценок, настроений и других форм проявления общественной психики, связанных с восприятием отечественной и мировой истории, наблюдается широкое многообразие суждений. Это выражается, в частности, в особенностях понимания исторического прошлого и настоящего представителями разных возрастных групп» [Бойков]. Все это обусловило актуальность разговора о возможностях участия современных медиа в процессе формирования исторической памяти.

Развитие идей Маклюэна, Тоффлера, Рашкоффа реализуется в изучении медиатизации и панмедиатизации современного общества: «Если медиатизация — процесс, то панмедиатизация — завершение стадии этого процесса, ведущее к новому состоянию мира — инкорпорирование медиа не только в социальную жизнь, но и собственно в человеческое тело <...> Термин “панмедиатизация” обозначает конкретный и исторический феномен возвращения массмедиа к человеку» [Загидуллина, с. 33–34]. Игровой сторителлинг, на что обращают внимание принявшие участие в опросе студенты, позволяет выбирать время, место и способ знакомства с историческими фактами: это может быть любой формат — от просмотра (скроллинга) и увлекательной игры до внимательного изучения и полного погружения, формирующего желание обратиться к другим источникам.

Современные исследователи также акцентируют внимание на функционирование интересубъективной коммуникации *manu-to-manu* [Crosbie]. В условиях постоянной смены позиций адресанта и адресата, обеспеченной возможностью «перевплотиться из субъекта воспринимающего в субъект воспроизводящий»

[Левшаков, с. 131], особое значение приобретают способы и средства установления контакта, эффективного диалога, так как для каждого участника коммуникации очень важно, чтобы его услышали и его позицию дифференцировали в разветвленном тексте полилога, что уже освоено цифровыми медиа и что лежит в основе исследуемых проектов: «...коммуникативный мир опирается на то, что сообщения в нем отправлены, восприняты и поняты» [Назарчук, с. 303].

Предоставленная создателями проектов «1917.Свободная история» и «Карта истории» возможность, пусть и в игровом формате, стать участником исторических событий, прожить жизнь знаменитых и обычных людей из прошлого, вступить с ними в контакт, а также организация обратной связи в проекте «1968Digital. Год, когда все началось» как раз обеспечивают необходимый диалог, формируют историческую память.

Некоторые из новейших форматов медиатекста можно назвать экспериментальными, на это указывает и их автор Михаил Зыгарь: «Мы создаем сайты, мобильные приложения, анимационные фильмы, но главное — мы придумываем новые способы рассказывать истории и постоянно экспериментируем с форматами» (<https://project1917.ru>). При обращении к указанным темам такие форматы оказались наиболее востребованными не случайно: именно сторителлинг позволил, с одной стороны, реализовать интенции авторов, а с другой стороны, вовлечь в процесс осознания исторического прошлого людей разного возраста и разных социальных групп. Проведенный среди студентов, будущих журналистов, опрос позволяет понять, как воспринимаются история и ее оценки современной молодежью, для которой привычным оказывается выбранный создателями проектов «1917.Свободная история», «Карта истории», «1968Digital. Год, когда все началось» вид медиатекста, но у которых фоновые знания — политические, культурные, социальные, исторические — не совпадают с фоновыми знаниями не только свидетелей и участников исторических событий, но и тех, кто изучал историю по иным источникам.

Особого внимания заслуживает оценка молодыми пользователями коммуникативных эффектов игрового сторителлинга. Они объясняют его востребованность как способа предоставления фактов развитием цифровых технологий и конвергенцией, которые не только приучили современного потребителя информации к скроллингу и так называемой журналистике заголовков, но и вернули в медиа «длинные тексты», сформировали новый тип реципиента — активного, участвующего в создании медиаобраза, реагирующего на предложенные автором-адресантом факты, мнения, оценки. С этой точки зрения трудно представить более удобный и эффективный формат диалога об истории и о исторической памяти. Для «проживания» судеб известных и неизвестных людей на сайте «Карта истории» были выбраны три эпизода: «Семья Окорочковых — выжившие» (<https://kartaistorii.ru/okorokovy>), «Юрий Гагарин — звездный путь» (<https://kartaistorii.ru/s5/gagarin/>), «Иосиф Бродский — так называемый поэт» (<https://kartaistorii.ru/s5/brodsky/>). Студентам было необходимо принять решение, выбрав один из предложенных авторами путей выхода из сложной (иногда конфликтной) ситуации.

Семья О कोरोковых: *Добравшись до Ильинки, Алексей узнает, что жена с детьми под Нарымом. Придется возвращаться назад, но пока надо перевести дух. От ОГПУ Алексей укрывается на чердаке в доме у своей сестры Фросы и ее мужа Баталова. Фрося или опасается наказания за помощь ссыльному, или одобряет политику советской власти. Она идет в сельсовет донести на брата.*

Как поступить Алексею: 1. Пока Фрося не вернулась, добраться до ближайшего леса и переждать. 2. Прятаться поздно. Нужно надеяться, что Фрося передумает по дороге.

Юрий Гагарин: *Осенью 1954 года вы узнаете, что в местный аэроклуб набирают курс летчиков. Вы уже два раза пытались поступить в другие летные училища, но оба раза вас не принимали. В заявлении на прием надо рассказать о себе и близких родственниках. Во время войны вы жили на оккупированной территории, а ваши брат и сестра были угнаны в качестве остарбайтеров в Германию — привлекать к этому дополнительное внимание может быть опасно. С другой стороны, времена изменились, и, возможно, это не имеет большого значения.*

Как поступить: 1. Рассказать о родственниках. 2. Скрыть компрометирующие факты.

Иосиф Бродский: *Друзья предлагают вам лечь в психиатрическую больницу, чтобы получить диагноз, который может смягчить приговор суда. Есть вариант устроиться на работу — любую, даже простым рабочим, лишь бы к вам было неприменимо обвинение в тунеядстве.*

Как поступить: 1. Лечь в психиатрическую больницу. 2. Устроиться на работу.

Студенты отмечали, что сделать выбор очень трудно всегда, и основывались прежде всего на своем личном жизненном опыте. Во время обсуждения главной задачей стало формирование представлений о конкретной исторической эпохе, которые невозможно получить без осознания политической, экономической, социальной ситуации, а также существовавшей в тот период системы ценностей. Игровой формат позволяет понять конфликт советского воспитания идеального кандидата в покорители космоса Ю. Гагарина и некоторых его несоветских поступков. Исторический контекст (документы, кадры кинохроники, фотографии) позволяет понять, почувствовать живущему в благополучном XXI в. человеку трагичность, даже катастрофичность любого выбора в эпизоде о раскулачивании семьи О कोरोковых. История страны через историю конкретного человека или семьи «проживается» в игровом формате как более реальная, поэтому точнее и острее осознается. Однако остается актуальным вопрос: не замещает ли игра «серьезную рефлексию — субъективными эмоциями» [Выровцева, с. 28], не превращаются ли реальные факты и реальные герои в художественные образы. Интересно, что именно формат игр вызвал противоположные оценки у будущих журналистов:

Игра — это лучший способ изучения и освоения нового материала. В процессе игры лучше усваивается материал, так как интерес к игре намного выше интереса к обычному учебному процессу;

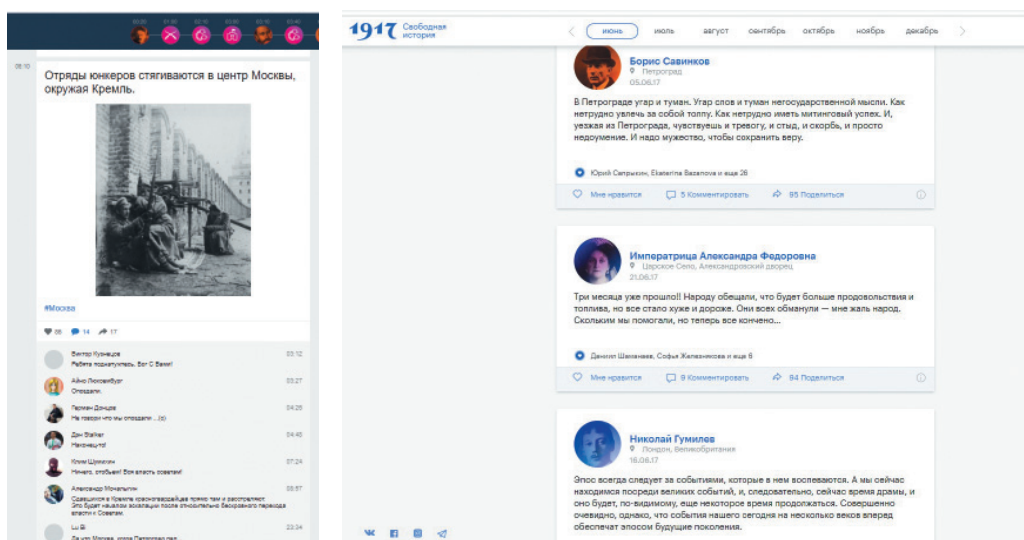
Недостаточно просто запустить проекты об истории — нужно сделать их удобными и привлекательными для публики. Также нужно объяснить, почему история — это важно. А до тех пор, пока люди заходят на сайты, чтобы поиграть и заодно “узнать” историю, проекты не работают на сто процентов.

Выбранные в качестве объекта исследования проекты — это попытка представить исторические факты в самых актуальных форматах. Опрошенные студенты подтверждали эффективность игрового сторителлинга, но при этом отмечали, что им очень трудно воспринимать такой объем новой информации об истории, особенно в первом сериале для мобильных телефонов «1968Digital. Год, когда все началось». В этом проекте большая скорость смены кадров и совмещение одновременно на экране разных знаковых систем обусловили восприятие «рассказанной» мультимедийными средствами истории скорее как аттракциона, а не как познавательного текста, хотя все опрошенные уверены, что это публицистическое произведение. В подтверждение этого приводились следующие аргументы: опора на факт, совмещение информационной и воздействующей функций (стандарта и экспрессии), актуализация информации (связь истории и современности), авторская позиция. Затрудняет восприятие и отсутствие необходимых фоновых знаний, так как, в отличие от проектов «1917.Свободная история» и «Карта истории», сериал для мобильных телефонов не дает времени на погружение в исторический контекст, хотя, безусловно, все факты, события, герои вписаны в него.

Важнейшей, с точки зрения молодых людей, характеристикой рассматриваемых проектов становится включение адресата в процесс не только восприятия текста, но и его формирования — от пользователя зависит, каким в конечном результате предстанет то или иное историческое событие, та или иная историческая личность. Игровой сторителлинг рассчитан на «человека играющего» (Й. Хейзинга), т. е. такого адресата, который уже освоил цифровые технологии и привык взаимодействовать с мультимедийным текстом. Концепция потенциального адресата Л. Р. Дускаевой [Дускаева] получает развитие в современных новых формах коммуникации: интерактивный характер массмедиа превратил потенциального адресата в реального собеседника, что, безусловно, повлияло на способы организации медиатекста. Его диалогичность на всех уровнях можно назвать важнейшим принципом: «...рассуждающий как бы раздваивается на “высказывающего” и “оценивающего”, ищет аргументы “за” и “против”» [Блохин, с. 196]. Таким образом, коммуникация manу-to-manу в целом и игровой сторителлинг в частности изменили статус гипотетического другого — любой потенциальный адресат благодаря цифровым технологиям становится реальным, и уже не только адресатом, вступающим в диалог с создателем основного текста (производителем обращенной к аудитории речи), но и адресантом — таким же производителем речи, автором нового, собственного, медиатекста. В изучаемых проектах это можно назвать в определенном смысле присвоением исторического события, исторического факта, без чего невозможно формирование исторической памяти.

Рассказывание истории, «оформленной в самостоятельную коммуникативную единицу» [Минаева, с. 118], становится частью общей системы представлений

о мире, в котором реальное событие воспринимается как событие, только когда оно становится медиасобытием (достаточно вспомнить, как весь мир сутки обсуждал событие, которого не было, — «убийство» Аркадия Бабченко). Таким образом, представление о событии и о личности, в том числе и исторических, формируется медиатекстами, в которых действия и качества конкретного человека тщательно структурированы, семантически оформлены, грамматически выражены. Важно отметить, что игровой сторителлинг с этой точки зрения практически не ограничен в способах и средствах представления информации. Так, в проекте «1917. Свободная история» освоение исторического материала основано в том числе и на комментировании описываемых событий, и на «общении» с участниками революционных потрясений в блогах.

Сегодня зачастую самыми обсуждаемыми событиями становятся публичное/публицистическое высказывание и цитата. В структуре проектов «1917. Свободная история», «Карта истории», «1968Digital. Год, когда все началось» цитаты, высказывания, комментарии играют ключевую роль: адресат слышит голоса исторических персонажей, имеет возможность вступить с ними в полемику. Можно сказать, что игровой сторителлинг стал убедительным доказательством идеи Н. Лумана о том, что информация становится «событием, которое меняет состояние системы» [Luhmann, p. 102], меняет картину мира.

На это указывали и принявшие участие в опросе студенты. Так, самым пространственным ответом на вопрос «На какую аудиторию рассчитаны проекты в формате игрового сторителлинга?» оказался такой: «Проекты рассчитаны в основном на молодое поколение, юношей и девушек 15–25 лет, так как именно такой формат способен привлечь рожденных в век информации людей к изучению истории». При этом наиболее трудным для восприятия в целом и для понимания исторических событий оказался проект «1968Digital. Год, когда все началось»: респондентам не хватало знаний, поэтому многие фотографии, архивные записи,

артефакты не работали на создание общего медиаобраза а стремительная смена кадров не позволяла уточнить информацию. Погружение в конкретное событие в проекте «1917. Свободная история» и в личную историю в проекте «Карта истории», напротив, заставляло задуматься, обеспечивало возможность сравнить поведение человека в условиях XX в. с сегодняшней системой представлений о нормах и ценностях.

Наиболее важными моментами в проектах «1917. Свободная история» и «Карта истории» студенты назвали следующие:

— большое количество ранее не известных (не указываемых в учебниках и других источниках) фактов, которые позволяют увидеть и понять конкретную историческую эпоху: *«Я узнала очень много нового, и именно сжатость информации важна для сегодняшнего поколения, находящегося в постоянном потоке информации»;*

— способ представления архивных источников, формирующий уважительное отношение к информации у поколения, привыкшего к фейкам: *«Крутой графический дизайн и анимация способны привлечь внимание современной аудитории»;*

— реальное «погружение», основанное на возможности сравнить разные точки зрения на одно и то же событие, на одну и ту же личность в «1917. Свободная история» и на личном участии в сложном выборе в «Карте истории»: *«Дело в возможности почувствовать себя участником изучаемых исторических событий и пережить их лично»;*

— возможность сравнить свои представления о событиях и исторических личностях с представлениями других пользователей, в том числе сравнить отношение к тому или иному факту людей разного возраста: *«Игровой сторителлинг дает возможность выразить свою точку зрения на развитие тех или иных исторических событий»;* *«Проекты формируют уважение к прошлому народа, к его жизненному и культурному опыту».*

Особого внимания заслуживают рефлексивные оценки студентов, в которых указывается на роль игрового сторителлинга в организации диалога между поколениями: *«Интерактив позволяет стать участником исторического события, поставить себя на место героев эпохи и обнаружить сходство между собой и ими, убедиться, что, несмотря на огромные исторические перемены, нас с предшествующими поколениями многое объединяет».* Не случайно почти все участники фокусированного опроса, пытаясь определить, что такое историческая память народа, говорили про связь поколений, про преемственность: *«это важный пласт менталитета государства, который помогает связывать поколения между собой»;* *«это знания, воспоминания, факты, события прошлого, которые передаются из поколения в поколение»;* *«это то наследие, которое передается из поколения в поколение».*

Контекстное восприятие, предложенное в исследуемых проектах, разрушает устоявшиеся границы и правила, трансформируя норму и предлагая при встрече с каждым новым адресатом новый вариант прочтения уже опубликованного высказывания, в том числе и высказывания исторической личности, и высказывания об историческом событии. Интерактивность позволяет тиражировать

субъективно оцениваемые модусы до бесконечности, однако успех и эффективность коммуникации всегда зависит от понимания правил и согласия им следовать, от знания средств (де)кодирования информации, представленной в тексте с помощью разных знаковых систем: «...диалог должен оставаться декодируемым. Журналист создает систему символов, которые вкуче дают определенное направление. Читатель должен понять, что стоит за содержанием. А для этого сам журналист должен понять, какой читатель стоит перед ним» [Левшаков, с. 130]. Игровой сторителлинг как востребованный мультимедийный формат обладает огромным потенциалом для организации диалога с молодой аудиторией, которой предлагается тот способ кодирования, который ею освоен и который она считает привычным и актуальным. Это так называемая *mass self-communication*, обеспечившая «бесконечное разнообразие и растущую автономность коммуникативных потоков, которые создают и пересоздают каждую секунду глобальное и локальное производство смыслов публичного пространства» [Castells, p. 248]. Однако актуализируется вопрос и о том, насколько востребованы и каким образом воспринимаются заложенные адресантом смыслы, если потоки информации привели к усталости от нее и активному сопротивлению транслируемой новости, если исторические знания не позиционируются как ценность, если по-прежнему остается открытым вопрос о том, как именно правильно формировать историческую память. Очевидно, что «систематическая актуализация исторического самосознания нации и обсуждение возможных вариантов будущего развития страны сегодня помещаются в медийное пространство» [Байдина, с. 55].

В этих условиях функционирование журналистики со-участия, погружения, вовлечения оказывается наиболее эффективным способом представления прошлого, его осмысления и закрепления в памяти адресата.

Антакова Е. В. Сторителлинг в пространстве современной журналистики // Научный альманах. 2018. № 6–2 (44). С. 171–174. DOI: 10.17117/na.2018.06.02.171

Байдина В. С. Проблема социальной памяти в структуре телевизионного образа социального времени // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение ; вып. 80. 2013. № 21 (312). С. 51–55.

Блохин И. Н., Выровцева Е. В., Коняева Ю. М. и др. Личность в координатах медиа : монография. СПб., 2020. 280 с.

Бойков В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2001. № 5. С. 44–52.

Выровцева Е. В. Эдьюмент как способ формирования исторической памяти в мультимедийном проекте «1917. Свободная история» // Век информации. 2018. Т. 1, № 2. С. 26–28.

Гладкова А. А., Вартанова Е. Л., Рагнедда М. Digital divide and digital capital in multiethnic russian society // Journal of Multicultural Discourses. 2020. Vol. 15, № 2. P. 126–147. <https://doi.org/10.1080/17447143.2020.1745212>

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 359 с.

Ембаева А. П., Топчий И. В. Сторителлинг — тренд современной журналистики // Медиасреда. 2018. № 2. С. 27–31.

Загидуллина М. В. Панмедиатизация: закат вербальной коммуникации : монография. Челябинск, 2019. 225 с.

Левшаков В. С. Роль субъекта в публицистическом диалоге // Вестн. ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. 2017. № 1. С. 129–131.

Леона А. И. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса : монография. Красноярск, 2011. 178 с.

Маркасов М. Ю., Маркасова О. А. Историческая игра как современный массмедийный продукт // Вестн. НГУ. Сер. : История, филология. 2019. Т. 18, № 6 : Журналистика. С. 166–176.

Минаева Л. В. Сторителлинг в политическом дискурсе // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2017. № 3. С. 118–121.

Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. 320 с.

Саймонс Г. Д., Мухин М. Ю., Олешко В. Ф., Сумская А. С. Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции: методика междисциплинарного исследования // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 906–939. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).906–939

Симакова С. И., Ембаева А. П. Мультимедийный сторителлинг: проблемы и перспективы // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 3 (189). С. 91–98.

Симмонс А. Сторителлинг. Как использовать силу историй. М., 2013. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5024483 (дата обращения: 20.05.2021).

Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолж. филол. вестн. 2020. № 1 (20). С. 181–187. <https://www.doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187>

Уткин А., Покровская Н. Белое зеркало : учебник по интерактивному сторителлингу в кино, VR и иммерсивном театре. М., 2020. 236 с.

Шумкина Т. Г. Проблема исторической памяти в современной российской историографии (По материалам сборника научных трудов «История и историческая память») // Вопр. всеобщей истории. 2014. № 16. С. 282–293.

Barashkina E., Virovtseva E. & Maslenkova N. Media Text Of A City Online Newspaper: Functional Capabilities // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. Vol. 66. P. 515–523. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.08.02.60>

Castells M. Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. № 1. P. 238–266.

Crosbie V. What is New Media? // Rebuilding Media. 2006. URL: https://www.academia.edu/37596635/What_is_New_Media_April_27_2004_ (accessed: 20.05.2021).

Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt, 1987. 684 p.

Manovich L. The Language of New Media. The MIT Press, 2002. 400 p.

Paniukova S. Storytelling method in popular science journalism // 14th Annual International Scientific Conference on Megatrends and Media – Digital Universe / Z. Buckova, L. Rusnakova, M. Solik (eds.). Trnava, 2019. P. 112–118.

Toffler A. The Third Wave: the classic study of tomorrow. N. Y., 1980. 560 p.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.051

УДК 070.23:004.738.5 + 004.032.6 + 316.7:004.774.6

В. В. Лабутина

И. В. Топчий

ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ МЕДИАСООБЩЕСТВА (на примере комментариев сетевого медиаконтента в Instagram)

Статья посвящена анализу дискурсивного конструирования картины мира в аксиологическом аспекте на примере комментариев сообщества подписчиков «Новая газета» в сервисе Instagram. Объектом исследования являются способы трансляции ценностной информации в названной дискурсивной практике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурсивное конструирование; миромоделирование; онлайн-комментарии; дискурсивная практика

Дискурсивное миромоделирование в медийном пространстве, понимаемом как транслятор ценностей и оценочной информации, привлекает внимание исследователей уже не одно десятилетие в самых разных аспектах. Дискурс давно понимается как «власть, которой пытаются завладеть» [Фуко], как «косвенный контроль над общественным сознанием» [Ван Дейк], как «место борьбы за смыслы, интерпретации, определения и, в конечном счете, картину мира и мировоззрение» [Кожемякин, 2018, с. 26], как аксиологически насыщенное коммуникативное интеллектуальное пространство [Якоба]. Исследователи в своих работах развивают теорию дискурсивного конструирования и дискурсивных технологий [Плотникова, 2014, 2015], изучают влияние суггестивных свойств языка, его манипулятивный потенциал [Выровцева, Симакова]. Большое внимание привлекает и практика использования дискурсивных технологий в различных относительно новых типах дискурса — комментариях сетевого медиаконтента [Вежновец; Загидуллина; Карпоян; Лабутина; Топчий; Labutina, Topchii], профессиональных интернет-сообществах [Данкова, Дубровская], «Твиттере» [Атягина] и т. п.

Целью данной статьи является анализ дискурсивной практики интернет-комментария как канала трансляции ценностной информации, определение способов такой трансляции и точек социальной напряженности, вокруг которых происходит «борьба за смыслы» — жизненно важные ценности, которые комментаторы готовы отстаивать для поддержания приемлемого для них миропорядка, прежде всего социального.

ЛАБУТИНА Вера Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (e-mail: v.labutina@list.ru).

ТОПЧИЙ Ирина Владимировна — старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета (e-mail: mm-is@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8601-9041

© Лабутина В. В., Топчий И. В., 2021

Материалом исследования стали комментарии сетевого медиаконтента сообщества «Новая газета» [<https://www.instagram.com/novayagazeta/>; 164 тыс. подписчиков на 17.06.2021] в сервисе Instagram в период с февраля по июнь 2021 г., собранные методом контролируемого отбора текстов комментариев, посвященных одной теме. Исследование представляет собой анализ названной дискурсивной практики с использованием критического дискурс-анализа, который базируется на представлении о языке не как обычном средстве коммуникации, а как способе упорядочивания социальной действительности и пространстве создания и изменения смыслов [Кожемякин, 2006].

Аксиологический аспект исследования предполагает прежде всего вычленение базовых ценностей медиасообщества, за которые идет самая активная борьба в комментариях. Количественный анализ наиболее наглядно позволяет выделить те инфоповоды, которые вызывают ожесточенные споры и комментируются большим числом читателей. Такими центрами социальной напряженности становятся разные предметные сферы медийного пространства: национальные интересы государства, права человека, качество жизни, социальная несправедливость, мораль и нравственность, половая идентичность, безопасность детей и т. п.

Нами были выявлены пять инфоповодов, получивших наибольшее число комментариев за указанный период. Перечислим их в порядке убывания количества комментариев: портрет Алексея Навального на уличной стене закрашен [28.04.2021, 19 161 лайк (далее — л.), 948 комментариев (далее — к.); https://www.instagram.com/p/COM_ng-Jcex/ (дата обращения: 28.05.2021)]; Медведев: у власти есть план «отключения интернета» в случае внешней угрозы [6 211 л., 802 к.; <https://www.instagram.com/p/CKwf79ypVIY/>]; сколько заработала Татьяна Навка за 2020 г. [17.04.2021, 9 274 л., 682 к.; <https://www.instagram.com/p/CNvU8g-Ja8k/> (дата обращения: 15.06.2021)]; Верховный суд Дагестана постановил вернуть героине нашего совместного материала с «Гласной» Нине Церетиловой троих детей [25.03.2021, 8958 л., 654 к.; <https://www.instagram.com/p/CM1p7bqpYmk/>, (дата обращения: 15.06.2021)]; гомофобия в России [24.04.2021, 7 504 л., 651 к.; <https://www.instagram.com/p/COCs4nrJ1mt/> (дата обращения: 15.06.2021)]; розыгрыш 5 комплектов трех последних выпусков издания среди подписчиков [7.02.2021, 8 130 л., 622 к.; https://www.instagram.com/p/CK_VcT6pzla/ (дата обращения: 11.06.2021)].

Приведем примеры.

Читатели «Новой газеты», которая позиционируется как общественно-политическое издание с оппозиционной либерально-демократической и правозащитной направленностью, известна своими журналистскими расследованиями о коррупции в бизнесе и во власти и на странице которой в шапке профиля Instagram присутствует девиз-эпиграф «Рассказываем то, о чем другие боятся даже подумать» [<https://www.instagram.com/novayagazeta/> (дата обращения: 15.06.2021)], практически единодушны в оценке новости «Дмитрий Медведев вернулся в инфополе и рассказал, что у России есть план отключения интернета в случае внешней угрозы. Сам план и в каких случаях его будут применять, политик, конечно, не озвучил» [<https://www.instagram.com/p/CKwf79ypVIY/> (дата обращения: 15.06.2021)]. Комментарии придают событию один и тот же смысл, споров и борьбы за интерпретацию

не возникает: «*Мечты, мечты! Где ваша сладость?!!!☺☺☺*», «*Мы помним как вы телеграмм отключали*», «*Ты мой хороший, можно уже начинать ☺☺☺☺☺*» и т. п. (орфография и пунктуация авторов сохранены). Аксиологичность и оценочность комментариев высока, что вполне предсказуемо и задано уже самим заголовком, содержащим «улыбку авгуров». Защищая свои политические взгляды, читатели выступают единым оппозиционным фронтом, и, как при любом общении единомышленников, здесь возможны такие риторические приемы, как намеки, юмор, сарказм, положительная оценка того, что представляется достойным.

Но так бывает далеко не всегда. Смещение внимания от политики, скажем, к морали, нравственности и сексуальности гарантирует распад ранее целостной аудитории на два противоборствующих лагеря и ожесточенные споры между прежними «соратниками».

И снова и само обращение к теме, например, сексуальных меньшинств и половой идентичности, и ее преподнесение уже транслирует ценностную информацию: редакция издания, несомненно, на стороне сексуальных меньшинств именно потому, что их права нарушаются, а это неприемлемо:

18+ Как России принять ЛГБТ+ сообщество? // Революция двадцатые. Июнь — месяц гордости, который ежегодно дает возможность сексуальным меньшинствам по всему миру заявить о своей свободе выбора быть теми, кто они есть, и напомнить обществу, что право любить дано всем. Россия входит в этот месяц с совсем не праздничными новостями. Трансгендерного мужчину Назара Гуревича депортировали в Беларусь и запретили въезд в Россию на восемь лет. Он имеет российскую прописку и женат на гражданке РФ [<https://www.instagram.com/p/CPkrg67paDn/> (дата обращения: 11.06.2021)].

Комментаторы сразу, еще до предметного обсуждения темы, выходят на мета-языковой уровень (орфография и пунктуация авторов сохранены):

Новая, вы опубликовали пост и нечаянно открыли портал в ад в комментариях;

В комменты страшно заходить;

После таких постов существование ада обнадеживает;

Тема лгбт выгодна вызываемым резонансом. Для большинства это не норма. Обсуждать лгбт это всегда резонанс, не стоит этого делать, если только в своем кругу. Но важно говорить о том, что лгбт тоже люди, но не выделять их из общей среды. Так-то инвалиды, дцпшники, дауны тоже люди, но резонанс не вызывают, по крайней мере не такой как лгбт. Общество у нас терпимо ко всем, только если они не навязывают свои правила.

При обсуждении темы комментаторы активно используют риторические приемы (например, эксплуатацию оппозиции «мы — они», конспирологическую риторику: *Вы реально как волки в овечьей шкуре, пытались сыграть на том что против произвола и притеснений власти, а сами пропагандисты запада который намного хуже российской власти, который все зло тут и посеял. Скопище масонов вы все одно зло, которое пытается задурить народ*), всплески эмоций (*Не дай Бог!!!*), дают резкие и острые оценки (*Адище какое-то*) и в то же время не отказываются и от классической аргументации (*Удивительно, но никто из этих «запретителей»*

не застрахован от того, что в его семье родится ребенок с нетрадиционной ориентацией, и возможно он уже есть в семье и тщательно скрывает это и страдает).

Юмору и намекам при обсуждении таких центров социальной напряженности места уже нет. Комментаторы представляют собой две противоборствующие стороны, позиция каждой предельно ясна, примирительные или половинчатые суждения не встречаются — речь идет о защите базовых ценностей, таких как безопасность детей и сама возможность продолжения человеческого рода, например:

В одном старом советском фильме про славян было утверждение — любовь это творец. Что сотворит любовь двух однополых человек?;

Есть Мужчина и есть Женщина;

Давайте голыми ходить, заниматься сексом на детских площадках, потому что кому-то по другому не может, опустимся ниже дна, потому что любое дно имеет право на существование. К черту нравственность. Любое отклонение, которое от безделья и личной распущенности будем возводить в норму жизни;

Что хотите делайте но другим не навязывайте;

Я тоже против создания привлекательного образа гомосексуализма;

Лгбт не место рядом с детьми. И афишировать это сообщество также естественно, как и само сообщество лгбт;

Раньше они не лезли на трибуны с требованиями к себе нормальных отношений! Это один из способов глобального сокращения населения. И жаль, что так много защитников находится! Люди, включайте мозги!;

Хоть что-то правильно сделал Минюст! Зачем об этом на всю страну пиарить! Живите себе как хотите детей наших не трогайте! На Руси раньше таких называли выродками;

Статью в Уголовный Кодекс.

С другой стороны, оппонирующие комментаторы тоже защищают важнейшие базовые ценности — право человека на неприкосновенность частной жизни, неприемлемость гомофобии, которая приравнивается к фашизму и средневековью, отсталости, например:

В рашкастане до понимания «это не твоё дело» ещё далеко... Тут средневековье;

Чем меньше уровень интеллектуального развития у человека, тем сложнее ему признать, что чужая постель, чужие отношения, чужой выбор — это не его дело! Спасибо Новой за публикацию;

За равные права!!!;

Обыкновенный фашизм. Кому какое дело, что взрослые люди делают в спальне под одеялом и с кем? До полиции нравов рукой подать;

Классно! Все правильно, пока гражданские права и свободы ущемляются по к-л признаку (в этом случае секс. ориентации) надо громко об этом говорить и обращать внимание тех, кто к этим меньшинствам не относится (или относится, но это отрицает или скрывает);

Права должны быть у всех;

Ну вот комментарии говорят сами за себя! Гомофобия в стране усиливается к сожалению, общество деградирует и боюсь что даже новое поколение не поможет. Потому что и в их поколении очень много гомофобов, конечно, а как иначе когда их воспитывают такие же! Не надеемся уже на лучшее, если это и случится то не раньше чем лет через 70, в лучшем случае. А в маленьких городах гомофобия цветет и пахнет! Мы очень отсталая страна, отсталое общество.

Отметим, что встречается аргументация, которая может быть истолкована как защита и одной, и другой позиции, например: *Совершенно согласна! Против природы не попрешь!*

Дискурсивная практика интернет-комментария контента рассмотренного издания, таким образом, обладает всеми признаками публицистического стиля — яркой эмоциональностью, риторичностью, предвзятостью, идеологичностью, острой оценочностью, использованием манипулятивных технологий, эксплуатацией гендерных, этнорелигиозных и других стереотипов массового сознания, восходящих к бинарным оппозициям «мы — они», «свой — чужой», «приемлемо — неприемлемо», «правильно — неправильно» и т. п., без которых «борьба за смыслы» невозможна.

С большой долей вероятности можно предполагать конфронтационные основания дискурса исследуемого типа. Прямая негативная характеристика оппонента, речевая агрессия, «лексика вражды» — все это может служить способами крайне негативной репрезентации того, что неприемлемо для комментатора, определяется им как ненормальное, подлежащее осуждению. Именно таким способом и формируется представление о «нормальном», «правильном» и «приемлемом» в ценностном пространстве, создаваемом комментаторами в рамках рассмотренной дискурсивной практики.

Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014.

Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. 2-е изд.. URSS, 2015. URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?page=Book&lang=Ru&blang=ru&id=198135> (дата обращения: 14.04.2021).

Вежиновец Е. Комментарии в социальных сетях: производство и воспроизводство интернет-дискурса // Современный дискурс-анализ : [электрон. журн.]. 2016. Вып. 15 : Социальные контексты дискурса. С. 35–58. URL: <http://discourseanalysis.org/ada15/st101.shtml> (дата обращения: 14.05.2021).

Вырощева Е. В., Симакова С. И. Профессиональные ценности журналистики и проблема критического нигилизма // Вестн. Воронеж. гос. у-та. Сер. : Филология, журналистика. 2020. № 2. С. 92–97.

Данкова Н. С., Дубровская Т. В. Жанры профессиональных интернет-сообществ в аксиологическом аспекте // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. 2019. № 38 (4). С. 551–561.

Загидуллина М. В. Публицистические коды дискуссий в социальных медиа: выработка сигнальной лексики «тотальными частностями» // Век информации. 2017. № 2–2. С. 118–120.

Картоян С. М. Функции комментария на различных коммуникативных платформах социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–12. С. 242–245.

Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3. С. 25–39.

Кожемякин Е. А. Дискурсивное конструирование национальной идентичности в новогодних телевизионных обращениях Президента к гражданам России // Дискурс-Пи. 2018. № 3–4 (32–33). С. 25–37.

Лабутина В. В. Речевая стратегия дискредитации в дискурсивной практике комментария сетевого медиаконтента // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 4 (34). С. 145–149. <https://www.doi.org/10.24411/2070-0695-2019-10416>

Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2014. № 5 (90). С. 41–46.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитар. науки. 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Топчий И. В. Эмоциональный фон комментария как результат различных способов его оценки // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3 (33). С. 175–181. <https://www.doi.org/10.24411/2070-0695-2019-10321>

Фуко М. Порядок дискурса : инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет : пер. с фр. М., 1996. С. 47–96.

Якоба И. С. Внешние и внутренние параметры медийного дискурса // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2019. № 3 (180). С. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.315

Labutina V. V., Topchii I. V. Construction of social reality in discourse practice of network media content commentary // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. Vol. 66. P. 220–229. <https://www.doi.org/10.15405/epsbs.2019.08.02.26>

Статья поступила в редакцию 22.06.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.052

УДК 070.19:004.774.6 BLOG + 004.032.6 + 070.1(047.53)

В. М. Амиров

С. Я. Мамедова

**ИНТЕРВЬЮ:
ОТ КЛАССИЧЕСКОГО ЖАНРА К СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАТАМ
(на примере программ «Вдудь» и «А поговорить?»)**

В статье на значительной теоретической базе и примере программ «Вдудь» и «А поговорить?» представлены некоторые аспекты трансформации жанра «классического» интервью в современные форматы. Доказывается, что жанр испытывает значительные трансформации и обретает новые черты, среди которых — аналитичность, портретность, публицистичность. Рассматриваются основные стратегии популярных интервьюеров — Юрия Дудя и Ирины Шихман, такие как выбор актуальных и социально значимых тем, провокативность и интимизация, способствование самопрезентации героя, независимость в оценках, высокий уровень эмоциональности и «биографический» подход, нелинейность композиции и др.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика; интервью; блоги; стратегии; образ; общество

Развитие современных медиатехнологий, в том числе появление и развитие видеохостинга YouTube и социальных сетей, представляющих возможности для размещения видеоконтента, стремление авторов к сквозной монетизации материалов оказали значительное влияние на жанровый арсенал средств массовой информации. Наибольшие изменения произошли с жанром интервью, который многие исследователи ранее относили к информационным.

Именно монетизация видеоконтента вывела в лидеры общественного медийного интереса авторские проекты ряда журналистов-интервьюеров, среди которых Юрий Дудь и Ирина Шихман. На влияние монетизации и конкуренции за право размещать в своих программах наиболее дорогую рекламу указывают многие авторы. Об этом, например, пишет Н. Н. Подосокорский, который подчеркивает, что «Дудь не является политическим актором, а его шоу, прежде всего, бизнес-проект, главная цель которого — монетизация через рекламу разнообразных брендов от авиакомпаний и банков до бытовой техники и одежды» [Подосокорский, с.152].

Вместе с тем стремление к монетизации не только не означает снижения качества самого интервью, но, напротив, возвращает нас к тому, чтобы постараться рассмотреть направления развития этого многогранного журналистского жанра в то время, когда продукты медиандустрии становятся весьма востребованным и хорошо оплачиваемым товаром.

АМИРОВ Валерий Михайлович — доктор филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: vestnik-va@mail.ru).

МАМЕДОВА Севинч Ядигаровна — редактор информационного агентства URA.RU; магистрант департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета (e-mail: sevnam96@mail.ru).

© Амиров В. М., Мамедова С. Я., 2021

Интервью исследовали многие российские теоретики и практикующие журналисты. Изучению его особенностей, видов, классификаций и способов раскрытия героя посвящено достаточно большое количество работ, в том числе таких авторов, как А. В. Колесниченко, М. М. Лукина, С. Н. Ильченко, Е. И. Голанова, Г. С. Мельник, А. А. Тертычный, М. Н. Ким, В. Л. Цвик, Е. Б. Сахнова и др.

Однако развитие жанра в цифровую эпоху требует дальнейшего анализа наметившихся тенденций, выявления новых приемов, характерных для портретного интервью, изучения влияния личности ведущего на восприятие программы аудиторией.

Представляется интересным рассмотреть эти тенденции на примерах интервью в авторской программе «Вдудь» с такими героями, как Владимир Познер, Алексей Венедиктов, Иван Рудской, Алишер Моргенштерн, Анастасия Ивлева, Александра Бортич, а также в авторской программе Ирины Шихман «А поговорить?» с участием Юлии Ахмедовой, Максима Галкина, Константина Ивлева, Лейсан Утяшевой, Михаила Боярского и Настасьи Самбурской.

В работах многих ученых освещается исторический путь, который прошел жанр интервью. Так, Э. Х. Шарапов отмечает, что интервью как диалогически организованный текст существовало до XIX в., начало которого «было ознаменовано появлением в печатных средствах массовой информации публикаций в форме “вопрос — ответ”». «В России жанр интервью окончательно сформировался к середине XX в., а наиболее активно в российской журналистике он начал развиваться в период “оттепели”, когда значительно снизилось давление властей на СМИ. Еще большую популярность жанр интервью приобретает в перестроечное время» [Шарапов, с. 390–391].

Как пишет С. Н. Ильченко, «...повышение накала полемики, поначалу инспирированной руководящими органами КПСС и отвечавшей возникшим общественным потребностям, повлекло за собою естественное расширение тематических и жанровых рамок журналистского творчества. Вместе с тем расширение диалогической ситуации в журналистской практике 90-х годов прошлого века спровоцировало нарушение этических и профессиональных норм, когда интервью зачастую превращалось в резкий, на грани фола, разговор, насыщенный взаимными колкостями, упреками и прямыми оскорблениями» [Ильченко, с. 16].

Нужно отметить отсутствие однозначного подхода к самому термину «интервью». В книге «Технология интервью» М. М. Лукина дает следующее определение: «интервью — это межличностное вербальное общение для получения информации и производства нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества» [Лукина, с. 7]. Автор наряду с традиционными видами жанра указывает на оперативное интервью, интервью-расследование, интервью-портрет или персональное интервью, креативное интервью [Там же, с. 124].

А. А. Тертычный выделяет среди видов интервью информационное интервью, аналитическое интервью, брифинг-опрос, вопрос — ответ, аналитический опрос, беседу [Тертычный, с. 124]. А М. Н. Ким считает, что «...в основу классификации видов интервью могут быть положены следующие характеристики: предмет отображения, целевая установка (функция) беседы, метод отображения. Предмет,

функция, метод — три несущих кита, на которых держится не только жанр интервью, но и другие жанры журналистики» [Ким, с. 147].

В. В. Сыченков предлагает следующую систему современных жанров интервью: интервью-отчет о встрече; интервью-репортаж; интервью-анкета; интервью-мнение; сатирическое интервью; интервью-зарисовка; интервью-портрет [Сыченков, с.114].

Эти и другие мнения, разумеется, должны быть учтены при анализе трансформаций жанра в цифровую эпоху. Но за последние годы появились факторы, которые коренным образом меняют оценки перспектив развития интервью и позволяют говорить о постепенном расширении понимания значения интервью и его функций. Выделим два основных драйвера развития:

— *институциональный* (принятие законодательных актов, меняющих регламент распространения информации, например, поправок к Закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», определяющих статус блогов и блогеров, появление в Законе «О средствах массовой информации» понятия «сетевое издание» и т. д.) [Шерстобоева, Павленко];

— *технологический* (компьютерные технологии значительно облегчают поиск, восприятие, понимание и распространение информации; повышают оперативность, позволяют точно фиксировать ответы, в том числе при проведении интервью, а также самостоятельно создавать программы, снимать и монтировать их).

Развитие интервью через призму технического прогресса рассматривает, например, П. С. Шестакова, которая обращает внимание на то, что «в визуальных форматах потребитель информации не только слышит и видит то же, что и журналист, но и получает информацию не в обработке интервьюера, а от того, кто является носителем или источником этой информации» [Шестакова, с. 99].

Современное определение понятия «интервью» гораздо шире первых его определений, где жанр интервью понимался как предназначенная для печати беседа «какого-либо известного деятеля с корреспондентом по вопросу, имеющему общественный интерес» [Толковый словарь русского языка].

Если говорить о респондентах, то в современных интервью ими могут выступать любые лица, которые представляют интерес для аудитории. «Еще совсем недавно читателя интересовали факты, события, происшествия и достижения. Сегодня акценты смешаются: становится важен человек — творец этих событий, личность. Читателю интересны мнения, подробности и комментарии из уст людей, которым в силу их общественного положения можно доверять» [Пичугин, Смирнов, с. 118].

Важным моментом для понимания роста популярности интервью и медиа-проектов, в основе которых лежат те или иные виды интервью, является такой фактор, как интерактивность, когда зритель может задавать герою вопросы в прямом эфире или формулировать их для ведущего, готовящегося к передаче. Гораздо более серьезной стала и сама подготовка журналиста к общению со своим героем. «Теперь журналист обращается к интервьюируемому как к индивидуальности, носителю важной для других людей информации, поэтому и сам подход к созданию конечного продукта беседы с каким-либо человеком очень изменился

и усложнился» [Исакова, с. 19]. Ряд исследователей трансформации интервью отмечают и другие изменения. Например, Н. Д. Хусаинова выделяет такие признаки, как частотность, динамичный темп ведения беседы, обращение к новым, интересным фактам [Хусаинова, с. 38]. Е. Б. Сахнова акцентирует внимание на активном выражении «Я» журналиста, «лирических отступлениях», появлении реплик-вопросов и т. д. [Сахнова, с. 98]. А. Г. Пастухов считает, что «важность вербализации переживаний и переработки личного, биографического опыта определяет возможности социально-психологического “прочтения”, создания биографического портрета интервьюируемого» [Пастухов, с. 170].

В связи с этим актуально наблюдение Е. И. Голановой, которая выделяет две основные речевые позиции современного интервьюера. Первая позиция, когда интервьюер традиционно вежлив, корректен, придерживается норм публичного общения, вопросы, как правило, подготовлены заранее. Вторая позиция, когда интервьюер является представителем «новой волны» журналистов, обладает своей «языковой маской», психологической раскованностью и свободой в выборе языковых средств, вопросы часто не готовятся вовсе [Голанова, с. 35].

Пытаясь максимально использовать возможности жанра, интервьюеры стремятся к тому, чтобы их собеседник стал более раскованным. Этому способствуют «домашняя» обстановка беседы, стратегии, повышающие доверительность, особые языковые приемы. Как замечает И. В. Иванова, это также может «являться катализатором острой коммуникативной ситуации, порожденной демонстрацией ведущим неприятия позиции собеседника или желанием вызвать его на живой диалог» [Иванова, с. 51].

Интервью испытывает трансформации во всех видах массовой информации. Однако в печатных СМИ — газетах и журналах — оно изменяется существенно меньше. А в телевизионном и интернет-формате интервью непрерывно совершенствуется, предлагаются все более сложные его виды, чему способствует стремительное развитие информационных технологий, позволяющее брать интервью у многих собеседников сразу. Кроме того, увеличивается аналитичность самих интервью.

Говоря о модификации жанра интервью, Е. Б. Сахнова разделяет интервью на традиционные и «околоклассические» [Сахнова, с. 101]. В традиционной роль журналиста сводится к тому, чтобы выступать посредником между читателем и интервьюируемым, способствовать получению читателем информации. При этом интервьюер не имеет самостоятельных функций, он не излагает каких-то мыслей по обсуждаемому с героем интервью вопросу. Такое интервью предполагает простую диалоговую конструкцию, состоящую из вопросов журналиста и развернутых ответов гостя.

В «околоклассических» интервью журналист является не просто интервьюером, а ведущим передачи. Формат передачи предполагает не только вопросы представителя СМИ и ответы интервьюируемого, но и обмен мнениями. «Околоклассическое» интервью имеет гораздо более сложный формат, наличие собственного мнения для журналиста становится обязательным, а потому в таких интервью участвуют высокопрофессиональные журналисты, пользующиеся авторитетом у читателя или зрителя.

Изменение способа передачи интервью (от телевидения к каналу YouTube) в значительной степени изменило и восприятие всех жанрообразующих элементов интервью, оказало влияние на смысловую основу и иные детали, определяющие содержание. То есть в зависимости от канала передачи данный медиапродукт начинает приобретать собственную специфику, связанную с организационной составляющей и тематической направленностью, подбором героев, набором вопросов, моделями поведения интервьюера и его приемами взаимодействия с гостем и со своей аудиторией. Герой передачи на традиционном телевидении и герой интервью в программе на YouTube формируют совершенно разные образы, даже если де-факто являются одной и той же личностью.

В этом смысле интересно рассуждение Е. В. Выровцевой о том, что «...тенденция индивидуализации медиа привела к индивидуализации жанровых форм. Диалогичность как определяющий признак речевого жанра в условиях интерактивности становится едва ли не единственно возможным форматом для традиционных публицистических жанров. Установка на разговорную речь, спонтанность коммуникации, лексически выраженный формат диалога проникают буквально во все жанры» [Выровцева, с. 209].

Рассмотрим некоторые аспекты творческой деятельности известных интервьюеров — Ю. Дудя и И. Шихман.

На протяжении четырех лет Юрий Дудь остается самым известным журналистом и видеоблогером, работающим в жанре интервью на YouTube. За это время канал приобрел 9,1 млн подписчиков и впечатляющее количество просмотров. Дудю удалось то, что до него не удавалось никому — соединить собственно журналистский подход к получению информации от своих гостей с развлекательным началом, превращающим каждое его интервью в достаточно интеллектуальное зрелище. Процесс трансформации интервью повлек за собой изменение политики привлечения героев авторского проекта. Если сначала целевой аудиторией была молодежь, то теперь к интервьюеру приходят люди всех возрастов, имеющие политический вес, в том числе и его коллеги журналисты.

Команда канала начала экспериментировать и приглашать на интервью помимо лиц, популярных у молодежной аудитории, героев старшего поколения, например, Дмитрия Маликова, Владимира Познера, Никиту Михалкова, Леонида Парфенова, Юрия Шевчука, Алексея Венедиктова, также появились неоднозначные политические фигуры, такие как Владимир Жириновский, Евгений Ройзман и др. Однако выбор собеседников — только один из факторов успеха. Есть и несколько других.

Во-первых, интервью Ю. Дудя — это своего рода **протест против цензуры**. К разговору приглашаются оппозиционные политики, которые никогда не появляются на федеральных телеканалах.

Во-вторых, Дудь создает **широкий круг тем**, в отличие от телевизионных интервью, где журналисты ограничены форматом программы.

В-третьих, **независимость**: хотя каждый герой, приходящий побеседовать с Юрием Дудем, хорошо понимает, что одновременно говорит со всем миром, работа в формате видеоблога создает иллюзию камерности происходящего,

свободы изложения своей позиции или того, что обычно не доверяют широкой аудитории.

В-четвертых, интимизация и провокативность обсуждения. Дудь часто обращается к вопросам глубоко личного характера.

В-пятых, выбор принятого у пользователей языка общения. Журналист позволяет себе использовать нецензурную лексику и не ограничивает в этом героев, поэтому вместо серьезного разговора в галстуках на экране мы видим «пацанский» душевный разговор.

В-шестых, актуальность темы, в связи с этим автор медиапродукта обязан внимательно следить за общественным интересом.

В-седьмых, способствование самопрезентации героя интервью: автор помогает создать яркий самобытный портрет героя, подчеркивая его индивидуальные и по-своему уникальные черты.

В-восьмых, артистизм и харизматичность автора. Дудь пластичен, он всегда находит способ быть для своего собеседника человеком одного поля, он психологически комфортен и располагает к раскрытию образа и изложению сокровенного. В отдельных случаях, если герой достаточно авторитетен (к примеру, выпуск с Владимиром Познером или Константином Хабенским), Юрий Дудь сразу же занимает позицию на уровень ниже, желая, вероятно, польстить гостю. При этом ведущий не отступает от стиля нападения и компрометирующих вопросов.

Все вышеуказанное вполне применимо и к другому популярному интервьюеру — Ирине Шихман и ее программе «А поговорить?». За время существования канала (создан в 2017 г.) было осуществлено 249 276 837 просмотров видеороликов. На данный момент на канал Шихман подписаны свыше 1,71 млн пользователей.

В отличие от программы «Вдудь» гости Шихман не привязаны к актуальным событиям, происходящим здесь и сейчас. У интервьюера есть другие выигрышные стратегии. Среди которых:

— *высокий уровень эмоциональности и «биографический» подход* к портретному интервью, построение диалога с собеседником по принципу «прошлое — настоящее». Главная задача такого интервью — это воспроизведение целостного образа героя через раскрытие значимых фактов и эпизодов из его жизни;

— *демонстрация уважения к собеседнику*, журналист в процессе беседы дает возможность гостю почувствовать свою значимость, что позволяет убрать психологические зажимы, мешающие неформальному общению;

— *проецирование личного опыта героя на социально значимые темы*, например, в программе поднимаются такие важные темы, как психическое здоровье, одиночество и харассмент;

— *использование интроспекционных вопросов*, которые затрагивают чувства и переживания героя;

— *демонстрация личной рефлексии интервьюера*;

— *нелинейная композиция беседы* с перемещением вместе с героем в пространстве и времени.

Хотя Шихман открыто не заявляет о феминистской направленности своего канала, ее гостями зачастую являются сильные женщины, судьба, проблемы

и профессионализм которых интересны автору и широкой аудитории. Это могут быть представительницы бизнеса, культуры, политики, но в любом случае речь идет о непростых судьбах и морально-нравственных позициях. Если в программе «Вдудь» практически нет интервью с женщинами, то в программе «А поговорить?» героями в равной степени являются и женщины, и мужчины.

Подводя итог нашему краткому анализу, можно отметить несколько важных нюансов в развитии интервью. Среди них — очевидное повышение роли журналиста, задачи которого за последнее время принципиально изменились и все более выходят за рамки классического «информационного» интервью. Отныне он не является инструментом получения от собеседника необходимой информации, а играет гораздо более активную роль, презентуя свое личное мнение, организуя полемику и диалог, в определенной степени провоцируя своего гостя. Журналистское интервью, с которым мы хорошо знакомы, постепенно превращается в интервью-шоу, в нем содержится немало развлекательных начал, которые, собственно говоря, и привлекают зрителя.

Поскольку такие интервью-шоу изначально ориентированы на монетизацию с помощью привлечения дорогой высокобрендовой рекламы, можно ожидать дальнейшего дрейфа интервью такого типа к ток-шоу, появления миксовых медиапродуктов.

В тексты интервью проникают не только элементы разговорного стиля речи, но и экстралингвистические элементы, обценная лексика. Зачастую это делается намеренно, для создания более естественного и доверительного общения между собеседниками. Важно отметить стремление журналистов «сохранять интонации» героев, максимально точно передавать прямую речь. В современных интервью героями могут выступать любые лица, которые представляют интерес для аудитории, однако чаще всего выбор связан с актуальными событиями, происходящими в мире и в стране как в сфере политики, так и в культурной жизни. Острота публичных высказываний интервьюируемого, их заведомая неоднозначность и полемичность тоже имеют большое значение.

Выровцева Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных массмедиа // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 5. С. 207–213.

Голанова Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык конца XX столетия. М., 2002. С. 427–453.

Иванова И. В. Реализация жанра телевизионного интервью в коммуникативном поле современного языка СМИ // Гуманитарные исследования. 2009. № 1 (29). С. 51–58.

Исакова Т. Н. Функционирование жанра интервью на современном этапе // Система ценностей современного общества. 2009. № 5–2. С. 19–22.

Ильченко С. Н. Интервью в журналистике: спецкурс : учеб. пособие. М., 2019. 272 с.

Ким М. Н. Жанры современной журналистики. СПб., 2004. 335 с.

Лукина М. М. Технология интервью : учеб. пособие для вузов. М., 2005. 192 с.

Пастухов А. Г. Академическое интервью: новое в жанре и формате (на материале рубрики «Интервью» в приложении к «Независимой газете» Ex libris-НГ) // Медиалингвистика. 2013. № 2. С. 170–173.

Пичугин А. В., Смирнов В. Б. Беседа: разновидность интервью или самостоятельный жанр? // Вестн. ВолГУ. 2005. Вып. 4. С. 118–121.

Подосокорский Н. Н. «Лицо с экрана». В чем секрет популярности ток-шоу «Вдудь»? // Наука телевидения. 2018. № 14.3. С. 151–166.

Сахнова Е. Б. Жанр интервью и его модификации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. : Филология. Журналистика. 2013. Вып. 4. С. 98–103.

Сыченков В. В. Интервью-портрет в системе современных публицистических жанров // Вестн. Моск. ун-та. 2000. Вып. 10. С. 108–114.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для вузов. М., 2002.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994. Т. 1.

Хусаинова Н. Д. Динамика развития жанра интервью в региональной прессе // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития : сб. материалов XXVI Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 2017. С. 38–39.

Шарапов Э. Х. Интервью: исторический и теоретический аспекты // XIX Всерос. студ. науч.-практ. конф. Нижневарт. гос. ун-та : сб. ст. (г. Нижневартовск, 4–5 апр. 2017 г.) / отв. ред. А. В. Коричко. Ч. 5 : История. Документоведение. Филология. Лингвистика. Журналистика. Реклама. Нижневартовск, 2017. С. 390–392.

Шерстобоева Е. А., Павленко В. Ю. Тенденции в регулировании российской блогосферы // Медиаскоп. 2015. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2039> (дата обращения: 26.06.2021).

Шестакова П. С. Применение жанра интервью в интернет-пространстве // Медиасреда. 2020. № 2. С. 98–102.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.053

А. Р. Медведева

УДК 070.1:004.5 + 070.1:7.01 + 070.11:004.032.6

МЕДИАЭСТЕТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРФЕЙСА КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (на примере проекта «Арзамас»)

В статье рассмотрено влияние «эффектов интерфейса» (термин А. Галлоуэя) на восприятие информации в культурно-просветительской журналистике. Для анализа интерфейса по параметрам контента, ощущаемых территорий, пропозиций и ноэм использована теория машин Ф. Гваттари. В результате выявлен его медиаэстетический функционал, основанный на предлагаемых пользователю когнитивных траекториях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиаэстетика; интерфейс; просветительский проект; Арзамас; теория машин

Функционирование цифровых форматов представления информации всегда сопряжено с рядом условностей (впрочем, обычных для любого формата). При этом основной структурой репрезентации становится пользовательский графический интерфейс как совокупность материально выраженных средств для взаимодействия «человек — компьютер». Однако несмотря на ряд определенных устойчивых характеристик интерфейса, его узнаваемых элементов, существует набор инвариантов, напрямую связанных с тем, какая именно информация пройдет через «фильтр» интерфейса. Условно философские подходы к интерфейсу можно разделить на две категории. Первая из них сформулирована Л. Мановичем, считающим, что интерфейс — это фильтр, уравнивающий все данные между собой: «Как только окно браузера заменило и вместило в себя кино, телевизионный экран, стену в галерее и библиотеку, новая модель заявила о себе: вся прошлая и современная культура демонстрировалась и воспринималась посредством компьютера и через призму логики пользовательского интерфейса» [Манович, с. 100]. Вторая сформулирована А. Галлоуэем, который утверждал, что у интерфейса есть определенный эффект и он формирует своеобразный регистр восприятия: «Интерфейс — это состояние “нахождения на границе”. Это тот момент, когда один значимый материал понимается отдельно от другого значимого материала. Другими словами, интерфейс — это не вещь, интерфейс — это всегда эффект. Это всегда процесс или перевод» [Galloway, p. 33].

Наличие таких подходов закономерно и объясняется логикой самого интерфейса. С одной стороны, он действительно представляет из себя плоскость, на которой все данные представлены именно плоско, одновременно. Как отмечал Дж. Дракер, «мы постоянно находимся в состоянии перескока кадров, что дезориентирует читателя, пытаясь создать отношения между различными типами

МЕДВЕДЕВА Арина Ринатовна — ассистент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета (e-mail: arinamka@gmail.com).

© Медведева А. Р., 2021

материалов — изображениями, видео, картами, графиками, текстами и множеством структурирующих элементов макета и формата, которые организуют графическую среду» [Druker, p. 4]. Для реципиента в пространстве интерфейса нет четкого начала и выраженной границы между данными, есть постоянные перетекания текста в изображение, изображения в музыку, а музыки — в код. С другой стороны, такая организация информации не может не влиять на ее восприятие, а потому и возникает то, что А. Галлоуэй называет «эффектом интерфейса». С этой точки зрения, эффект интерфейса — эффект восприятия внутренней системы, «интрафейса». Отсутствие четких границ приводит к пониманию интерфейса с позиций чувственного опыта. Исследователи А. С. Ленкевич и А. Р. Латыпова отмечают глубокую психологичность интерфейса, который предстает «(с)ложной формой чувственности» за счет представления новой конфигурации телесности. Беря за основу реальный опыт, получаемый из культурных интерфейсов, цифровые интерфейсы формируют свою сеть, «своего рода перманентное нахождение внутри, перетекание из одного интерфейса в другой, поток интеракций» [Ленкевич, Латыпова, с. 383]. Во многом отсутствие таких границ связано с явлением прозрачности интерфейса — игнорированием пользователем элементов интерфейса, фокусировкой внимания на самой информации, а не способе ее репрезентации. Прозрачность интерфейса достигается путем использования абстракции, например, метафоры «окна» или вкладок браузера. Об использовании абстракции для удобства взаимодействия с интерфейсом пишет К. Йоргенсен, отмечая, что метафоры как «понимание и переживание одного вида вещей с точки зрения другого» (определение Дж. Лакоффа) не являются абстрактными представлениями, а основаны на степени сходства по внешнему виду или функциям между представлением и представляемой системой [Jørgensen]. Исследователь отмечает и параметр прозрачности интерфейса (структура взаимодействия должна оставаться невидимой): «Из этого аргумента следует сделать вывод, что основная проблема заключается не в том, что пользовательский интерфейс должен быть полностью удален от аудиовизуального внимания игрока, а в том, что он не должен попадать в центр внимания игрока» [Ibid., p. 4]. Поэтому интерфейс, который явно демонстрирует «внутренности» перетекания информации, конкретные каналы трансляции, все-таки пытается скрыть эти каналы, спрятать внутренности от пользователя. Единственный способ для пользователя их увидеть заключается в сбоях интерфейса, которые в том числе могут выражаться фантомными аффордансами (возможности интеракции с объектом), вводящими пользователя в заблуждение относительно функционала: «Аффордансы предназначены для всех, но для каждого игрока действуют по-разному. Фантомные аффордансы могут стать отрицательными для одних игроков и положительными для других» [Serada, p. 101]. Фантомный аффорданс всегда является сбоем интерфейса и в большей степени увеличивает его непрозрачность, напоминая пользователю, что он имеет дело с искусственно созданной структурой.

Тем не менее вопрос о том, стоит ли увеличивать свойство прозрачности интерфейса или, наоборот, отказаться от него, остается открытым и во многом зависит от функционала интерфейса в каждом конкретном случае. С. Джонсон

утверждает, что точно так же, как великие романы Мелвилла, Диккенса и Золя объясняли стремительную индустриализацию общества самому этому обществу, веб-сайты и ландшафты видеоигр объясняют цифровому обществу, как представить себя и как получить опыт в незнакомой сфере киберпространства. Роль, которую когда-то играли писатели, теперь выполняет дизайнер интерфейсов, который преодолел разрыв между технологиями и повседневной жизнью, предоставив концептуальную основу для огромных объемов информации и вычислений, которые нас окружают [Johnson].

В ситуации обилия данных, обрабатываемых интерфейсом, стоит упомянуть о понимании интерфейса как медиа в контексте теории медиаэстетики. У. Дж. Т. Митчелл предполагает, что медиа — это больше, чем материальный субстрат изображений, и вслед за Раймондом Уильямсом утверждает, что он составляет «материальную социальную практику, набор навыков, привычек, техник, инструментов, кодов и условностей» [Mitchell, p. 203]. Но если Уильямс хотел заменить всю идею медиа социальной практикой, то Митчелл хочет сохранить медиа как «золотую середину между материалами и тем, что люди с ними делают» [Ibid., p. 204]. Г. Цеттл развивает идею медиа до эффектов, которые оно производит: «Кодирование (создание), а также декодирование (прием) сообщения в значительной степени зависят от технических и эстетических возможностей и требований носителя. То, как медиа (видео, фильм, экран компьютера и особенно крошечный дисплей сотового телефона) формируют или должны формировать сообщение для конкретной реакции зрителя, является предметом прикладной медиаэстетики» [Zettl, p. 12]. То есть интерфейс действительно можно понимать как определенный формат медиа со своим набором правил, но эти правила так или иначе адаптируются под функционал представляемой информации. В рамках нашего исследования мы рассматриваем интерфейс раздела «Журнал» просветительского проекта «Арзамас» (рис. 1) с целью выявить первичные медиаэстетические функции, генерируемые интерфейсом с поправкой на специфику предоставляемого контента.

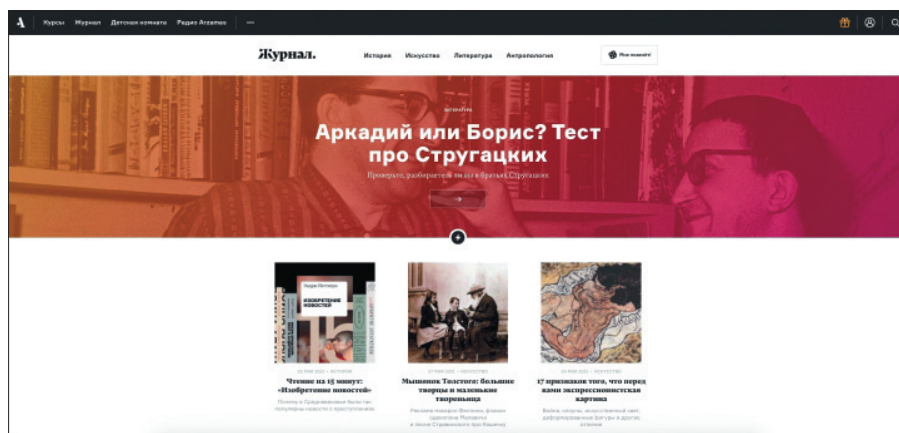

Рис. 1. Страница «Журнал» веб-сайта «Арзамас» (<https://arzamas.academy/mag>)

Для анализа возможных эффектов интерфейса мы используем теорию машин Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Данная теория представлена в работе «Шизоаналитические картографии» [Guattari]. В понимании исследователей любая вещь является не статичным конструктом, но процессом, для анализа которого и применяется теория машин. Для машинного анализа прежде всего необходимо четко обозначить границы семиотического комплекса, участвующего в функционировании процесса. В соответствии с выделяемыми основными сущностями машины таких компонентов четыре (исследователь обозначает их как домены):

- энерго-сигнальные потоки (F), сущности которых расположены в Complexions;
- абстрактная машинная Phyla (Φ), сущности которой расположены в Rhizomes;
- экзистенциальные территории (T), сущности которых расположены в Cutouts;
- бестелесные вселенные (U), сущности которых расположены в Constellations.

Несмотря на то что сам Ф. Гваттари избегает конкретных формулировок того, какие именно виды данных относятся к доменам, он все-таки выделяет их характеристики (рис. 2).

	Actual	Virtual
Possible	Φ.: Philum of actual possibility	U.: Universe of virtual possibility
Real	F.: Flux of actual real	T.: Territories of virtual real

Рис. 2. Ассамбляж четырех основных доменов [Guattari, p. 28]

Прежде всего, нам необходимо обозначить содержание основных доменов машины (диады F–Φ и T–U) и выделить все генерируемые ими семиотические тензоры. Семиотические тензоры являются выражением доменов, т. е. сущностями, которые нашли выражение через ту или иную знаковую систему. Поскольку мы учитываем свойство текучести данных в интерфейсе, то и за доменами не закреплены определенные знаковые системы, они могут участвовать в формировании разных сущностей (см. таблицу).

Содержание основных доменов машины страницы раздела «Журнал» портала «Арзамас» и генерируемые ими семиотические тензоры

Φ	U
Интерфейс	Возможности смысловсферы
N [1] = стрелка	Pm [1] = плиточное расположение (строгое расположение массивов информации по определенному количеству в ряд)
N [2] = фотография	Pm [2] = фокусировка (разворачивание на всю страницу одного материала)
N [3] = картина	
N [4] = иконки социальных сетей	
N [5] = баннер	

Окончание табл.

Ф	У
N [6] = игровой кубик N [7] = хедер N [8] = подвал N [9] = цветовая гамма N [10] = рамка N [11] = числовой ряд N [12] = А N [13] = лупа N [14] = подарок N [15] = портрет человека в круге N [16] = схематичный циферблат N [17] = фон	Pm [3] = скроллинг (прокручивание страницы по вертикальной траектории) Pm [4] = поиск (функция поиска по информации) Pm [5] = обзор (одновременное представление разных данных как равноценных) Pm [6] = возврат (функция возвращения к определенному «якорю» интерфейса, например, главной странице) Pm [7] = рандомайзер (функция слепого выбора информации)
Ф	Т
Дизайн	Контент
Ts [1] = белый цвет Ts [2] = черный цвет Ts [3] = анимация Ts [4] = линии Ts [5] = текст Ts [6] = цифры Ts [7] = цвет	Diag [1] = журнал Diag [2] = история Diag [3] = искусство Diag [4] = литература Diag [5] = антропология Diag [6] = микрорубрики Diag [7] = Арзамас Diag [8] = о проекте Diag [9] = числовой ряд Diag [10] = архив Diag [11] = мне повезет

Далее нам следует обозначить базовые обмены информацией между доменами при помощи семиотических тензоров. Первые процессы обмена состоятся между диадами F–Φ (система) и Т–U (структура). Это первый уровень восприятия, когда схватываются лишь общие черты некой умозрительной плоскости, очертаний. На этом этапе устанавливаются системные и структурные особенности содержания и выражения. Схватывание общих черт четырех доменов в рамках интерфейса происходит параллельно: с одной стороны, фиксируется материальная система веб-страницы (интерфейс), с другой стороны, фиксируется виртуальная структура веб-страницы (контент). Эти параллельные системы-структуры считаются восприятием при помощи двух наиболее доступных слоев: потоков (F) и терриорий (Т).

F + Φ (систематизация)

Ts [1] = белый цвет + Ts [4] = линии + Ts [3] = анимация → N [1] = стрелка + N [4] = иконки социальных сетей + N [13] = лупа + N [14] = подарок + N [15] = портрет человека в круге

Ts [4] = линии + Ts [7] = цвет → N [2] = фотография + N [3] = картина

Ts [4] = линии + Ts [5] = текст → N [5] = баннер

Ts [1] = белый цвет + Ts [2] = черный цвет + Ts [4] = линии + Ts [3] = анимация
→ N [4] = иконки социальных сетей + N [6] = игровой кубик + N [16] = схематичный циферблат

Ts [1] = белый цвет + Ts [2] = черный цвет → N [9] = цветовая гамма

Ts [1] = белый цвет + Ts [2] = черный цвет + Ts [4] = линии → N [7] = хедер + N [8] = подвал + N [10] = рамка + N [12] = А

Ts [6] = цифры → N [11] = числовой ряд

Ts [1] = белый цвет → N [17] = фон

В первую очередь схватывается система страницы «Журнал», включая ряд возможностей инструментария интерфейса. Позднее мы разберем, к каким выводам может привести пользователя такой «скрининг» первичной информации, сейчас же нам важно отметить, с какой предметностью сталкивается пользователь. Эта предметность выражается через ноэмы (N), мысленное представление о предмете, генерируемое системой (Ф). Условно мы можем разделить такую цифровую предметность на следующие категории:

1. Ноэмы-референты (ноэмы, имеющие за собой виртуальное продолжение, мысленную траекторию): игровой кубик, стрелка, иконки, числовой ряд.

2. Ноэмы-массивы (ноэмы, хранящие в себе определенный массив информации, выступают как хранилище данных): хедер, подвал, фотография, картина, баннер.

3. Ноэмы-регистры (формируют определенный настрой, создают регистр восприятия): цветовая гамма, рамка.

T + U (структуризация)

Diag [2] = история + Diag [3] = искусство + Diag [4] = литература + Diag [5] = антропология → Pm [1] = плиточное расположение

Diag [2] = история OR Diag [3] = искусство OR Diag [4] = литература OR Diag [5] = антропология → Pm [2] = фокусировка (один материал)

Diag [1] = журнал → Pm [3] = скроллинг

Diag [10] = архив → Pm [4] = поиск

Diag [9] = числовой ряд OR Diag [6] = микрорубрики OR Diag [7] = Арзамас OR Diag [8] = о проекте → Pm [5] = обзор

Diag [1] = журнал OR Diag [7] = Арзамас → Pm [6] = возврат

Diag [11] = мне повезет → Pm [7] = рандомайзер

После поверхностного считывания системы начинается скрининг смыслового пространства веб-страницы, ее структуры. По аналогии с диадой F–Ф структура формируется путем образования пропозиций (Pm), т. е. семиотического

выражения соотношения объектов между собой, которые мы также можем поделить на следующие категории:

1. Горизонтальные пропозиции (уравнивают информацию между собой, делая ее равноценной): плиточное расположение, обзор.
2. Вертикальные пропозиции (акцентируют внимание на информации, выделяют ее среди прочих): фокусировка, скроллинг.
3. Диагональные пропозиции (создают траектории взаимодействия с информацией, предполагают ее переформатирование, трансформацию): рандомайзер, возврат, поиск.

Выделенные пропозиции и ноэмы позволяют нам определить следующие медиаэстетические функции интерфейса:

1. На уровне содержания:
  - иерархическая функция (организация информации по принципу релевантности, акцентуализация информации);
  - интерактивная функция (переформатирование уже знакомой информации в новом контексте).
2. На уровне выражения:
  - регистровая функция (создание определенного настроения у пользователя, формирование рамы восприятия);
  - референтная функция (создание узнаваемой виртуальной траектории, предполагающей развитие тех или иных элементов интерфейса);
  - сохраняющая функция (создание устойчивых элементов интерфейса, функция которых не зависит от общей композиции страницы).

Таким образом, выделив медиаэстетические функции, мы можем определить, какими свойствами обладает работа с новой информацией в цифровом пространстве. Во-первых, стоит отметить, что интерфейс как новая материальная платформа диктует свои условия функционирования информации (такие же условия диктовали и аналоговые хранители информации, например, книги).

Во-вторых, интерфейс обладает возможностью эмоционально воздействовать на реципиента. Это достигается путем дизайна (цветовая палитра) и композиционных решений (вертикальная и горизонтальная компоновка информации). В случае проекта «Арзамас» наличие черно-белой цветовой палитры может создавать у пользователя ассоциативную привязку, например, к бинарности знания, наличию оппозиционных сторон и мнений, их одновременному сосуществованию.

В-третьих, на примере семиотических тензоров можно наблюдать материализацию когнитивных траекторий, познавательных стратегий. Данное свойство выражается через особенности системы: устойчивые элементы интерфейса заранее кодируют у реципиента ожидания — каким образом он будет работать с информацией: будет ли это обзор с возможностью выборки или углубление в определенную тему. На примере с цветовой палитрой можно увидеть, что черно-белая палитра создает каркас системы в восприятии пользователя, поэтому появление любого другого цвета на контрасте переключает внимание на отдельное ограниченное

смысловое поле (заключенное в фотографию или картину, баннер). То есть игра с цветом внутри интерфейса является сигналом к погружению в отдельную сферу знания, переход от обзора возможностей к осознанному выбору.

Учитывая общую типизированность интерфейса как системы, такие познавательные траектории создают или отвечают ожиданиям реципиента. В условиях функционирования культурно-просветительской журналистики это свойство представляется наиболее важным, поскольку пространство интерфейса в таком случае должно облегчать восприятие новой информации для реципиента.

Журнал // Арзамас : [портал]. URL: <https://arzamas.academy/mag> (дата обращения: 21.04.2021).

Ленкевич А. С., Латыпова А. Р. Интерфейс как (с)ложная форма чувственности // Визуальная экология: формирование дисциплины : монография / под ред. В. В. Савчука. СПб., 2016. С. 366–401.

Манович Л. Язык новых медиа. М., 2018.

Drucker J. Humanities Approaches to Interface Theory // Culture Machine. 2011. Vol. 12. P. 1–20. URL: <https://culturemachine.net/wp-content/uploads/2019/01/3-Humanities-434-885-1-PВ.pdf> (accessed: 21.04.2021).

Galloway A. R. The Interface Effect. Cambridge, 2012.

Guattari F. Schizoanalytic cartographies. N. Y., 2012.

Johnson S. Interface Culture: How New Technology Transforms the Way We Create and Communicate. N. Y., 1999.

Jørgensen K. GWI: The Gameworld Interface // The Philosophy of Computer Games Conference, Bergen, 2013. Cambridge, MA, 2013. P. 1–10. URL: <https://gamephilosophy2013.w.uib.no/files/2013/09/Jorgensen-PoCG2013.pdf> (accessed: 21.04.2021).

Mitchell W. J. T. What Do Pictures Want?: The Lives and Loves of Images. Chicago, 2005.

Serada A. Phantom affordances in video games // Galactica Media : Journal of Media Studies. 2019. Vol. 1, № 4. P. 86–107. <https://doi.org/10.24411/2658-7734-2019-10038>

Zettl H. Applied Media Aesthetics: Sight Sound Motion. 6th ed. Boston, 2011.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.054
УДК 070.1:004.738.5 + 81'27 + 81'373

С. О. Калганова

ПОИСКИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И СЕМАНТИКА ИДЕОЛОГЕМЫ

В статье на материале медиатекстов рассматриваются семантические сдвиги в значениях идеологем «империя», «цивилизация», «глобализация» в процессе поиска новой идеологической концепции. Методологической базой исследования послужили работы Л. М. Майдановой, Н. А. Купиной, Н. И. Клушиной. Анализ материала позволил сделать выводы о том, что в СМИ, ориентированных на официальную позицию, термин «империя» часто используется по отношению к России. Разрабатываются смыслы «мощное государство», «способное отстаивать свой суверенитет и свои интересы», «государство как особый формат выживания русского народа», «народная империя, которая заботится о демографии и благосостоянии своего населения»; государство «планирует переосваивать свою территорию: строить за Уралом современные города», «развивать промышленность внутри страны». «Народная империя» противопоставлена «либеральной западной империи», которая функции контроля переложила на «прогрессивную общественность», терроризирующую несогласных. В основе России как «народной империи» лежат традиционные ценности уникальной российской цивилизации, базирующейся на православии. Западная цивилизация, ранее считавшаяся образцовой, теперь описывается как чуждая русской ментальности. К цивилизационным признакам русских относят «стремление объединяться, когда трудно», «ценность семьи», «братское отношение к другим этносам». Семантика идеологемы «глобализация» представлена с помощью таких смыслов, как «претензия транснациональных корпораций на мировое господство», «стирание границ — национальных, культурных, политических», «превращение человека в идеального потребителя, лишённого индивидуальности», «утилизация ненужного большинства», «уничтожение национальных государств с помощью гибридной войны». Глобализации противостоит сильное национальное государство, отстаивающее свой суверенитет и свои интересы. Оно способно наводить порядок в своем регионе. Таким образом, глобализации противостоит другая тенденция — регионализация, когда мир делится на макрорегионы, в центре каждого из которых находится крупная держава, регулирующая противоречия и поддерживающая мир. Возможно, идеологема «глобализация» скоро сменится новой идеологемой — «макрорегионализация».

К л ю ч е в ы е с л о в а: идеологема; народная империя; русская цивилизация; глобализация; регионализация; семантический сдвиг; суверенитет; традиция

В постсоветский период в результате мощного процесса деидеологизации разрушилась тщательно выстроенная система понятий, «формировавших цельность советского политического мировоззрения» [Купина, с. 95]. Однако новых политических идей, которые составили бы мировоззренческую базу россиян, выработано

КАЛГАНОВА Светлана Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Гуманитарного университета; доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета (e-mail: svetit-vsegda@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-0194-0016

© Калганова С. О., 2021

не было. Любая идеология рассматривалась как отрицательное явление, уничтожающее свободу мысли, как явление, связанное с тоталитаризмом [Клушина, с. 54; Купина]. Постепенно пришло понимание того, что «идеология пронизывает всю социальную жизнь, является необходимым условием функционирования общества на любой ступени его развития» [Майданова, Чепкина, с. 6], поэтому идеологему следует считать «универсалией политического и медийного дискурсов как тенденциозных, мировоззренчески ориентирующих» [Клушина, с. 54].

Сейчас начинает складываться определенная идеологическая концепция, которая отражает современную историческую ситуацию. В сжатом виде идеологическая концепция сводится к следующему. Россия возрождается как *народная империя*, воспроизводящая веками складывающуюся цивилизацию — совокупность традиций, культурных и религиозных воззрений, нравственных норм.

Россия выполняет определенную историческую миссию — она противостоит глобализации, а обладание ядерным оружием обеспечивает гарантию мира на Земле.

Содержание идеологической концепции определяет семантику ключевых идеологем — империя, цивилизация, глобализация, оформляющих идеологические высказывания политиков и журналистов. Идеологема, по словам Н. А. Купиной, — это «вербальная единица, непосредственно связанная с политическим денотатом... или получившая устойчивое идеологическое приращение» [Купина, с. 94], т. е. лексическая единица становится идеологемой тогда, когда в ее значение включается определенный семантический элемент — идеологически окрашенная сема.

Рассмотрим семантику ключевых идеологем, как она представлена в словарях и как развивается в медиатекстах.

Империя

Слово «империя» появилось еще в античности. Первоначально оно обозначало высшую политическую власть в Древнем Риме, одновременно «обозначая и территорию, на которую распространялась эта власть» [Лисовый, Ревяко]. Применительно к России официально этот термин начал использоваться с XVIII в., когда после окончания Северной войны 22 октября (2 ноября) 1721 г. царь Петр I принял титул императора Всероссийского, а царская корона над двуглавым орлом была заменена короной имперской. Поскольку верховный правитель был в то время олицетворением государства, с этого момента российское царство стало империей [Агеева].

В советское время Российская империя, если упоминалась, то наделялась признаками «отсталая», «авторитарная», «угнетающая национальные окраины». В 1983 г. американский президент Р. Рейган в своей речи перед Национальной ассоциацией евангелистов применительно к СССР использует словосочетание «Evil Empire» (империя зла), которое мгновенно становится политическим клише. Все употребления этого фразеологизма в русском языке связаны с пересказом чужой, враждебной точки зрения на страну.

В конце 90-х слово оживило в некоторых текстах газеты «Завтра» — издания с весьма ограниченным кругом аудитории. Один из них (публикация А. Дугина «Украина или Империя?», 1999, № 4) анализирует Э. В. Чепкина [Чепкина, с. 171–175]. Слово «империя» здесь окрашено исключительно положительно, что акцентируется словосочетаниями «Империя Справедливости», «Империя Света и Правды». А. Дугин поясняет, что имеет в виду «евразийское образование имперского типа» (разными временными ипостасями которого выступают и СССР, и Российская империя, и, судя по всему, новая Россия). В описании этой «Евразийской империи» выделяются геополитические смыслы: Россия, как центр евразийства, противопоставит США, как центру атлантизма, при этом долгосрочная программа России — «континентальная интеграция, создание материкового евразийского пространства от Токио до Азорских островов». Обоснованием таких масштабных целей выступают цивилизационные, мессианские смыслы, основанные на традиции: актуализируются смыслы византийской преемственности в истории России, ее роли как хранительницы православия, благодаря чему она несет особую духовность, стремится «утвердить колоссальный планетарный идеал, великую Правду» и Справедливость. В 2003 г. слово «империя» как идеал современной России неожиданно звучит из противоположного идеологического лагеря — из уст Анатолия Чубайса, в речи, которую он произносит в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете в связи с присуждением ему почетной докторской степени. Россию XX в., создавшую мировую систему социализма, куда вошли множество стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, А. Чубайс называет империей «беспрецедентного масштаба, над которой действительно никогда не заходило солнце и которая в действительности представляла собой половину земного шара без всякого преувеличения» [Чубайс]. Он отмечает огромный моральный авторитет СССР в мире после Победы 1945 г. Развал такой колоссальной по масштабу империи А. Чубайс связывает с ложными ценностями социализма, лежащими в ее основе.

Главной целью России в новом веке А. Чубайс провозглашает превращение в «либеральную империю», основанную на идеологии либерального империализма, которая предполагает укрепление российского лидерства в своем регионе, принцип нерушимости границ, экспансию российского бизнеса за пределы государства, развитие российской культуры и культуры других народов в странах-соседах, поддержку законными методами ценностей свободы и демократии как в России, так и в странах-соседах.

Рассмотрим словарные определения термина «империя», а затем опишем, какие новые смысловые составляющие появились у этой идеологемы в текстах массовой коммуникации.

В 1993 г. в первом в отечественной истории энциклопедическом словаре политологии читаем: империя — «политическая система, объединяющая под началом жесткой централизованной власти гетерогенные этно-национальные и административно-территориальные образования на основе отношений метрополия — колония, центр — провинции, центр — национальные республики и окраины»

[Политология, с. 119]. В данном определении в качестве объединяющей силы имперского государства называется признак «жесткое применение власти». В «Геополитическом глоссарии» Д. В. Мудриченко отмечается особая роль идеологии в объединении народов: оно происходит «под эгидой универсальной идеи цивилизационного, религиозного, идеологического характера» [Мудриченко; см. также: Большая актуальная..., с. 102].

В настоящее время содержание идеологемы «империя» применительно к России активно разрабатывается в средствах массовой коммуникации. Этот процесс поддерживается властью. Летом 2020 г. пресс-секретарь президента Д. Песков заявил, что направление развития России, ее позитивное будущее видится таким, чтобы к 2035 г. страна напоминала Российскую империю конца XIX в. [Арсюхин].

Рассмотрим реализацию отраженных в словарях смысловых компонентов идеологемы «империя» в текстах массовой коммуникации, ориентированных на официальную точку зрения. Затем опишем появление новых смыслов у этой единицы.

Способность защитить свою территорию, свой суверенитет изображается как традиционная черта русских, укорененная в истории страны. В качестве примеров подбираются исторические факты, в интерпретации которых делаются необходимые акценты. Так, рассказывая о принятии христианства из Византии, авторы подчеркивают, что князь Владимир не согласился сделать Русь частью этой могущественной империи. Более того, в своих военных походах он действовал самостоятельно, руководствуясь только интересами своего княжества. Во время трагического периода раздробленности, зависимости от Золотой Орды князь, хоть и получал от ханов ярлык на княжение, тем не менее были полноправными правителями в своих владениях. В итоге, объединившись, они сумели освободиться от монголо-татарского ига, победить войско, считавшееся непобедимым. Авторы книги «Идеология русской государственности» пишут: «Русские — это те, кто побеждает непобедимых» — и выстраивают историческую цепочку таких уникальных побед: победа над Золотой Ордой, победа над шведами под Полтавой, победа в войне с Наполеоном, победа над немцами под Москвой, с которой начался перелом в войне с Гитлером [Сергейцев и др., с. 10]. Непобедимость русской армии авторы объясняют особым духом русского солдата: Россия не использовала на войне наемников, в отличие от европейских государств. В этом они видят причину особого мужества и готовности русских воинов к самопожертвованию [Там же, с. 18].

После распада Советского Союза Россия более десяти лет пыталась подружиться с Западом, но, почувствовав, что теряет позиции в мировом сообществе и слабеет экономически, резко изменила внешнеполитическую стратегию. В 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности В. Путин заявил об окончании однополярного мира, объяснил, в чем его опасность, и добавил: «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня».

Как пишет Яндекс.Дзен, вскоре после речи В. Путина НАТО оперативно проверило способность России военными средствами отстаивать свои интересы. И Россия продемонстрировала это и в Грузии, и на Украине, и в Сирии [Российская империя...]. Решительное намерение в случае необходимости защищать свою территорию звучит и в растиражированной СМИ цитате из «валдайской речи» В. Путина. Развивая метафору про хозяина тайги русского медведя, с которым западные СМИ часто сравнивают Россию, президент сказал: «Но тайги он своей никому не отдаст» [Путин: российский медведь...].

Защита суверенитета до сих пор связывалась только с военной мощью государства. Современные реалии показывают, что появились новые угрозы, и в средствах массовой коммуникации активно обсуждается способность России противостоять им. Главную угрозу в этом плане представляет «сетевая централизованность» современного общества, наличие такого нового, быстрого и трудно контролируемого «средства доставки мнений», как социальные сети, когда любой человек может связаться с любым другим на планете, создать любое сообщество, любое общественное движение, самое радикальное [Сухомлинов]. На этой основе Запад разрабатывает новые «технологии цифрового активизма», способы «демонтажа национальных государств», приходящие на смену оранжевым революциям. Их основной принцип — «объединяйся глобально — действуй локально» [Полный контакт. 2021. 10 февр.].

Ситуация с влиянием сетей на сознание людей, с ментальной безопасностью России описывается в медиапространстве как угрожающая [Там же].

Существование и развитие русского государства журналисты называют фундаментальным процессом по отношению к существованию именно русской цивилизации и русского народа. И до сих пор формат выживания русского народа — российское государство [Формула смысла. 2021. 15 февр.].

Государство для русских есть условие и способ существования в истории в существенно большей степени, чем у иных народов, многие из которых не имели государства вовсе, или имели сильно ослабленное «техническое» государство, или же значительную часть своей истории подчинялись чужому государству [Сергейцев и др., с. 7].

В одной из программ участники отметили, что нам необходимо создать народное государство, народную империю. Это необычное словосочетание является центральным в новой концепции России, его смысл раскрывает декларируемая цель государственной власти — «...воспроизводство дееспособного населения, образованного и думающего. Такое государство было создано в СССР. Но в СССР партия стояла над государством, чего не должно было быть, она должна была стать частью государства». Тем не менее на положительный опыт СССР необходимо опираться [Формула смысла. 2021. 20 февр.].

Народная империя противопоставляется либерализму, либеральной демократии: «Наши пробирочные либералы считают, что демократия выше государства». Классический либерализм ставит частную собственность выше государства [Там же. 15 февр.]. Задача государства — определять вектор развития в современном

мире и сдерживать аппетиты корпораций, соблюдая приоритет коллективных ценностей. Авторы повторяют слова Н. Бердяева о том, что государство не обеспечивает рай, оно обеспечивает отсутствие ада [Там же]. С другой стороны, диктат общества может сломать государство, поэтому необходимо руководствоваться законом.

Константин Богомолов, опубликовавший в «Новой газете» (2021. 14 февр.) манифест режиссера под названием «Похищение Европы. 2.0», описывая новые механизмы управления людьми, говорит о том, что на Западе «государство в лице полиции и силовиков “очеловечилось” и “гуманизировалось”», но при этом передало карательные функции обществу [Богомолов]. Руками «прогрессивной ответственности» оно борется не просто с инакомыслием, но и со свободой чувствовать: «Традиционные тоталитарные режимы подавляли свободу мысли. Новый нетрадиционный тоталитаризм пошел дальше и хочет контролировать эмоции» [Там же]. Юридические права государства, ограниченные законом, сменились моральным правом «добропорядочных» граждан, активных в социальных сетях. Это моральное право не ограничено ничем, наоборот, оно подстегивается обывательской жадностью власти, потаенной страстью к насилию и стадным инстинктом. К тому же это «не просто самоорганизующаяся сетевая толпа — они поддержаны властью, новым Министерством Правды в лице хозяев интернет-гигантов». Государственные репрессии сменились сетевой травлей, которая теперь называется «акцией общественной солидарности». Так называемые «свободные и прогрессивные» люди «требуют от несогласных присесть на одно колено и в этом случае готовы милостиво даровать им право работать и творить» [Там же]. Богомолов называет такое общество «новым оруэлловским государством», а отказ от собственных чувств — самокастрацией как единственным способом выжить в нем.

Цель народной империи — благополучие народа. Эта цель может быть достигнута за счет экономического развития, новой социальности, а также за счет решения демографической проблемы.

«Экономическое развитие должно строиться на основе индустриализации. Не постиндустриализм, не цифровая экономика, когда производство вынесено в другую страну, чтобы удешевить его, а, наоборот, развитие промышленных предприятий на территории России, чтобы управляло ими российское государство, отсюда борьба за суверенитет» [Формула смысла. 2021. 11 янв.].

Россия будущего — это «внутренняя» народная империя, основанная на принципах самодержавия не в смысле восстановления монархии, а в смысле истинного народовластия, когда мы, россияне, с сильным лидером во главе «сами себя держим» [Ильницкий].

СМИ обсуждают проблему освоения пространства русской империей. Она должна строить новые города — «...города самой передовой архитектуры с развитой инфраструктурой и наукой, образованием и здравоохранением, города комфортные, привлекательные и интересные для жизни — молодежи, прежде всего. Эти города народной империи станут точками “сборки русского мира”!» [Ильницкий; см. также: Стратегия. 2021. 31 марта].

Цивилизация

Начиная с XVII в. в силу различных обстоятельств Россия самим российским обществом стала восприниматься как страна отсталая, составляющая некий противовес цивилизованному Западу [Ключевский, с. 257–258]. Правда, само слово «нецивилизованная» применительно к России стали использовать только в XIX в., в частности Кюстин и Чаадаев [Кюстин, с. 68; Чаадаев, с. 367–368]. В связи с этим авторы монографии «Медiateкст в идеологическом контексте» отмечают, что «признаки “нецивилизованность” и “кризис”... это чуть ли не стереотипы национального сознания, лишь чуть-чуть поколебленные пропагандистской машиной СССР» [Майданова, Чепкина, с. 271].

В 90-е гг. XX в. «варварскую» Россию противопоставляют уже «цивилизованному» коллективному Западу.

В последние годы ситуация существенно изменилась. В российском медиапространстве, особенно в той его части, которая тяготеет к официальной точке зрения, заговорили об особой русской цивилизации — о ее уникальности, исторических основах. Таким образом, сейчас обсуждаются две цивилизации, противопоставленные друг другу: русская, основанная на традиционных православных ценностях, и западная, ориентированная на идеи либерализма.

Начала меняться и оценка: западная цивилизация, которую несколько веков считали образцовой, теперь характеризуется как чуждая русской ментальности.

Таким образом, семантика идеологем «цивилизация», «цивилизованный» пришла в движение, стала изменяться.

Обратимся к данным словарей, а затем опишем смысловое наполнение идеологемы «цивилизация» в современных медиатекстах.

Под цивилизациями стали понимать особые социокультурные системы, порожденные условиями существования обществ (в первую очередь территориальными), а также формирующиеся под влиянием ценностей, которыми руководствуются люди в своей деятельности, религии [Философия...].

Наиболее важной, ведущей является духовная сторона общественной жизни, прежде всего система ценностей, которыми руководствуются люди в своей деятельности. Важны также «особенности территории», во многом обусловившие переживаемые народом исторические события и повлиявшие на формирование национального менталитета [Там же].

Обратимся к анализу медиаматериала.

Рассуждая о цивилизационных особенностях России, Америки и Европы, журналисты, как правило, ищут их истоки в прошлом каждого народа. Для России это православие, огромная территория, которую необходимо защищать, и разные народы, живущие вместе на этом пространстве. В прошлом Америки и Европы ищут то, что может обосновать чуждость их ценностей для России: покорение чужой территории авантюристами-одиночками, работорговля (Америка); протестантизм Мартина Лютера, идеи Фихте, Гегеля, Ницше, славивших войну, утверждавших превосходство арийской расы, ставящих своей целью мировое господство (Европа).

Специфику русской цивилизации СМИ часто описывают через сопоставление с цивилизацией американской. Так, в интервью, которое было взято у писателя Ю. В. Бондарева в конце 90-х, но опубликовано только сейчас, известный прозаик говорит о пропасти между русской и американской цивилизациями: «Первое, что я понял в заокеанской стране: американская и русская цивилизации несовместимы, невысказанно далеки друг от друга, неизмеримо противоположны. Русская цивилизация со всей ее культурой, вариантами, вариациями, тонкостями и оттенками вся сплошь духовная, то есть поднебесно божественная, устремленная ввысь... Американская цивилизация сугубо приземленная (несмотря на небоскребы), грубо материальная, прочного серого цвета, алчно-потребительская, так как все направлено на беспощадную гонку потребления, культ богатства, денежной силы...» [Юдин].

Эти два типа цивилизаций порождают два типа людей: «И в этом бездушном миропорядке человек есть машина для добывания денег, живая машина, неуклонно деградирующее и примитивно думающее существо: деньги, деньги, деньги. Культ богатства так же, как и культ насилия, всегда был чужд русскому человеку, самой природой наделенному совестью в избытке» [Там же].

Русские и американцы противопоставляются по их отношению к семье, к близким людям. Аргументируется это так. Как формировалась американская нация? Люди ехали на другой континент за лучшей жизнью в одиночку, расставаясь с семьей. Поэтому у них нет прочных связей с близкими: они сдают пожилых родителей в дома престарелых, детей по достижении ими совершеннолетия отправляют в самостоятельную жизнь. Русские, наоборот, берут пожилых родителей к себе, чтобы ухаживать за ними, облегчить им жизнь. Своих детей стараются обеспечить образованием, создать условия для жизни [Формула смысла. 2021. 29 марта].

Опровергается ранее популярная мысль о том, что России надо стремиться к западной цивилизации, учиться у создавших ее стран. По мнению режиссера К. Богомолова, Запад сейчас удивительным образом повторяет те ошибки, которые Россия проходила в послереволюционное время: «...и феминитивы, и прочие надругательства над языком, и попытку освободиться от половой или культурной принадлежности, и собрания с осуждением морального облика, и массовые требования трудящихся, и даже детей, предающих своих родителей» [Богомолов].

В результате, возражая русским либералам, К. Богомолов констатирует, что Россия сейчас вовсе не «в хвосте прогресса», она волей случая очутилась «в хвосте безумного поезда, несущегося в босховский ад, где нас встретят мультикультурные гендерно-нейтральные черти» [Там же].

Русская христианская терпимость противопоставляется западной толерантности. В частности, на миссионерском портале Московской епархии это различие объясняется следующим образом. Терпимость — это терпимое отношение к человеку, совершившему грех, при этом грех не перестает быть грехом. Толерантность — это терпимое отношение к самому греху, признание его вариантом нормы.

Задачей, которая много веков способствовала формированию русской нации, называют борьбу за свою территорию, за суверенитет. За тысячелетнюю историю Россия сформировала важную для ее цивилизации черту — стремление к объединению, когда трудно. Умение объединиться не раз спасало Россию в ситуациях, угрожающих ее цивилизации. Это и «стояние на Угре», и нашествие Наполеона, и Великая Отечественная война [Сергейцев и др., с. 8–12; см. также: Стратегия. 2021. 22 апр.].

Отношение к людям других национальностей и рас со стороны русских описывается как доброе, братское, в отличие от американцев, которые долго занимались работорговлей, поэтому сейчас вынуждены в этом каяться: «У нас и в старые времена, и в советские времена, и сейчас люди всех цветов кожи были равны, и это было, в общем, национальной политикой, абсолютно разделяемой народом <...> У нас Пушкин, главный поэт России, с африканской кровью <...> СССР помогал развивающимся африканским странам, даже когда самим жилось не очень-то легко, а потом мы списали им огромные долги» [Лукьяненко].

Уникальность российской цивилизации обосновывается географически: она не западная, не восточная, а северная. Такой взгляд опирается на давнюю традицию: подобные мысли в начале XVIII в. высказывал Дм. Кантемир, в XIX в. — Кюстин [Формула смысла. 2021. 3 мая; см. также: Агеева; Кюстин, с. 83].

Глобализация

Слово «глобализация» (и его синоним «глобализм») стало появляться только в словарях нового тысячелетия, в первую очередь политических.

Рассмотрим словарные значения термина «глобализация».

Глобализация — придание чему-л. всеохватывающего характера, т. е. распространяющихся на весь земной шар масштабов [Толково-энциклопедический словарь, с. 437]. Глобализм — определение внешней политики, характеризующейся активным политическим и военным вмешательством во всех регионах мира [Там же]. Ср. также неоглобализм — американская политическая доктрина середины 1980-х гг. (доктрина Рейгана), распространявшая «зону жизненных интересов» США на весь мир; предусматривала решающее влияние США в странах третьего мира [Там же, с. 1172].

В этих словарных статьях можно выделить такие смысловые элементы идеологемы, как «всеохватывающее, распространяющееся на весь земной шар положение» и «внешняя политика активного вмешательства США в жизнь других государств».

Глобализации посвящена объемная статья в политической энциклопедии (цит. с сокр.): «Глобализация — процесс сближения и роста взаимосвязи наций и государств мира, сопровождающийся выработкой общих политических, экономических, культурных и ценностных стандартов <...> от глобализации, в которой лидируют США, выигрывают лишь немногие страны. Понимая это, многие государства не спешат встраиваться в глобальную экономику <...> Ряд стран, особенно

сопротивляющихся глобализации, были выделены правительством США и его идеологами в т. н. 'ось зла'» [Большая актуальная..., с. 58–59].

К уже описанным смыслам «всеохватность», «активное вмешательство американцев в дела других стран» добавляются смыслы «гегемония транснациональных корпораций и торгово-правительственных организаций», «создание мирового правительства», «стирание границ — экономических, культурных, политических», «выработка единых стандартов — в идеологии (основа — либерализм), в культуре (основа — масскульт), в повседневных привычках (глобальный потребитель — человек, который предпочитает товары глобальных производителей)», «компьютеризация экономики», «манипулирование сознанием с помощью рекламы». Появляются смыслы, фиксирующие отрицательные последствия глобализации: «увеличение разрыва в уровне жизни в странах “золотого миллиарда” и остальных», «решение проблем за счет бедных стран», появление «оси зла — стран, сопротивляющихся глобализации».

Так, Е. Н. Вежбовец, И. В. Сидорская приводят слова директора Центра Фернандо Броделя по изучению экономики, исторической системы и цивилизаций И. Валлерстайна: глобализация — «...громкая ошибка современной действительности, обман, навязанный нам властными группировками и нами же самими, часто в отчаянии... Мы можем думать об этом переходе как о политической битве между двумя крупными лагерями: тех, кто хочет удержать привилегии существующей неравноправной системы, и тех, кто хотел бы видеть создание новой системы, которая будет более справедливой» [Вежбовец, Сидорская].

Все эти идеи находят отражение в медиатекстах.

Журналисты описывают последствия глобализации как исключительно отрицательные, катастрофические для России. Конкретизируется судьба «всех остальных», кроме «золотого миллиарда». Во-первых, в этих условиях человек «должен быть никаким», он «...сводится только к идеальному потребителю. Все остальное неважно: человек глобального мира — это человек без пола, без родины, без национальности, без семьи» [Стратегия. 2021. 16 февр.]. Этому способствует пропагандируемая, навязываемая США идеология либерализма.

Во-вторых, людям отводится функция обслуживающего персонала, который должен обеспечить добычу и транспортировку на Запад «общечеловеческих ценностей в виде полезных ископаемых». Но много людей и не требуется. Вообще в планах властителей мира «медленная утилизация немалой части человечества» вместо решения проблем этих «ненужных для глобальной экономики» людей. «Это наркотики и другие разнообразные способы удовольствия», разрушающие человека, «множественность гендеров, не перекрещивающихся друг с другом, чтобы они не могли плодиться» [Формула смысла. 2021. 29 марта].

Глобализация изображается как сценарий по установлению мирового господства транснациональными корпорациями. Суть сводится к следующему. С помощью гибридных войн планируется «разрушить инфраструктуру государства, лишить его возможности самостоятельно принимать решения» [Там же]. Чтобы люди этому не сопротивлялись, их убеждают в том, что перед миром стоят глобальные проблемы, справиться с которыми отдельное государство не в силах,

только частные корпорации могут помочь их преодолеть. Важнейшими являются проблемы «зеленой экономики» и «глобального потепления». «Джон Кэрри — опытный американский политик, занявший сейчас пост “главного климатолога планеты”, убеждает всех в том, что суверенные государства мешают частным корпорациям “рулить климатом”. Все думали раньше, что частные корпорации думают об извлечении прибыли, а они, оказывается, об этом совершенно не думают, а думают только о регуляции климата на планете», — иронизирует журналист Д. Куликов [Формула смысла. 2021. 29 марта]. Эти проблемы оцениваются как намеренно раздутые, а то и просто надуманные, и высмеиваются. Журналисты из программы «Формула смысла» вспоминают, как в 70-е гг. прошлого века американцы объявили о «глобальном похолодании», якобы о новом ледниковом периоде. И потом все долго боролись с «озоновой дырой». Теперь об этом забыли и объявили «глобальное потепление» — видимо, будут бороться с «углеродным следом» [Там же].

Стремление частных корпораций к господству аргументируется примерами того, как они игнорируют не только законы других стран, но и законы собственной страны. Нередко обвинительные слова звучат из уст самих американцев: «В 2019 году Коэн (редкий случай — от своего лица!) выступил с речью на ужине Антидиффамационной лиги США. В ней он призвал к ответу глав Facebook, Google, YouTube, Twitter, которых обвинил в поддержке пропагандистских конспирологических и расистских теорий: “Это идеологический империализм — шесть избранных индивидов в Кремниевой долине навязывают свое видение мира всем остальным, при этом не отвечают перед государством и ведут себя так, как будто они выше закона. Такое ощущение, что мы живем в Римской империи, а Марк Цукерберг — это Цезарь. По крайней мере, это объяснило бы его прическу”. Никто из списка пока в суд не пошел, хотя Коэн с тех пор уже успел заявить, что Цукерберг продал бы рекламу в Фейсбуке и Гитлеру» [Кого обидел Саша...].

Подчеркивается, что эти нарушения связаны с характерным для американцев стремлением к выгоде. Вспоминают события на американских выборах, когда М. Цукерберг, вопреки всем законам о свободе слова, заблокировал действующего президента Америки Д. Трампа. За таким поведением владельца Фейсбука — мощное финансирование его со стороны демократической партии. «Это впервые, когда частная корпорация, в нарушение американских законов, во время выборов поддержала только одного кандидата и создала препятствия для другого» [Формула смысла. 2021. 29 марта].

Надуманности глобальных проблем, от которых корпорации должны спасти мир, противопоставляются реальные масштабные проблемы, с которыми ни транснациональные корпорации, ни Америка не справились. «Вести FM» составляют список таких проблем. Последние события — коронавирус и транспортный коллапс в Суэцком канале показали несостоятельность, хрупкость концепции глобальной экономики. Из-за застрявшего сухогруза чуть было не начались серьезные проблемы с кофе и туалетной бумагой. Более ясную картину кризиса глобалистских идей показала ситуация с коронавирусом. Америке не удалось решить эту проблему даже у себя в стране, не говоря уже о мировом

масштабе. Успешнее других оказались те страны, которые приняли решения государственного характера. Так, «Великобритания вышла из Евросоюза, закрыла поставки вакцины в другие страны, поставила корпорации под жесткий контроль государства, то есть она проводила сверхэгоистичную политику». Россия построила множество госпиталей, разработала протоколы лечения коронавирусной инфекции, создала эффективную и безопасную вакцину. «В “цивилизованной” Европе в это время проводили флешмобы, и, как ни странно, это не помогло. Они снова вынуждены уйти в глубокий локдаун». Таким образом, коронавирус позволил увидеть, что суверенное государство, которое реально заботится о своем населении, гораздо эффективнее справляется с проблемами [Формула смысла. 2021. 29 марта].

Медиа называют противовесом глобализации сильное суверенное государство, которое не просто противостоит ей, но представляет собой эффективный способ остановить ее распространение.

Для этого необходима правильная государственная идеология. Люди, занимающие высокие посты в различных структурах федеральных органов власти, выступая в СМИ, формулируют ее различные аспекты. В частности, называются «три пункта российской государственной идеологии: сбережение народа, сбережение территории, суверенитет сильного государства» [Там же]. В основе лежат традиционные ценности — семья, рождаемость.

Еще одна задача — победа в ментальной войне, которая ведется в первую очередь по таким направлениям, как президент, российская армия, православная церковь. Причем приоритетной средой выбрана молодежь.

Советник министра обороны А. М. Ильницкий называет несколько основных опасностей, которые включает «тройной конь Америки», т. е. то, что пытаются внедрить, что мы, по мнению американцев, должны принять:

«1. Зеленая экологическая повестка, цель которой — разрушение индустриального сектора экономики и перевод добычи полезных ископаемых во внешнее управление.

2. Цифровизация России на глобальных платформах. Наша задача — цифровой суверенитет.

3. Навязывание трансгуманизма взамен традиционных ценностей, замена национальной идентичности на идентичность жителя планеты.

4. Ограничение стратегических гиперзвуковых вооружений и полное ядерное разоружение» [Там же].

В качестве еще одного мощного противовеса глобализации называют регионализацию. Она изображается как объективно складывающаяся, и суть ее заключается в следующем. Поскольку Америка демонстрирует неспособность справиться с возникающими мировыми проблемами, она постепенно теряет мировую гегемонию. Весь мир делится на макрорегионы, и в центре каждого из них находится крупная держава, которая «держит» свой регион. Она не устраняет противоречий, но не позволяет им дойти до стадии вооруженного конфликта. Так, СССР держал свои республики. Как только он перестал это делать, множество противоречий вскрылось и начались военные стычки (Карабах, Грузия, Киргизия

и Таджикистан). Эта тенденция настолько сильна, что, по сути, начинает сменять глобализацию [Формула смысла. 2021. 3 мая].

Подведем итог. Под влиянием попыток сформулировать новую идеологическую концепцию, которая могла бы объединить жителей России, меняется семантика ключевых идеологем. Увеличилась частотность термина «империя», наметилась устойчивая тенденция к смене отрицательной оценки в его значении на положительную. Активизировалась историческая тематика. В прошлом ищут положительные стороны, на которые можно опереться при построении позитивного будущего. Поэтому при упоминании Российской империи и СССР на первый план выдвигаются их положительные качества. Негативные не отрицаются, но не детализируются, не обсуждаются. Отрицательная оценка если и появляется, то только как изображение чужой, враждебной точки зрения. Имперская форма государства рисуется как традиционная для России, исторически выстраданная, естественная. Для описания будущего России используется словосочетание «народная империя», в котором ядро значения идеологемы сохраняется («мощное государство с централизованной властью») и при этом акцентируются признаки, характеризующие отношения между властью и народом, а также между этносами как гармоничные. Наряду с традиционными задачами государства, такими как защита территории, забота о благосостоянии граждан, урегулирование внутренних конфликтов, формулируются новые (переосвоение территории, защита в ментальной войне). Меняется характер противопоставления «империя — демократия». Если раньше демократия изображалась как форма, к которой необходимо стремиться, более совершенная, чем империя, то сейчас она описывается как чуждая русской цивилизации. Изменения в значении идеологемы «цивилизация» тоже касаются в первую очередь оценки. Россия из «нецивилизованной» страны превратилась в страну со своей «уникальной северной цивилизацией», укорененной в истории страны, обусловленной традиционным православным мировоззрением. Духовность, совесть, любовь к близким, способность к самопожертвованию противопоставляются стремлению к индивидуальному успеху, к материальным благам, терпимость — толерантности. Ценности западной цивилизации рисуются как чуждые, неприемлемые для россиян, словосочетание «общечеловеческие ценности» нередко используется в ироническом контексте. Таким образом, семантические сдвиги в значениях идеологем приводят к обновлению сочетаемости слова и его парадигматики.

В значении идеологемы «глобализация» закрепилась отрицательная оценка. На первый план выдвигаются смыслы «претензия на мировое господство», «разрушение государства», «утилизация населения», «извлечение максимальной выгоды под соусом надуманных глобальных проблем». Глобализация для России рисуется как страшное будущее, которое нельзя допустить. Этому должно противостоять сильное суверенное государство, которое сбережет свое население, создаст для него хорошие условия жизни, а также будет поддерживать мир в своем регионе. Появилась новая оппозиция «глобализация — макрорегионализация».

Идеологически окрашенными семами, скрепляющими здание формирующейся идеологической концепции, являются такие смыслы, как «национальный», «наследие», «традиционный», «суверенный» и т. п.

Агеева О. Г. Титул «император» и понятие «империя» в России первой четверти XVIII века // Мир истории : Рос. электрон. журн. 1999. № 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (дата обращения: 13.02.2021).

Арсюхин Е. Дмитрий Песков: «Чтобы выиграть конкуренцию, нам необходимо модернизировать инструменты госуправления» // Комсомольская правда. 2016. 25 мая.

Богомолов К. Манифест режиссера. Похищение Европы 2.0 // Новая газета. 2021. 14 февр. Большая актуальная политическая энциклопедия. М., 2009. 424 с.

Вежбовец Е. Н., Сидорская И. В. Глобализация. URL: <https://1070.slovaronline.com/115> (дата обращения: 07.05.2021).

Ильицкий А. Геополитическая основа будущего России // Парламентская газета. 2020. 14 дек.

Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 54–58.

Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Соч. М., 1957. Т. 3.

Кого обидел Саша Барон Коэн // Коммерсантъ. 2020. 16 окт.

Кутина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика : бюл. Урал. лингв. о-ва (Екатеринбург). 2003. № 11. С. 94–103.

Кюстин А. де. Николаевская Россия. М., 1990. 288 с.

Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях : словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима. Минск, 2001. URL: <https://znachenie-slova.ru/> (дата обращения: 15.02.2021).

Лукьяненко С. Встать с колен // Версия. 2021. 22–28 марта. С. 4.

Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медиатекст в идеологическом контексте : монография. Екатеринбург, 2011. 304 с.

Мудриченко Д. В. Империя // Политология : словарь терминов. URL: <https://znachenie-slova.ru/> (дата обращения: 15.02.2021).

Политология : энцикл. словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. 430 с.

Полный контакт // Вести FM. 2021. 10 февр.

Путин: российский медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет и своей тайги не отдаст // ТАСС. 2014. 24 окт. URL: <https://tass.ru/politika/1530878> (дата обращения: 18.02.2021).

Российская империя будет возрождена до 2035 года // Яндекс.Дзен. 2021. 16 апр. URL: <https://zen.yandex.ru/media/nemoskva/rossiiskaia-imperiia-budet-vozrojdena-do-2035-goda-5f101f1e7e2b585adad67985> (дата обращения: 18.02.2021).

Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб., 2000. 688 с.

Стратегия // Вести FM. 2021. 16 февр.

Стратегия // Вести FM. 2021. 31 марта.

Стратегия // Вести FM. 2021. 22 апр.

Сухомлинов В. Андрей Безруков: «Еще лет десять США будут большой державой» // Лит. газ. 2021. 17–23 марта.

Толково-энциклопедический словарь / под ред. Н. Л. Баженова, Е. А. Бариновой, Г. А. Барсукова и др.. СПб., 2006. 2144 с.

Философия : энцикл. словарь. М., 2004. 1072 с.

Формула смысла // Вести FM. 2021. 11 янв.

Формула смысла // Вести FM. 2021. 15 февр.

Формула смысла // Вести FM. 2021. 20 февр.

Формула смысла // Вести FM. 2021. 29 марта.

Формула смысла // Вести FM. 2021. 3 мая.

Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. 623 с.

Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000) : [монография]. Екатеринбург, 2000. 279 с.

Чубайс А. Б. Россия как либеральная империя : речь А. Б. Чубайса в С.-Петербур. гос. инж.-экон. ун-те на церемонии присуждения ему почетной докт. степени. 2003. 25 сент. URL: http://www.rgrc.ru/library/civ_09/01.shtml (дата обращения: 28.03.2021).

Юдин В. Америка останется не оплаканной: неизвестное интервью В. Ю. Бондарева // Лит. Россия. 2021. № 10. 19–25 марта.

Статья поступила в редакцию 20.05.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.055

УДК 070.1:004.774.6 + 070.41:659.148.4 + 81'42

Э. В. Булатова

М. П. Гнатив

А. А. Погребнякова

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИКОДОВЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В СЕТИ INSTAGRAM

Статья посвящена рассмотрению роли невербальных компонентов (видео, аудио, фотоизображений, графических знаков и др.) в смысловой структуре поликодовых рекламных публикаций. На основании изучения рекламных сообщений в социальной сети Instagram сделаны выводы о том, какими элементами смысловой структуры могут выступать невербальные знаки. Определена роль невербальных элементов как ведущего аттрактивного компонента публикации. Выявлена практика вербально-визуального дублирования элементов смысловой структуры текста. Описана полифункциональность визуальных элементов как компонента смысловой структуры. Зафиксирована роль аудиальных и графических компонентов в логическом каркасе сообщения. Анализ опроса респондентов позволил определить общую специфику восприятия поликодовой публикации, а также проблемные зоны построения рекламного медиатекста в социальной сети Instagram.

К л ю ч е в ы е с л о в а: невербальные элементы текста; смысловая структура текста; смысловая структура дискурса; социальная сеть Instagram; рекламный медиатекст; поликодовый текст; креолизованный текст

Социальные сети в последние годы стали одним из ведущих маркетинговых инструментов. Департамент исследований Statista опубликовал данные, согласно которым такие сети, как Facebook и Instagram, позволяют рекламодателям охватить миллиарды потенциальных клиентов. «Согласно глобальному опросу, 94 процента маркетологов в социальных сетях использовали Facebook для продвижения своего бизнеса, а еще 76 процентов сделали это через Instagram» [Statista]. Повышенный интерес маркетологов к соцсетям не случаен: согласно статистическим данным, обобщенным Ф. Нидл, «по состоянию на 1-й квартал 2020 г. в социальных сетях активно работали 420 миллиардов человек (данные Statista) и каждый человек тратил в среднем 2 часа 25 минут на социальные сети и обмен сообщениями (данные GlobalWebIndex)» [Needle].

БУЛАТОВА Элина Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета (e-mail: elina2824@yandex.ru).

ГНАТИВ Марина Петровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Управление персоналом и социология» Уральского государственного университета путей сообщения (e-mail: mgnativ09@gmail.ru).

ПОГРЕБНЯКОВА Анастасия Александровна — магистрант департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета (e-mail: pogrebnyakstasy@gmail.com).

© Булатова Э. В., Гнатив М. П., Погребнякова А. А., 2021

Одной из наиболее популярных интернет-площадок является Instagram¹. По результатам исследований, «в конце 2019 года у Instagram Stories было 500 миллионов активных пользователей в месяц (Statista); 64 % пользователей Instagram моложе 34 лет (Statista); 83 % людей используют Instagram для открытия новых продуктов и услуг, а 87 % заявили, что предприняли конкретные действия, например, совершили покупку, увидев информацию о продукте (Facebook for Business); по оценкам eMarketer, Instagram добавил 26,9 миллиона пользователей в период с 2016 по 2020 год — больше, чем любая другая отслеживаемая социальная платформа (eMarketer)» (цит. по: [Needle]). Маркетинговая привлекательность площадки заставляет обратить пристальное внимание на специфику рекламных сообщений в данной сети.

Важнейшей особенностью указанных текстов является их поликодовый характер, предполагающий организацию содержания посредством объединения элементов разной семиотической природы (вербальных, аудиальных, визуальных). Ранее мы говорили о таких особенностях смысловой структуры² рекламного поликодового текста (далее — ССТ) в социальной сети Instagram, как вариативный (диадный или «монадный») характер ССТ в зависимости от открытого или скрытого характера выражения авторской интенции; дублирование элементов ССТ; выражение элементов ССТ с помощью экстралингвистических знаков; вариативная глубина логической схемы дискурса; присутствие элементов смысловой структуры, имеющих единственную форму выражения — невербальную; интеграция разнокодовых элементов (см.: [Булатова, Погребнякова 2020]). Можно выявить общую закономерность, свойственную смысловой структуре рекламных текстов в интернет-пространстве: комментарии пользователей могут служить дополнительными положениями, раскрывающими главную мысль, т. е. могут выполнять роль констатирующих тезисов. Это означает, что глубина смысловой структуры текста может увеличиваться и движущей силой развития изложения при этом может выступать не автор, а читатель.

Рассмотрим подробнее роль невербальных элементов³ в составе смысловой структуры текста на примере рекламных публикаций магазина экотоваров «Медведь» в социальной сети Instagram. Проанализируем смысловую структуру поста «Капли для носа от “Медведя”» (https://www.instagram.com/p/CMl48_Bjvuv/?igshid=1eqxkafb5vyem) (рис. 1).

Данный текст рекламирует линейку капель для носа на льняном и на подсолнечном масле компании «Медведь». Поликодовая публикация состоит из вербальных и визуальных знаков: включает изображение рекламируемого продукта; вербальное сообщение, описывающее товар и его преимущества;

---

¹ По данным проекта WEB-Index компании Mediascope, в России социальная сеть Instagram по охвату аудитории входит в топ-10 ресурсов интернета (занимает восьмую позицию) [<https://webindex.mediascope.net/top-resources/projects>].

² Общие принципы анализа смысловой структуры вербального текста были предложены Т. М. Дридзе [Дридзе] и Л. М. Майдановой [Майданова].

³ К ним относятся визуальные и аудиальные компоненты поликодовой публикации: фото, видео, паралингвистические знаки, музыкальное и/или шумовое сопровождение видеоряда и др.

побуждение к приобретению товара офлайн или онлайн в магазинах «Медведь»; паралингвистические графические знаки (эмодзи, знаки «Нравится», «Пожаловаться», «Добавить комментарий», «Поделиться» и пр.); логотип компании-адресанта; фотографию профиля подписчика, прокомментировавшего пост; хештеги.

Рассмотрим смысловую структуру сообщения.

Дискурс адресанта

Фон (выражен визуально и вербально, эксплицитно) — логотип и вводная часть, привлекающая внимание: «Насморк приходит в нашу жизнь без спроса, часто нарушая все планы 🐻. 🐻 И вот поэтому так важно всегда под рукой иметь капли для носа от “Медведя”». Смайлик в виде обезьянки, закрывающей глаза, передает эмоции человека, чьи планы нарушены. Изображение огня (знак «Fire») передает смысл «важная информация!», усиливает ощущение необходимости приобретения товара.

Главная мысль (ГМ); выражена вербально, эксплицитно; предмет речи также представлен визуально на фото): капли «Медведь» — прекрасный товар, «настоящее спасение для вас и вашей семьи! 😊». Знак «Smiling Cat Face With Heart-Eyes» («Улыбающаяся кошачья морда с глазами-сердечками») показывает эмоцию восторга.

Констатирующий тезис (КТ) 1: прекрасный товар, так как «в линейке капель для носа от “Медведя” представлены два продукта: на льняном и на подсолнечном масле».

КТ 2: капли — настоящее спасение, так как «☀️🌧️ Живичные капли на льняном масле выручат от сухого течения насморка, а на подсолнечном — спасут утопающих от влажного». Смайлики солнца и дождя указывают на разное назначение капель.

КТ 3: капли — настоящее спасение, так как «✅ Наши фирменные капли не вызывают привыкания и не являются сосудосуживающими препаратами, поэтому ими можно пользоваться в профилактических целях!». Знак галочки подчеркивает, выделяет аргумент.

Иллюстрация к КТ 3: [↓] Рандомный отзыв об этих каплях. [↓] Имя клиента: Татьяна. Месяц отзыва: февраль. Отзыв: «С продукцией магазина “Медведь” познакомилась в декабре месяце. Мучилась с насморком, 2 упаковки пробырзгала аптечных, купила капли в магазине “Медведь”, с первого применения поняла, что это круто. Нос сразу

eco_medved_

Нравится: 72

eco_medved_ Насморк приходит в нашу жизнь без спроса, часто нарушая все планы. 🐻
 И вот поэтому так важно всегда под рукой иметь капли для носа от «Медведя».
 Это настоящее спасение для вас и вашей семьи! 🐻
 В линейке капель для носа от «Медведя» представлены два продукта: на льняном и на подсолнечном масле.

☀️🌧️ Живичные капли на льняном масле выручат от сухого течения насморка, а на подсолнечном — спасут утопающих от влажного.

✅ Наши фирменные капли не вызывают привыкания и не являются сосудосуживающими препаратами, поэтому ими можно пользоваться в профилактических целях!

[↓] Рандомный отзыв об этих каплях. [↓]

Имя клиента: Татьяна. Месяц отзыва: февраль.
 Отзыв: «С продукцией магазина «Медведь» познакомилась в декабре месяце. Мучилась с насморком, 2 упаковки пробырзгала аптечных, купила капли в магазине «Медведь», с первого применения поняла, что это круто. Нос сразу прочистило, сейчас пользуюсь для профилактики, очень нравятся.»

Этот и другие продукты вы можете купить по этим адресам:
 * г. Екатеринбург.
 * Ул. Крауля, 74;
 * Ул. Восстания, 5.

📍 Нижний Тагил.
 * Ул. Вагостроителей, 26;
 * Пр. Мира, 21.

А также вы можете сделать эту выгодную покупку, не выходя из дома, в нашем интернет-магазине.

🔥 Ссылка в шапке профиля! 🔥

#медведь #экомедведь #пп #зож #капли #кедр #живица #природа #органика #натурально

roy_angel_ Добрый день . Хотим купить кедровые капли для глаз с живицей и просто кедровые . Как заказать в Сочи? Были в магазине не нашли .

eco_medved_ @roy_angel_ Вы можете сделать эту выгодную покупку, не выходя из дома, в нашем интернет-магазине. 🔥 Ссылка в шапке профиля! 🔥

Рис. 1. Пост «Капли для носа от “Медведя”»

прочистило, сейчас пользуюсь для профилактики, очень нравится». Знак стрелки используется для привлечения внимания.

Аналитическая оценка ситуации (АОС) 1 (выражена эксплицитно и имплицитно): «Этот и другие продукты вы можете купить по этим адресам: 📍 г. Екатеринбург. * Ул. Крауля, 74. * Ул. Восстания, 5. 📍 Нижний Тагил. * Ул. Вагоностроителей, 26; * Пр. Мира, 21. А также вы можете сделать эту выгодную покупку, не выходя из дома, в нашем интернет-магазине. 📍 📍 Ссылка в шапке профиля! 📍». Найти наши сообщения в сети можно по хештегам «#медведь #экомедведь #пп #зож #капли #кедр #живица #природа #органика #натурально». Знак «Victory Hand» («Знак мира» или «Рука победы») может означать свободу совершать покупки в подходящем (ближайшем) магазине. Кроме того, у данного знака есть количественное значение «два», которое также может быть реализовано в данной ситуации, поскольку в каждом городе открыты два магазина торговой сети. Знак «Shopping Bags» (сумки для покупок) визуальнo представляет факт приобретения рекламируемого товара. Имплицитно передается призыв совершить покупку. Знак «Fire» («огонь») является сигналом важной информации.

Дискурсивное взаимодействие адресанта и адресата

КТ 4: капли — прекрасный товар, так как пользователь `_roy_angel_` хочет его приобрести и задает уточняющий вопрос: «Добрый день. Хотим купить кедровые капли для глаз с живицей и просто кедровые. Как заказать в Сочи? Были в магазинах, не нашли».

Развивающий тезис (РТ) к КТ 4: пользователь задает вопрос, следовательно, магазин `eso_medved_` отвечает: «Вы можете сделать эту выгодную покупку, не выходя из дома, в нашем интернет-магазине. 📍 📍 Ссылка в шапке профиля! 📍». Смайлики огня выполняют аттрактивную функцию (символизируют «горячие новости», важную информацию), смайлик с пакетами визуальнo повторяет тезис (РТ к КТ 4). Вербально-визуальное дублирование смысла направлено на реализацию прагматических целей адресанта.

АОС 2 (выражена вербально и визуальнo, эксплицитно и имплицитно): публикация понравилась 72 пользователям («72 отметки “Нравится”»), 1 пользователь ее прокомментировал, что является показателем актуальности поста для аудитории.

Рассмотрим ССТ еще одного рекламного текста. Пост «Три топовых продукта от “Медведь”, которые должны быть в вашей сумочке» рекламирует продукты магазина: активатор для роста ресниц и бровей, жимку и бальзам для рук (<https://www.instagram.com/p/CLY91EzDOkc/?igshid=1oguj0vg8uf>) (рис. 2).

Поликодовый текст состоит из вербальных, визуальных и аудиальных знаков, включает: 1) изображения рекламируемых продуктов; 2) вербальное сообщение, описывающее преимущества товара; 3) видео, в котором визуальнo представлен товар и вербально дублируются его преимущества. Смена коллажей осуществляется с музыкальным сопровождением. Такой прием создается для

привлечения и удержания внимания. Также присутствуют паралингвистические графические знаки (эмодзи, знаки «Нравится», «Пожаловаться», «Добавить комментарий», «Поделиться»); логотип компании-адресанта; фотография и графическое изображение профилей подписчиков, прокомментировавших пост; хештеги.

Разберем смысловую структуру рекламного сообщения.

Дискурс адресанта

Фон (выражен визуально и вербально, эксплицитно): логотип магазина и вводная часть с приветствием, привлекающим внимание: «Всем привет!»

ГМ (выражена вербально и визуально, эксплицитно): у компании «Медведь» есть «3 топовых продукта, которые всегда должны быть в вашей сумочке. ❤️». Знак в виде сердца указывает на заботу бренда о своих покупателях. На коллаже представлены рекламируемые продукты и разные виды сумок.

КТ 1 (выражен вербально и визуально, эксплицитно): должны быть в вашей сумочке, так как без продукта «Медведя» активатор для роста ресниц и бровей не обойтись (знак галочки выполняет аттрактивную функцию).

РТ 1 к КТ 1: не обойтись, так как « он помогает восстановить поврежденные ресницы и брови!». Здесь и далее смайлики Sparkles (искры, блестящие) выполняют аттрактивную функцию и символизируют нечто сияющее, волшебное. В данном случае транслируется смысл «великолепное предложение».

РТ 2 к КТ 1: не обойтись, так как « Регулярное использование этого продукта придает им густоту и объем!».

РТ 3 к КТ 1: не обойтись, так как « 100 % натуральный состав подобран так, чтобы буквально за один курс придать уставшему волосу отличную структуру, блеск и силу».

Иллюстрация 1 к КТ 1: продукт появляется на видео.

Иллюстрация 2 к КТ 1: отдельная фотография продукта в карусели.

КТ 2 (выражен вербально, эксплицитно): должны быть в вашей сумочке, так как без продукта жимка от «Медведя» «Кусочками» не обойтись (знак галочки выполняет аттрактивную функцию).

РТ 1 к КТ 2: не обойтись, так как «это отборный кедровый орешек, отжатый на деревянном прессе из ясеня».

РТ 2 к КТ 2: не обойтись, так как « кедровую жимку “Кусочками” удобно брать с собой на работу, прогулки, тренировки и даже в походы!».

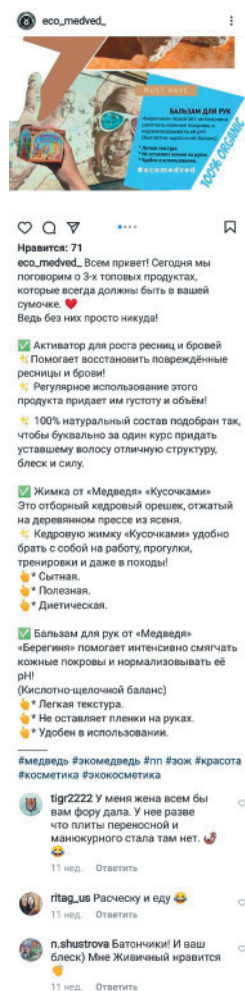

Рис. 2. Пост «Три топовых продукта от “Медведь”, которые должны быть в вашей сумочке»

PT 3 к PT 2: удобно брать с собой, так как она

«👉* Сытная.

👉* Полезная.

👉* Диетическая».

Здесь и далее эмодзи White Up Pointing Backhand Index (палец, указывающий вверх) выполняет подтверждающую функцию. В данном случае он используется как знак объяснения значимой информации.

Иллюстрация 1 к KT 2: продукт появляется на видео.

Иллюстрация 2 к KT 2: отдельная фотография продукта в карусели.

KT 3 (выражен вербально, эксплицитно): должны быть в вашей сумочке, так как без продукта «Медведя» бальзам для рук «Берегиня» не обойтись (знак галочки выполняет аттрактивную функцию).

PT 1 к KT 3: не обойтись, так как «бальзам помогает интенсивно смягчать кожные покровы и нормализовывать ее pH! (Кислотно-щелочной баланс)».

PT 2 к KT 3: не обойтись, так как бальзам обладает следующими признаками:

«👉* Легкая текстура.

👉* Не оставляет пленки на руках.

👉* Удобен в использовании».

Иллюстрация 1 к KT 3: продукт появляется на видео.

Иллюстрация 2 к KT 3: отдельная фотография продукта в карусели.

Иллюстрация к KT 1, 2, 3: музыкальное сопровождение видео (выполняет функцию создания особой, непринужденной тональности).

АОС 1 (выражена эксплицитно и имплицитно): найти наши продукты можно в сети по хештегам «#медведь #экомедведь #пп #зож #красота #косметика #экокосметика». Имплицитно передается призыв приобрести товары компании «Медведь».

Дискурсивное взаимодействие адресанта и адресата

KT 4 (выражен эксплицитно и имплицитно): продукты «Медведя» должны быть в вашей сумочке, так как пользователь n.shustrova пишет: «Батончики! И ваш блеск) Мне Живичный нравится 🙌». Знак Clapping Hands Sign (аплодисменты) подтверждает, что пользователь приобрел продукцию компании и она ему понравилась.

KT 5: (выражен эксплицитно и имплицитно): продукты «Медведя» должны быть в вашей сумочке, хотя пользователь ritag_us называет другие необходимые вещи: «Расческу и еду 😊». Изображение смеющегося лица со слезами радости символизирует соответствующую эмоцию адресата.

KT 6: (выражен эксплицитно и имплицитно): продукты «Медведя» должны быть в вашей сумочке, хотя пользователь tigr2222 фиксирует наличие в ней других вещей: «У меня жена всем бы вам фору дала. У нее разве что плиты переносной и маникюрного стала там нет. 🙌 😊». Знака Otter (Выдра) может быть сигналом пассивного наблюдателя.

АОС 2 (выражена вербально и визуально, эксплицитно и имплицитно): публикация понравилась 71 пользователю («71 отметка “Нравится”»), 3 пользователя ее

прокомментировали (комментарии от пользователей ritag_us и tigr2222 напрямую не обосновывают главную мысль, но показывают, что пост вызвал определенные эмоции), что является показателем актуальности данной публикации для аудитории: очевидно, что текст не оставляет пользователей равнодушными.

С целью определения роли невербальных элементов в восприятии поликодовых рекламных медиатекстов был проведен опрос, в котором принял участие 31 человек в возрасте от 19 до 35 лет. Респондентам предлагалось ознакомиться с публикацией «Рецепт кедрового печенья»⁴ (<https://www.instagram.com/p/CAZyaZrjcgN/>) и ответить на следующие вопросы:

1. Что в первую очередь привлекло ваше внимание: видео, вербальный текст, логотип компании «Медведь», графические знаки (эмодзи и пр.)?
2. Досмотрели ли вы видео до конца?
3. Поясните, пожалуйста, почему досмотрели или не досмотрели видео.
4. Оцените голос ведущей (тембр, темп, дикцию) по шкале от 1 до 5, где 1 — «неудовлетворительно», а 5 — «отлично».
5. Если в предыдущем вопросе вы поставили оценку от 1 до 4, поясните, пожалуйста, с какими именно затруднениями при восприятии голоса ведущей вы столкнулись? (Если вы поставили оценку 5, в ответе на данный вопрос поставьте прочерк.)
6. Оцените музыкальное сопровождение видеоролика по шкале от 1 до 5, где 1 — «неудовлетворительно», а 5 — «отлично».
7. Если в предыдущем вопросе вы поставили оценку от 1 до 4, поясните, пожалуйста, каковы, на ваш взгляд, недостатки музыкального сопровождения? (Если вы поставили оценку 5, в ответе на данный вопрос поставьте прочерк.)
8. Дочитали ли вы вербальный текст до конца?
9. Поясните, пожалуйста, почему дочитали или не дочитали текст.
10. Оцените, пожалуйста, полноту передачи информации.
11. Если вы считаете, что информации недостаточно, то что, на ваш взгляд, стоило бы добавить? (Если в ответе на предыдущий вопрос вы указали, что информации достаточно, в ответе на данный вопрос поставьте прочерк.)
12. Оцените использование графических элементов текста (эмодзи и пр.):
  - а) графические элементы ориентируют читателя, помогают понять содержание;
  - б) графические элементы затрудняют понимание содержания;
  - в) графические элементы не имеют особого значения для восприятия содержания.
13. Если вы указали, что графические элементы затрудняют понимание содержания, поясните, пожалуйста, с какими именно затруднениями вы столкнулись? (Если вы дали другой ответ, здесь поставьте прочерк.)
14. Появилось ли у вас желание купить описанные ингредиенты и приготовить печенье?

⁴ Анализ смысловой структуры публикации см.: [Булатова, Погребнякова].

15. Вы можете дополнительно прокомментировать публикацию, ее содержание или оформление.

Представим результаты опроса.

В ходе анализа ответов респондентов была подтверждена значимая аттрактивная роль невербальных компонентов текста: 74,2 % респондентов в первую очередь обратили внимание на невербальные элементы публикации (67,7 % респондентов — на видео, 6,5 % — на логотип компании). Вербальная составляющая первоначально привлекла 25,8 % читателей.

До конца досмотрели видео 41,9 % респондентов. Их привлекли:

1) образ ведущей: «хороший спикер»; «необычный голос. Взгляд был чистый, не наигранный. Знала, о чем говорит»;

2) интересная, актуальная тематика: «хотелось увидеть готовое печенье»; «было интересно посмотреть на конечный результат»; «чтобы полностью узнать рецепт кедрового печенья»; «не ела такое печенье никогда».

Не досмотрели видео 58,1 % респондентов. Были указаны следующие причины неполноты просмотра:

1) недостатки видео: «однообразная картинка, тяжело воспринимать»; «скучное и однообразное видео, слишком длинное предисловие»; «растянуто»; «много слов»; «очень затянута с перечислением витаминов и минералов, хотелось скорее услышать рецепт»; «перечисление всех элементов и витаминов подряд утомительно»; «слишком медленно»; «не притягивает внимание. Возможно, стоит сделать динамичнее»; «недостаточное качество звука. Также, на мой взгляд, не надо в видео перечислять полезные свойства/витамины, это сбивает»; «видео разделено на две части. Это уменьшает стремление досматривать до конца»; «не хватает дополнительного видеоряда (стоковые видео с просеиванием муки/кедровые ветки и т. д.)»; «текст видео дублирует вербальный текст»;

2) тематика не интересна: «не заинтересовала рубрика»; «не интересуется полный рецепт приготовления»;

3) для адресата предпочтительен вербальный текст: «основная информация предоставлена вербально. Прочитать быстрее, чем слушать»; «не хотелось тратить на это время, так как есть вербальный текст».

38,7 % респондентов оценили голос ведущей на высший балл, 61,3 % обнаружили в ее речи некоторые недостатки (рис. 3).

Среди недостатков отмечались медленный темп речи, ее подготовленный характер, недостаточно чистая дикция, картавость, недостаточное интонирование, тихий, монотонный голос: «У ведущего не должно быть проблем с речью. Ничего не имею против картавых людей, однако при наличии данной особенности над ней необходимо работать»; «Речь заучена, но не пропущена через себя, выражена без чувств»; «Хотелось бы больше динамики в речи. Чуть-чуть ускорить бы темп. Нужно поработать с дикцией (невыговаривание звука “р” сразу бросилось во внимание). Речь не плавная, дробит почти каждое слово, следовательно, дробит предложение, так мысль теряется или воспринимается сложнее. Интонирование неплохое, но чувствуется какой-то штамп немного. Словно говорит, как нужно, а не полностью от души. 3 балла, потому что девушка приятная, доброжелательная

подача, есть своя изюминка в голосе, просто нужно чуть-чуть поработать над речью».

61,3 % респондентов оценили музыкальное сопровождение видео на высший балл, 38,7 % выявили некоторые недостатки (рис. 4).

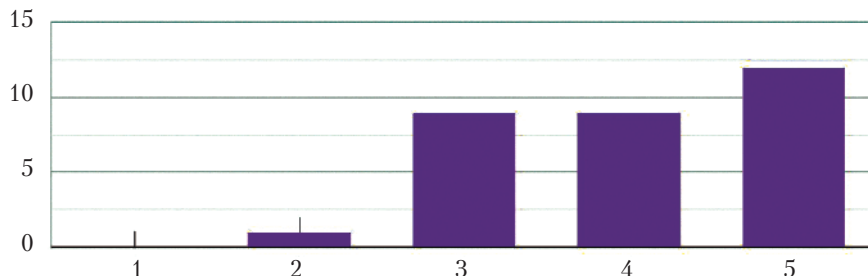

Рис. 3. Оценка голоса ведущей респондентами:
«Оцените голос ведущей (тембр, темп, дикцию) по шкале от 1 до 5, где 1 – “неудовлетворительно”, а 5 – “отлично» (31 ответ)

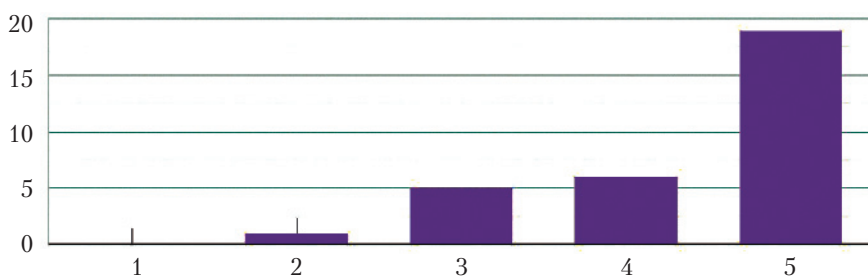

Рис. 4. Оценка музыкального сопровождения видеоролика респондентами:
«Оцените музыкальное сопровождение видеоролика по шкале от 1 до 5, где 1 – “неудовлетворительно”, а 5 – “отлично» (31 ответ)

В качестве недостатков отмечались: 1) излишняя громкость фоновой музыки: «Стоило сделать музыкальную дорожку потише, чтобы дорожка с речью ведущей слышалась лучше»; «Музыка хорошая, но перебивает голос ведущей» и др.; 2) невыразительность музыкального сопровождения: «Унылый мотив»; «Это обычный трек из библиотеки бесплатной музыки. Он отлично подходит в качестве ненавязчивого фона. Однако также трек не запоминается и не влияет на восприятие»; 3) несоответствие музыки теме публикации: «Несоответствие тематике, мейнстримность»; «Не очень сходится какое-то королевское музыкальное сопровождение с такой подачей рецепта обычного печенья. Если бы в названии печенья была хоть какая-то отсылка к такой мелодии (“Королевский кедр” и т. п.), то было бы 4 балла».

Вербальную часть поликодового текста полностью прочитали 61,3 % респондентов и не дочитали 38,7 %. Причины, по которым текст был дочитан:

1) интересная тема: «интересно узнать про этот вид печенья»; «было интересно, кедровая мука, в первый раз слышал»; «интересны ингредиенты печенья, они необычные»;

2) содержание и оформление текста: «текст хорошо оформлен, читается на одном дыхании»; «структурировано, понятно»; «кратко, четко, есть разделения, смайлы и абзацы»; «дочитала текст, так как он удобен для восприятия (есть отбивки, эмодзи, графическое оформление)»;

3) некоторые читатели предпочитают получать информацию в вербальной форме: «так как лучше воспринимаю информацию читая»; «лучше воспринимаю информацию в виде текста»; «потому что в тексте ты сам выбираешь, какие фрагменты читать. Таким образом, текст прочитан, но нудные моменты пропущены»; «текст читается гораздо быстрее, чем просмотр видео. Также текст почти полностью дублирует голос ведущей, что повлияло на нежелание досматривать вторую часть видео (проще и быстрее прочитать)»; «краткая информация о содержании видео — прочесть не составит и 10 секунд»; «так удобнее и быстрее»;

4) «надеялась увидеть новую информацию, которой не было в видео».

Причины, по которым текст не был дочитан:

1) не заинтересовала тема: «пробежалась глазами до конца, но не вчитывалась — не интересуется рецепт печенья»;

2) текст дублирует видео: «все было на видео»; «все объяснили в видео»; «при наличии видео в публикации нет желания читать, это отнимает слишком много времени»; «текст повторяет содержание видео, а желания приготовить по рецепту не возникло»;

3) читатель искал определенную информацию: «ознакомилась только с ингредиентами, так как вначале всегда обращаю внимание только на них»;

4) не понравились содержание и оформление текста: «слишком большой текст»; «нет потребности. Ингредиенты печенья не сильно привлекли. Когда вижу в рецепте мед, сразу ощущаю его привкус, а в выпечке мед не особо люблю».

90,3 % респондентов сочли, что в тексте информации достаточно; 9,7 % читателей — что информации недостаточно: аудитории хотелось бы получить более детальные сведения о процессе приготовления печенья («порядок замешивания теста, способ, температура и время выпекания»; «скорость приготовления, процесс хотелось бы видеть чуть дольше»), а также запись рецепта («Стоило прописать рецепт. Вдруг я захочу приготовить печенье, но из-за плохого соединения не смогу посмотреть видео?»; «В тексте отсутствует поэтапный рецепт. С точки зрения удобства клиента, который решится его использовать, это минус. Так как видео он пересматривать вряд ли будет (если только для того, чтобы выписать себе рецепт на бумажку»). Один респондент счел, что информация избыточна.

Мнения о роли графических элементов текста у респондентов разделились: 45,2 % указали, что графические элементы ориентируют читателя, помогают понять содержание, 22,6 % — что графические элементы затрудняют понимание содержания, 32,3 % — что графические элементы не влияют на восприятие содержания текста.

Читатели указали следующие причины, по которым эмодзи затрудняют восприятие текста:

1) неясность некоторых графических элементов: «Эмодзи перед словом “совет” непонятно. Звездочка в конце тоже непонятна, к чему она? В целом цветочки,

ладно, пусть будут. Тут еще с медом и пчелами может возникнуть ассоциация. А так будто эти смайлики тоже похожи на некий штамп: сейчас так модно писать тексты в соцсетях»;

2) неясность принципов отбора и неудачное размещение графических элементов: «закрывали приготовление, процесс»; «непонятно, почему только некоторые ингредиенты отмечены смайликом. В целом вызывают раздражение, а не ориентируют»; «затрудняют. Например, перечисление ингредиентов выделено в группы и разделено эмодзи солнца. Читать информацию неудобно. Остальное вполне приятно в плане восприятия»; «стрелки моргают и раздражают, цветковые мерцания на фоне отвлекают от закадрового голоса»;

3) большое количество графических элементов: «часть графических элементов избыточна»;

4) индивидуальное отношение читателя к графическим элементам: «лично меня эмодзи отталкивают».

54,8 % респондентов указали, что у них появилось желание купить описанные ингредиенты и приготовить печенье, у 45,2 % читателей такого желания не возникло.

19,3 % читателей оставили рекомендации по редактированию текста: «Ведущая как будто оторвана от процесса приготовления, нет ощущения, что это она готовит. Съемку лучше делать всего человека, а не только рук, показывать эмоции ведущего»; «В видео использован не самый удобный для чтения шрифт. Мигающие стрелочки отвлекают внимание на себя (к тому же, они мигают слишком быстро)»; «Анимация логотипа с медведем слишком навязчивая»; «Плохо подобран цвет шрифта. Стоило затемнить фон, чтобы читаемость была лучше. Помимо этого, при показе кедровой муки стоило убрать качание картинки и эффект гирлянды»; «Не очень понравилось, что много девушки в кадре, много текста в видео и совсем мало действия»; «Шрифт при написании витаминов (калий, кальций и т. д.) лучше сделать просто белым, а в других частях ролика заменить».

12,9 % респондентов положительно оценили поликодовый текст: «Все просто и понятно, я бы не стала ничего добавлять»; «Хороший текст»; «Все было интересно и понятно»; «Спасибо большое за рецепт полезных для здоровья сладостей»).

3,2 % в качестве комментария указали, что это «стандартная рекламная публикация».

Подведем итоги. На основании анализа рекламных текстов экомгазина «Медведь» в социальной сети Instagram, а также результатов опроса читателей мы можем сделать следующие выводы о роли невербальных компонентов в смысловой структуре публикации:

1. Невербальные элементы привлекают первоочередное внимание значительной части воспринимающих. Однако в процессе ознакомления с публикацией происходит перераспределение внимания: его фокус смещается с визуальных компонентов текста на вербальные.

2. Невербальные элементы способны выступать в роли как второстепенных (фон и иллюстрации), так и основных (главная мысль, констатирующие

и развивающие тезисы, аналитическая оценка ситуации) элементов ССТ. Так, типичным для рекламных сообщений сети Instagram является визуальное воплощение предмета речи (части главной мысли текста) и тезисов аргументации.

3. Невербальные элементы текста могут функционировать в качестве компонента ССТ в сочетании с вербальными элементами или самостоятельно. Так, в посте «Запеканка с кедровыми нотками» (<https://www.instagram.com/p/CRTxHobHoN2/>) пользователь **alisochka._moshkina** оставил в качестве комментария эмодзи «😊» (Smiling Face With Heart-Eyes), который в рамках ССТ выступает в роли констатирующего тезиса, фиксирующего высокую оценку запеканки указанным пользователем («Запеканка отличная, так как пользователю **alisochka._moshkina** она нравится»).

4. Невербальные и вербальные элементы в составе компонента ССТ могут дублировать друг друга. Вербально-визуальное дублирование компонента ССТ является средством его суггестивного подчеркивания. Заметим, что часть аудитории воспринимает подобное дублирование как недостаток текста.

5. Визуальные элементы (фото и видеоматериалы) полифункциональны, они способны одновременно выступать в роли разных элементов ССТ: а) поскольку на визуальные элементы адресат обращает внимание в первую очередь, они выполняют роль фона (подводки к теме): позволяют читателю построить гипотезу о содержании текста; б) представляя предмет речи, визуальные элементы, как было указано выше, являются средством выражения главной мысли публикации; в) в интегративных и дискретных визуально-центрических поликодовых (креолизованных) текстах фото и видео могут представлять тезисы аргументации; в дискретных вербально-центрических текстах (о типах креолизованных текстов см.: [Булатова, Ефимова]) визуальные компоненты, как правило, выполняют роль фона и иллюстраций к тезисам.

6. Аудиальные элементы: акустические параметры голоса ведущего (высота, тембр, темп, интонация и др.), музыкальное / шумовое сопровождение видео, как правило, выступают в роли иллюстраций и фона. Их основная функция — тональная (функция создания особого настроения). Выбор аудиальной составляющей влияет на восприятие текста адресатом. Так, музыкальное сопровождение, по мнению респондентов, должно быть нешаблонным, негромким, выразительным, а также должно отвечать тематике материала. Речь ведущего должна быть в акустическом отношении нормативной и выразительной.

7. Паралингвистические знаки (эмодзи, пиктограммы «Нравится», «Поделиться», «Оставить комментарий») выполняют смысловую и/или тональную функции. Эмодзи часто включаются в состав тезисов, пиктограммы — выступают сигналами АОС в дискурсивном взаимодействии адресанта и адресата. При использовании графических элементов в поликодовом тексте следует соблюдать принципы умеренности и уместности: графические средства позволяют структурировать информацию, однако их переизбыток может оттолкнуть читателя.

Таким образом, невербальные знаки являются полноправными компонентами смысловой структуры медиатекста, способными сочетаться с вербальными

знаками или выступать в роли самостоятельных элементов ССТ. Их анализ позволяет детально раскрыть механизмы построения рекламных публикаций в социальной сети Instagram.

Булатова Э. В., Ефимова Т. Ю. Смысловая структура креолизованных медиатекстов малоформатных жанров // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4 (119). С. 28–36.

Булатова Э. В., Погребнякова А. А. Особенности смысловой структуры рекламных сообщений в сети Instagram // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 3 (199). С. 38–48.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984. 268 с.

Майданова Л. М. Практикум по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 2007. 528 с.

Needle Flori. 75 Essential Social Media Marketing Statistics for 2021 // HubSpot. 2021. 24 Febr. URL: <https://blog.hubspot.com/blog/tabid/6307/bid/23865/13-mind-bending-social-media-marketing-statistics.aspx> (accessed: 21.07.2021).

Statista. Business Data Platform. URL: <https://www.statista.com/> (accessed: 21.07.2021).

Статья поступила в редакцию 22.07.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.056
УДК 791.229:398(470.5) + 791.43

Ю. В. Томилов

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В АВТОРСКОЙ АНИМАЦИИ ОКСАНЫ ЧЕРКАСОВОЙ

Объект анализа — авторские фильмы Оксаны Черкасовой (уральская школа анимации), созданные на основе различных фольклорных форм. Автор выявляет художественные и технологические особенности интерпретации фольклора, выделяет творческие методы, которые наследуются и развиваются новыми поколениями уральских аниматоров.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Оксана Черкасова; уральская школа анимации; анимация; анимационные технологии; этнографическое кино; фольклор; традиции

Одно из самых ярких явлений отечественной анимации — так называемая уральская (свердловская) школа громко заявила о себе во второй половине 80-х гг. прошлого века. Пришедшие на Свердловскую киностудию выпускники отделения анимационного кино Высших курсов сценаристов и режиссеров (в Москве) Алексей Караев, Оксана Черкасова, Владимир Петкевич, Александр Петров, Сергей Айнутдинов, ученики великих режиссеров анимации Ф. Хитрука, Ю. Норштейна, Э. Назарова, запустили новую «волну» уральской авторской анимации.

А в начале XXI в. Оксана Черкасова создала при Уральской государственной архитектурно-художественной академии (ныне Уральский государственный архитектурно-художественный университет — УрГАХУ), который в свое время окончила сама, кафедру графики и анимации, где вот уже почти два десятилетия готовит вместе с коллегами достойную смену уральских аниматоров. Сама она входит в число выдающихся, титулованных мастеров, ее фильмы обошли крупнейшие, авторитетные кинофестивали мира и получили высокие оценки как у мэтров, так и у всего профессионального сообщества. Говоря об Оксане Черкасовой, «Эдуард Назаров сокрушался, что нет женского эквивалента к слову “гений”; Юрий Норштейн выражал восхищение “наивностью, сердечностью и простодушием” ее творчества [Грачева]. Н. Б. Кириллова в своей работе, рассматривая уральскую (свердловскую) школу анимации, выделяла такие ее свойства, как «поиск, стремление раскрыть внутренний мир личности, проникнуть в тайники человеческой души, прибегая к уникальным изобразительным решениям» [Кириллова, с. 267]. Изучение творческих методов, жанровых, художественных и технологических особенностей фильмов О. Черкасовой позволяет выявить богатство возможностей использования фольклорных мотивов в искусстве анимации.

Фильмы О. Черкасовой выделяются тематическими и жанровыми предпочтениями. В своем творчестве она первая на Свердловской киностудии обратилась

ТОМИЛОВ Юрий Викторович — старший преподаватель кафедры графики и анимации Уральского государственного архитектурно-художественного университета, г. Екатеринбург (e-mail: tommaster1@mail.ru).

© Томилов Ю. В., 2021

к подлинной архаике и этнографии, к фольклорным пластам культуры и искусства, а не к адаптированным для детей воспитательным сказкам.

Северные палеоазиатские мифы

О. Черкасова проявляет интерес как к мифологии народов Дальнего Востока, так и к уральскому фольклору — дохристианским обрядовым комплексам, народным байкам. Ее первые два фильма — «Кутх и мыши» (1985) и «Бескрылый гусенок» (1987) сняты по мотивам чукотского фольклора. Это произошло после знакомства режиссера с чукотским народным ансамблем «Эргырон», чья музыка и используются в обеих картинах. Также эти ленты объединяет персонаж Кутх — центральный герой мифологии палеоазиатов: демиург, создавший мир, прародитель человечества, но одновременно и трикстер, который появляется в облике и человека, и ворона. Это некий древний, архаичный конструкт, сочетающий в себе все хорошее и все плохое.

О первом фильме продюсер и драматург И. Марголина пишет: «“Кутх и мыши” — космогоническая притча об устройстве Вселенной. Ворон Кутх владеет миром, от каждого его пера идут нити к рекам, озерам, горам, людям, зверям. Он правит всем, как в театре марионеток, и только мыши, маленький чукотский “народ”, как дети, беспечно резвятся и подгрызают эти нити, связь с ним, с самым главным, поют» [Марголина, с. 285]. Фильм показывает сотворение не только пространства, но и времени, причем то и другое становятся объектами игры в процессе ловли мышей Кутхом. Сюжет наполнен иронией, служащей «...средством для обретения внутренней свободы автора и вариативного изменения мира на основах игры. Она основана на развитии фольклорных форм, включающих в действие слой смеховой культуры» [Кривуля, с. 56].

Фильм создан в технике классической рисованной анимации на целлулоиде, но при этом добавляется фактурность и неоднородность заливки. Контур неравномерный, линия имеет разную толщину нажима с естественной кривизной, что передает рукотворность и добавляет живописности.

В следующей ленте Кутх выступает создателем и рассказчиком истории о потерявшемся гусенке, который проходит всевозможные испытания, путешествуя через разные мифологические уровни. В Среднем мире гусенок попадает к мышам. В мрачном Нижнем мире, населенном странными орнаментальными существами, он встречает Великую хозяйку Чукотки (в виде огромной лягушки). А в Верхнем мире гусенок случайно запускает цепочку событий, нарушающих спокойную жизнь небесных обитателей и превращающих сцену в хаос. Кутх восстанавливает порядок, отправляя гусенка к матери, к перерождению. Достаточно простой сказочный сюжет передан здесь с помощью метафор, аллюзий, наивного рисунка, который — при всей своей условности — оказывается способен транслировать ощущения страха, освобождения и надежды. Авторская художественная интерпретация чукотского мифа подана зрителю так, как его мог бы визуализировать коренной представитель культуры, для которого все взаимоотношения

персонажей и сюжетные ходы укладываются в систему мировосприятия и не требуют дополнительных разъяснений.

Технология анимации здесь носит экспериментальный характер: фазы нарисованы тушью, смешанной с глицерином, на целлулоиде. Изображение строится по типу наскальной графики: нет перспективы, объема и глубины пространства; одновременно в кадре могут происходить наложения планов разного масштаба; используются морфинг, стирание и прорисовывание персонажей. Применяются такие приемы, как инверсия изображения, добавление на второй ярус соли, которая позволяет создать необычный эффект свечения.

В 1992 г. О. Черкасова снимает фильм по мотивам нивхской сказки «Племянник кукушки». Ядро сюжета — обряд посвящения в шаманы. Старый, уже ослабевший шаман видит в бубне (главном магическом инструменте) бегущего за кукушкой мальчика, своего преемника, и устраивает ритуал камлания, собирая всех людей поселения. Старый шаман облачается в костюм с черепом оленя, таким способом отождествляя себя со зверем и обретая сверхъестественную силу. Через ритуальные танцы он призывает тотемных животных — духов воды, земли и неба — и обращает их в амулеты, которые передает мальчику. Из костюма шамана вылетает дух (эфемерное темное пятно) и устраивает мальчику испытания. Призывая своих тотемных духов, мальчик справляется с ними благодаря перерождению. Перерождение показано через рождение женщиной. Именно после этого мальчик готов сразиться с темным духом и вступает в сюрреалистическую битву, в итоге становясь шаманом. Кадры с мультипликатом чередуются с ротоскопированными сценами реальных ритуалов камлания из документального фильма 1929 г. режиссера Литвинова «Удэ — лесные люди». Изобразительное решение фильма очень похоже на рисунки самих нивхов, выцарапанные на кости или дереве. Художник фильма А. Золотухин предложил прорисовывать фазы, подкладывая под кальку старую деревянную доску, таким образом обогащая рисунок природной фактурой. Так возникло необходимое волнение, дрожь рисунка.

О. Черкасова рассказывала в интервью, что консультантом был настоящий шаман, объяснявший, как его учили шаманскому ремеслу, как устроены обряды камлания, «как должен идти шаман, как он должен пробовать голос... и как он не может один этого сделать, без публики, потому что это... как театр, там нужны зрители. И как надо завести их, и какой контакт должен быть» [Марголина, с. 284]. Зрители фильма фактически становятся соучастниками действия, нарисованный шаман погружает их в транс, убедительно разворачивая психоделическое представление в тотально подвижном мире с перетеканиями, трансформациями, архетипическими образами. Как и в большинстве фильмов О. Черкасовой, сюжет выстроен циклически, начало и конец сомкнуты, задавая тему круговорота пространства и времени.

Уральский фольклор

Ярко представлен в творчестве О. Черкасовой уральский фольклорный мотив, связанный со сквозным персонажем, который появляется в нескольких картинах: «Дело прошлое» (1989), «Нюркина баня» (1995), «Купава» (2014). Это старушка Нюрка — деревенская шаманка, знахарка, умеющая общаться с разного рода духами.

Основанный на уральской байке первый фильм «Дело прошлое», в работе над которым впервые участвовали будущие постоянные соавторы О. Черкасовой (сценарист Надежда Кожушаная и художники-аниматоры Валентин Ольшванг и Андрей Золотухин), рассказывал о жадном мужчине, который разочарован доставшимся от бабушки Нюры наследством. Подруга покойной бабушки решает проучить наследника и, нашептывая заговор в платочек, напускает на него кикимор Акульку и Дуньку. Они играют и танцуют, оживляя пространство и предметы вокруг: прятки, утюг, стол, кровать. Мужчина несколько раз то просыпается в холодном поту, попадая в реальность, то снова проваливается в ужасающий мистический хаос и пытается убежать. Из сундука с наследством вырастает цветок в стиле уральской росписи и переносит героя на новый уровень фантазмагорической потусторонней реальности, в которой тотально оживает орнаментальное пространство. Там он встречает свою бабушку Нюру, которая в итоге преподносит внучку урок, превращая его в маленького плачущего мальчика. Через путешествие по слоям сюрреалистических ярусов, через перерождение происходит изменение персонажа и его изначальных установок. «В кино зритель получает своего рода мистический опыт, совершает путешествие в потустороннюю реальность, готов к встрече с необычным в обычном, в удивительно достоверно расцвеченном мире» [Спутницкая, с. 239]. Такой мистический опыт оказывается, с одной стороны, развлекательным юмористическим аттракционом, с другой — психоделическим пугающим переживанием.

В 1995 г. О. Черкасова снимает фильм «Нюркина баня» — о так называемой добрачной (или подвенечной) бане, предсвадебном обряде, сопровождающемся причетами, которые отражают мистическую роль данной локации. По старинным уральским обычаям жених и невеста мылись в бане с колдуном или знахарем — в фильме это хозяйка бани бабка Нюрка. Она совершает действия, явно основанные на дохристианских магических представлениях, а помогает ей при этом языческое мифическое существо банник (в фильме персонаж похож на маленького мохнатого чертика с яркими горящими глазами). Старушка постоянно нашептывает заговоры, задабривает духа угощениями. Банные духи, по поверьям, могли представлять собой реальную опасность (поскольку в темном помещении парной можно было перегреться, задохнуться, угореть). В фильме в опасности оказывается жених Петруха, который засыпает в бане, и его душа (в виде светящегося ангелочка на веревочке) отлетает в иной мир, где проходит свою инициацию его невеста Аленка. Сюжет разворачивается без каких-либо вербальных объяснений происходящего, используется язык визуальных метафор, культурных маркеров, архаических символов. Время размывается, сцены

посещения бани мужиками и женихом монтажно перемешаны со сценами с участием невесты и Нюрки, словно это происходит в один момент, но в разных пространствах. «Баня выступает в качестве пограничного сакрального пространства, где свершается обряд перехода» [Ямагучи, с. 50] героев в новое состояние. В ином мире Аленка бежит под дождем сквозь лес за душой-ангелочком, зацепляясь за ветки фатой и оставляя на них венок, символически переходя от девичества к женской сущности. Следующее ритуальное действие, также символизирующее этот переход, происходит уже в бане. Нюрка одним взмахом распускает невесте косу, берет один из волосков и, нашептывая заговор, сжигает его. Петруха же теряется в потустороннем мире, пока не появляется образ бабки, возвращающей душу в тело. В конце концов Нюрка выносит парня из бани и тащит на спине домой. За ними вслед выбегает плачущая Аленка: невеста по обычаю должна себя оплакивать, поскольку она прошла ритуал «расставания с волей».

Гостинговый и морфинговый типы движения позволяют одновременно отражать и прошлое, и настоящее, разрушая логическое построение сюжета. Зритель может ощутить эффект присутствия и соучастия, чему способствует тотальная анимация, в которой подвижны фоны, персонажи и фактуры. Цвет введен как тонирующее средство, подсвечивая кадры динамичными движениями цветовых пятен, наложенных на графику.

В 2014 г. О. Черкасова совместно с выпускницей УрГАХУ Оксаной Тимофеевой реализует ее дипломный проект «Купава. Девичьи страдания». Это история о неуверенной, смешной девочке, которая, встретившись с доброй деревенской бабушкой-колдуньей (вероятно, Нюркой), переживает с ее помощью сверхъестественный опыт, своего рода инициацию. Пройдя через стихии земли, воды, воздуха и огня, она освобождается от своих комплексов и из неуклюжей девочки превращается в статную девушку. Действие происходит в наше время, однако в сюжете фигурирует целый комплекс древних обрядов, относящихся к практически исчезнувшему языческому празднику летнего солнцестояния Купале. Старушка-колдунья, руководящая всем мистическим действием в фильме, имеет способность превращаться в ворону, словно Кутх, и, подобно шаману из «Племянника кукушки», призывать духов самых разных стихий. Здесь одновременно сосуществуют русалки, ожившие деревья и травы, духи ветра, обращающиеся в птиц, огненные кони. Все они метафорически воссоздают сложный комплекс обрядовых действий, таких как сбор растений, плетение венков и сплавление их по реке, качание на качелях, перепрыгивание через огонь, ночные бесчинства, когда обнаженная девица появляется перед юношей, чем пугает его до обморока и влюбляет в себя.

Фильм сделан в рисованной карандашной технике, с прорисовкой на доске; также есть сцены с совмещением ротоскопинга и перекладки. Изображение наполнено наслоениями «дышащих» фактур, при этом мягкий фокус создает теплую, интимную атмосферу. Контуры изображений имеют неоднородное цветное тонирование, а заливка — эффект размытия, создающий акварельную легкость. Как видим, новаторские замыслы требовали от автора поиска для каждой картины экспериментального киноязыка, необычных технологических, художественно-образительных и звуковых решений.

Особенности фильмов О. Черкасовой

Время и пространство

Мир произведений О. Черкасовой — своего рода мифологический микрокосмос, где, несмотря на бесчисленные метаморфозы и хаотичное движение, все возвращается на свои места, совершив жизненный круг. В большинстве картин время представлено нелинейно. Сюжеты образуют цикличную структуру, свойственную движению в мифе. Конец сюжета приходится на начальную точку, задавая тему круговорота пространства и времени. Персонажи проходят определенные мистические испытания, своего рода инициации, иногда перерождаясь в буквальном смысле («Бескрылый гусенок», «Племянник кукушки», «Дело прошлое»), возвращаясь к исходной точке сюжетного цикла в новом, измененном качестве («Нюркина баня», «Купава»). Во всех картинах наблюдается стирание границ, взаимопроникновение миров с возможностью перехода между ними, что соответствует архаическому восприятию мироустройства. Персонажи могут попадать в пространства духов Нижнего и Верхнего миров, а также в мир сновидений, фантазий, воспоминаний. Происходит иррациональное взаимодействие разных полюсов: жизнь и смерть, смех и трагедия, прошлое и будущее.

Изобразительные и технологические приемы

Художниками В. Ольшвангом и А. Золотухиным была изобретена так называемая дышащая графика, ставшая одной из визитных карточек уральской школы анимации. Это эскизное набросочное изображение, имеющее неоднородные, шероховатые контуры с естественной кривизной. Такая пульсирующая графика отсылает к низовым формам изобразительного искусства, добавляет экспрессивности и тотальной подвижности, рождая у зрителя ощущение неустойчивости, призрачности и хаотичности происходящего. Дышащая графика используется в большинстве фильмов Оксаны Черкасовой: иногда для стилизации под наивный наскальный рисунок («Бескрылый гусенок», «Племянник кукушки»), иногда с целью создания образно-эмоциональной поэтической атмосферы, чувства неуловимости, эфемерности мира духов («Нюркина баня», «Купава»). Широко используется интерпретация пластических форм, орнаментов («Кутх и мыши»), наивных наскальных рисунков («Племянник кукушки»), вышивок («Купава»), росписей («Дело прошлое»). В целом в фильмах О. Черкасовой преобладает технология рисованной анимации, сочетающаяся с перекладкой («Кутх и мыши»), ротоскопингом («Племянник кукушки») и компьютерной графикой («Купава»).

Еще одной отличительной чертой является активное использование приемов морфинга, трансформации и перевоплощения. Это может происходить и с персонажами («Кутх и мыши»), и с пространством («Нюркина баня»). Изображения могут проявляться или вырисовываться из пустоты и так же распадаться и исчезать («Купава», «Бескрылый гусенок»). Отдельно стоит отметить применение эффекта полиэкрана: в одном кадре можно порой увидеть показанное с различной крупностью то, что происходит в разных пространственных и временных пластах («Племянник кукушки»).

Музыка и звук

Музыка в фильмах О. Черкасовой звучит в исполнении народных ансамблей, которые глубоко погружены в фольклорные традиции исполнительского искусства. Так, в картинах, основанных на чукотских сказках, звучат песни ансамбля «Эргырон», в «Купаве» — акапельное хоровое пение ансамбля «Ладканя», в «Нюркиной бане» — песни О. Сергеевой.

Использование закадрового голоса и диалогов очень ограничено. Фразы, обычно короткие и зачастую едва разборчивые, дают лишь намек на происходящее. В ряде фильмов режиссер прибегает к параллельному озвучанию на двух языках («Бескрылый гусенок», «Племянник кукушки»). В картины, основанные на уральском фольклоре, включаются поговорки, заговоры, потешки, причитания и прочие малые фольклорные формы. К озвучанию привлекаются подлинники представители национальной культуры, хорошо разбирающиеся в фольклорном наследии своего народа. К примеру, в создании «Нюркиной бани» принимала участие фольклористка Маргарита Кесарева, которая обогатила фильм древними заговорами и причитаниями. А старый шаман из «Племянника кукушки» говорит голосом нивха Леонида Тыуса — подвижника, «который много лет записывал легенды и предания своего народа, создал алфавит и вел трагическую хронику медленного умирания маленького народа на краю земли» [Грачева].

Заключение

Художественные открытия О. Черкасовой в искусстве экранной анимации нашли отражение в авторских фильмах ее коллег (В. Олышванга, А. Золотухина) и учеников, которые активно участвуют в ее проектах, перенимая опыт, традиции, творческие методы. Так, в фильмах уральских аниматоров следующих поколений можно наблюдать и фирменную дышащую графику («Девочка-дура» З. Киреевой, «Обида» А. Будановой), и взаимопроникновение миров («Снежинка» Н. Чернышевой, «Бирюк» П. Федоровой), и цикличную структуру сюжета («При выходе не забывайте свои вещи» Н. Бисяриной, «Тучка и Кит» А. Томиловой), и параллельное озвучание на двух языках («Половина на середину» А. Рубцова, «Обманщики» Ю. Томилова).

Работы О. Черкасовой доказывают, что фольклорные традиции актуальны и востребованы. С их помощью в авторской анимации можно говорить на совершенно разные темы, проявляя культурные смыслы, погружая зрителя в причудливые миры, где могут органично уживаться, сплетаясь воедино, и наука, и искусство, и разные формы фольклора — от древних шаманских практик до актуальных городских легенд. Сама О. Черкасова в интервью подчеркивает, что фольклор «...оживает лишь при соприкосновении с человеком, живом соприкосновении. <...> внутри всегда есть место, невероятный простор для автора. Важно, кто пересказывает. Вот это и есть режиссура, способ интерпретации» [Малюкова].

Грачева Е. Новейшая история отечественного кино: 1986–2000. Кино и контекст : в 7 т. Т. 6 : 1992–1996. СПб., 2004. URL: <http://viperson.ru/articles/oksana-cherkasova-poluchaet-gosudarstvennuyu-premiyu-rossii-za-multiplikatsionnye-filmy-poslednih-let> (дата обращения: 10.05.2021).

Кириллова Н. Б. Кино Урала: от прошлого к будущему. Екатеринбург, 2013. 408 с.

Кривуля Н. Г. Основные тенденции авторской анимации России 60–90-х годов : дис. ... канд. искусствоведения / Всерос. гос. ин-т кинематографии им. С. А. Герасимова. М., 2001. 184 с.

Малокова Л. Алексей Саморядов: «В фольклоре быта нет» // Искусство кино. 1997. № 3. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/1997/03/n3-article10> (дата обращения: 08.04.2021).

Марголина И. Оксана Черкасова // «Наши мультфильмы»: Лица, кадры, эскизы, герои, воспоминания, интервью, статьи, эссе. М., 2006.

Спутницкая Н. Ю. Кино и фольклор: Попытка терминологического экскурса с библиографией и фильмографией // Кинограф. 2008. № 18. С. 232–284.

Ямагучи Р. Баня как сакральное пространство в свадебных причитаниях и мифологических рассказах // «Свое» и «чужое» в культуре : реферат. 2015. С. 47–50.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.057

УДК 070.23:323.2 + 930(470.5)“19/20” + 378.4(470.54-25)

А. В. Антошин

Л. Я. Баранова

ПРОФЕССОР Н. Н. ПОПОВ И ЭПОХА ГЛАСНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

Статья посвящена деятельности профессора Уральского государственного университета им. А. М. Горького Н. Н. Попова в годы перестройки. Проанализированы публикации Н. Н. Попова в региональных печатных СМИ, его участие в работе Свердловской городской дискуссионной трибуны. Обоснован вклад Н. Н. Попова в трансформацию контента уральской прессы эпохи гласности.

Ключевые слова: Н. Н. Попов; перестройка; гласность; СМИ; Уральский университет

В 2021 г. исполняется 75 лет со дня рождения известного уральского ученого, доктора исторических наук, профессора Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ) Николая Назаровича Попова (1946–2009). Жизненный путь и вклад в науку этого человека — автора свыше 500 научных и учебно-методических работ (в том числе 10 монографий), действительного члена Российской академии политических наук и Академии военно-исторических наук, уже не раз привлекал внимание исследователей [Попов Николай Назарович; Поршнева, Богатырева; Поршнева, Богатырева, Фельдман]. Вместе с тем все, кто знал Н. Н. Попова, помнят его не только как «кабинетного ученого», но и как яркого популяризатора исторических знаний, публициста, общественного деятеля, который внес немалый вклад в развитие процессов гласности и перестройки в Уральском регионе. Отражением его вклада в процесс обновления медиасферы Среднего Урала стало членство историка в Союзе журналистов России. Именно этому аспекту жизни и деятельности Н. Н. Попова и посвящена данная статья.

Подлинная увлеченность историей, стремление заниматься актуальными проблемами, где видна связь прошлого и настоящего, были характерны для Н. Н. Попова с юности, которая прошла у него на Южном Урале. Не случайно уже в студенческие годы он привлек внимание региональных СМИ. 20 апреля 1966 г. орган Оренбургского обкома ВЛКСМ газета «Комсомольское племя» написала, что сокурсники в шутку называли Николая «без пяти минут кандидатом наук» [Комсомольское племя]. После окончания Оренбургского педагогического института он поступил в аспирантуру УрГУ, что стало возможным исключительно благодаря способностям Н. Н. Попова. Аспирантура в советское время была только

АНТОШИН Алексей Валерьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета (e-mail: alex_antoshin@mail.ru).

БАРАНОВА Лидия Яковлевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета (e-mail: balida48@mail.ru).

© Антошин А. В., Баранова Л. Я., 2021

целевой, т. е. будущий аспирант знал, на какую кафедру он вернется работать. Н. Н. Попову же после собеседования в Уральском государственном университете сразу предложили место в аспирантуре от кафедры истории КПСС. Кандидатская диссертация была защищена Н. Н. Поповым в октябре 1973 г.

Уже в 1970-е — начале 1980-х гг. Н. Н. Попов активно публикуется в СМИ Среднего Урала. Наряду с профессором УрГУ И. Ф. Плотниковым он становится одним из тех историков, чьи статьи чаще всего можно было увидеть на страницах ежедневной прессы и литературных журналов региона. Это было связано, прежде всего, с тем, что их материалы, посвященные одному из наиболее сложных и идеологизированных сюжетов в советской исторической науке — проблемам революции и Гражданской войны, были написаны живо и интересно, привлекали внимание читателей. Так, Н. Н. Попов в этот период начал активное сотрудничество с редакцией журнала «Урал», во главе которой в те годы находился известный писатель В. К. Очеретин. В эти же годы Н. Н. Попов начинает заниматься вопросом о роли личности в истории, публикуя на страницах журнала серию материалов о судьбах деятелей революционного движения на Урале — Н. Н. Крестинского, П. М. Быкова, Н. П. Иванова, С. А. Черепанова, Т. И. Седельникова и др. [Попов, 1977, 1980]. При этом следует отметить, что некоторые из этих людей в 1930-е гг. стали жертвами сталинских репрессий, их имена редко фигурировали в 1970-е гг. на страницах монографий и научных статей советских историков.

В 1983 г. Н. Н. Попов защитил докторскую диссертацию, с 1984 г. он заведовал кафедрами на историческом факультете УрГУ и в Свердловской высшей партийной школе. Его наиболее значимым трудом этого периода стала монография «Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях», в работе над которой использовался комплекс периодических изданий России и Урала начала XX в. В этот период Н. Н. Попов продолжает активно сотрудничать с печатными СМИ Уральского региона, рассказывая читателям местных изданий о трагедии старых большевиков Н. Н. Крестинского, А. Н. Жилинского, Е. А. Преображенского, К. А. Мячина и др., погибших в годы Большого террора [Попов, 1987, 1988, 1989]. Особенно активным становится его взаимодействие с редакциями газет «Уральский рабочий» и «На смену!», которые в этот период включились в процессы гласности и обновления советского общества. Историк Е. Б. Заболотный впоследствии отмечал роль Н. Н. Попова в организации на страницах уральской периодической печати «кампании по снятию с ряда лидеров большевистских организаций Урала обвинений в троцкизме, оппортунизме, уклонизме и т. п.» [Заболотный, с. 107]. Результатами этой работы стали проведение двух научных конференций в 1988 и 1989 гг. и издание сборника «Большевики-ленинцы на Урале», в котором была опубликована 51 биография «забытых» коммунистов.

Главным итогом деятельности Н. Н. Попова по «политической реабилитации» жертв Большого террора стал выход в свет под его редакцией в 1990 г. книги «37-й на Урале», которая имела широкий общественный резонанс и до сегодняшнего дня остается уникальным изданием. Можно сказать, что впервые Н. Н. Попов организовал презентацию книги «37-й на Урале» и рекламу ее материалов в СМИ.

В подготовке книги принимали участие историки, журналисты, писатели. В ней опубликована 221 политическая биография, а также уникальные фотографии и документы.

В годы перестройки Н. Н. Попов активно включился в процесс обновления советской исторической науки, осмысления «черных дыр» и ликвидации «белых пятен» отечественной истории. В этот период именно ежедневная пресса Среднего Урала становится одной из ключевых «трибун», с которых выступает историк. Его многочисленные статьи и интервью на страницах «Вечернего Свердловска», «На смену!», «Уральского рабочего» в те годы были посвящены проблеме общественного потенциала исторической науки, вопросу о ее роли в процессе обновления советского общества эпохи перестройки [Борисов; Курашова; Попов, 1985, 1987, 1988, 1989]. В этот период Н. Н. Попов принял активное участие и в работе по рассекречиванию фондов региональных архивов [Богомолов].

В целом следует учесть, что Н. Н. Попов не ограничился тем, что на страницах периодической печати Урала эпохи перестройки публиковал статьи, касавшиеся узловых проблем отечественной истории. Он лично включился в процессы обновления и демократизации советского общества, поддержал их в том числе и в региональной прессе. Так, в апреле 1986 г. в газете «Уральский университет» была опубликована его статья под символическим названием «Весна надежд». В ней, в свойственном ему эмоциональном ключе, Н. Н. Попов писал: «Как весной оживают и убыстряются затормозившиеся было природные процессы, так и наше общество ускоряет отныне свое поступательное движение на пути к достижению нового качественного состояния. Нынешняя весна — это пора солнца и насыщенного озоном воздуха, это время надежд и обновления» [Попов, 1986].

Особую роль в общественно-политической жизни нашего города эпохи перестройки играла Свердловская городская дискуссионная трибуна. Наряду с такими видными деятелями советской и уральской интеллигенции тех лет, как Г. Э. Бурбулис, Ю. С. Кирьяков и др., в состав руководящих органов дискуссионной трибуны входил и Н. Н. Попов.

Радикальная демократизация общественно-политической жизни в СССР к концу 1980-х гг. кардинально изменила и ситуацию в партийных органах. Н. Н. Попов также принял непосредственное участие в этих процессах. Так, в марте 1990 г. он стал одним из авторов статьи «Есть ли опережение?», опубликованной в рубрике «К XXVIII съезду КПСС: обсуждаем платформу ЦК» на страницах газеты «Уральский рабочий». В ней, с одной стороны, проект платформы ЦК КПСС, предложенный командой М. С. Горбачева, оценивался как «шаг вперед в обновлении партии». С другой стороны, авторы статьи фиксировали растущее отставание руководства ЦК от «реалий», от «остроты момента» [Попов Николай Назарович, с. 8]. Вскоре Н. Н. Попов был введен в состав комиссии Свердловского обкома КПСС по обобщению предложений и замечаний, высказанных в ходе обсуждения проекта платформы. Однако постепенно общественно-политическая деятельность Н. Н. Попова стала одной из причин его конфликта с руководством Свердловской высшей партийной школы (ВПШ). В 1990 г. Н. Н. Попов вынужден был покинуть ВПШ и вернуться в УрГУ, где он стал одним из инициаторов

самороспуска партийной организации общеуниверситетской кафедры истории. Это событие стало одним из символов радикальной демократизации атмосферы в УрГУ, тех изменений, которые произошли в университете и в стране в целом.

В 1990-е гг. Н. Н. Попов осуществлял руководство двумя кафедрами в УрГУ. Наиболее значимым из последних сочинений Н. Н. Попова стала написанная им в соавторстве с Д. В. Бугровым книга «Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году». В книге подняты вопросы методологии истории, дан широкий историографический обзор, введены в научный оборот новые архивные источники. Н. Н. Попов и Д. В. Бугров отмечали, что большую роль в восстановлении исторической правды играют СМИ: «Но отдадим должное цеху публицистов — они делают свою работу, используя свои средства, при этом намного опережая узкопрофильных ученых в осмыслении уроков прошлого и сегодняшних реалий» [Попов, Бугров, с.17].

Вплоть до своей болезни и ранней смерти в 2009 г. Н. Н. Попов активно занимался наукой, пропагандой исторических знаний, публицистикой. К этой работе он привлекал всех своих сотрудников. Стремление Н. Н. Попова к постоянному научному поиску, которое отличало его на протяжении всей жизни, может быть примером для многих современных исследователей.

Богомолов С. Фонды рассекречиваются // Урал. рабочий. 1988. 13 сент.

Борисов А. Разговор об истории // Веч. Свердловск. 1988. 21 сент.

Заболотный Е. Б. Российская историография революции 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995. 180 с.

Комсомольское племя (Оренбург). 1966. 20 апр.

Курашова Т. Изжить стереотипы // Урал. рабочий. 1989. 6 мая.

Попов Н. Н. Вспомним товарища Луку // Урал. 1977. № 11.

Попов Н. Н. Судьба — за строкой Биохроники // Урал. 1980. № 5.

Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983. 167 с.

Попов Н. Н. Воспитывать историей // Веч. Свердловск. 1985. 20 июля.

Попов Н. Н. Весна надежд // Урал. ун-т. Свердловск, 1986. 7 апр.

Попов Н. Н. Вспомним всех поименно // Веч. Свердловск. 1987. 12 янв.

Попов Н. Н. Белые и черные пятна прошлого // Урал. рабочий. 1988. 14 авг.

Попов Н. Н. Вернулся через полвека // Урал. рабочий. 1989. 30 авг.

Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997. 129 с.

Попов Николай Назарович : краткий биобиблиогр. справочник / сост. Д. В. Бугров. Екатеринбург, 2003. 52 с.

Поршнева О. С., Богатырева О. Н. Николай Назарович Попов — человек, ученый, педагог // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век: К 60-летию со дня рождения Н. Н. Попова : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2006. С. 6–15.

Поршнева О. С., Богатырева О. Н., Фельдман М. А. В память об учителе. Николай Назарович Попов (1946–2009) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2009. № 4 (66). С. 273–276.

Статья поступила в редакцию 13.04.2021 г.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ А. П. ЧЕХОВА

В статье исследуются особенности поэтики литературно-критических текстов А. П. Чехова. Рассматриваются такие аспекты литературной критики автора, как жанровое своеобразие, композиция и структура текстов, соотношение логического и художественно-образного начал, специфика литературно-критической стратегии интерпретации художественного текста, черты индивидуально-авторского стиля. Аналитические наблюдения сопровождаются иллюстративным материалом. Автор статьи приходит к выводу, что исследование черт поэтики литературной критики А. П. Чехова позволяет обогатить представление о мировоззрении писателя, его литературно-общественных взглядах, индивидуально-авторской картине мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. П. Чехов; поэтика; литературная критика; рецензия; критическая статья

Чехов неоднократно высказывался о значении критики в движении литературного процесса, формировании творческого «я» молодых писателей. Он писал брату: «Одиночество в творчестве тяжелая штука. Лучше плохая критика, чем ничего» [Чехов, т. 1, с. 242]. В письме к М. В. Киселевой читаем: «В литературу заползают шулера, но, как ни думайте, лучшей полиции не изобретете для литературы, как критика и собственная совесть авторов» [Там же, т. 2, с. 12].

Однако состоянием развития современной литературной критики в России Чехов не был удовлетворен. Скабичевский, Протопопов, Татищев, Михневич, Буренин, Житель, выступавшие в роли критиков в чеховскую эпоху, не могут, считал писатель, удовлетворить потребности литературы в дельной, глубокой и умной критике. Писатель отмечал в них отсутствие принципиальных убеждений,

объективности в оценке как именитых, так и начинающих авторов, недоброжелательное отношение к ним. «После чтения Протопопова, Жителя, Буренина и прочих судей человечества у меня всегда остается во рту вкус ржавчины. Стасов обозвал Жителя клопом. Ведь это не критика, не мировоззрение, а ненависть, животная, ненасытная злоба. Зачем Скабичевский ругается? Зачем этот тон, точно судят они не о художниках и писателях, а об арестантах?», — негодовал Чехов [Чехов, т. 5, с. 173].

Такие критики, по мнению писателя (как вспоминал М. Горький), «похожи на слепней, которые мешают лошади пахать землю» [М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, с. 158]. А. С. Суворину он пишет: «Будь у нас критика, тогда бы я знал <...>, что для людей, посвятивших себя изучению жизни, я так же нужен, как для астронома звезда» [Там же, т. 3, с. 98].

Себя писатель настоящим критиком тоже не считал, никогда не выступал в роли профессионального критика, специальных статей, рецензий и других текстов в привычных литературно-критических жанрах не писал. Не раз в письменных высказываниях Чехова встречается невысокая оценка своих способностей в качестве критика. Так, в письме к Н. А. Лейкину читаем: «Простите эту бессвязную критику. Не умею я критиковать» [Там же, т. 3, с. 13]. Или в письме к С. П. Дягилеву: «Конечно, я не критик и, пожалуй, критический отдел редактировал бы неважно» [Там же, т. 11, с. 234].

Между тем не вызывает сомнений тот факт, что Чехову принадлежат многочисленные глубокие критические оценки как литературного творчества современников, так и собственных художественных текстов. Такие высказывания Чехова могут по праву считаться образцом писательской критики, по определению В. В. Прозорова, «критики в ее общем значении»: «образно-публицистические отклики на современную литературную жизнь в принадлежащих писателю художественных текстах» в отличие от «собственно литературной критики», выраженной в традиционных формах (статьях, рецензиях, критических обзорах) [Прозоров, с. 18].

Большинство литературно-критических откликов Чехова представлены в его письмах. В переписке с самыми разнообразными адресатами — начинающими писателями или более опытными собратьями по перу, издателями или редакторами, связанными с автором близкими дружескими и родственными отношениями или знакомыми лишь поверхностно, — Чехов часто обращается к вопросам литературного творчества.

Эпистолярное наследие писателя глубоко своеобразно. Использование жанра письма в литературно-критических целях позволяет организовать более близкие, доверительные, интимные отношения между критиком и автором литературного текста, который подлежит оценке. В общении со многими адресатами, как справедливо отмечает М. В. Буняева, «...Чехов намеренно и весьма искусно совмещает формальные и неформальные составляющие письма с помощью целого ряда стилистических приемов: соединением в одном письме деловых, дружеских, эстетических и других моментов. Чехов стремится ввести своих корреспондентов в плоскость дружеского неформального общения. Что же касается деловой части

переписки, то она насыщается и интимно-дружескими, игровыми, очень часто юмористическими, шутливыми коннотациями» [Буняева, с. 52]. Именно жанровой природой литературной критики Чехова преимущественно продиктованы многие особенности поэтики его высказываний: стратегия критической оценки, структура текста, специфика авторской позиции, стилевые черты и т. д.

Значительную группу писем, имеющих литературно-критическую составляющую, представляет собой переписка с молодыми писателями, делающими первые шаги на творческом поприще. В подавляющем большинстве случаев Чехов, оценивая произведения начинающего литератора, весьма доброжелателен и чуток, настроен на конструктивный диалог с адресатом, стремится помочь ему, дать квалифицированную оценку его творению. К начинающим писателям Чехов, по словам А. И. Куприна, «...был неизменно участлив, внимателен и ласков. Никто от него не уходил подавленным его огромным талантом и собственной малозначительностью. Никому никогда не сказал он: “Делайте, как я, смотрите, как я поступаю”. Если кто-нибудь в отчаянии жаловался ему: “Разве стоит писать, если на всю жизнь останешься “нашим молодым” и “подающим надежды”, — он отвечал спокойно и серьезно: “не всем же, батенька, писать, как Толстой...”. К тем из писателей, с которыми у него возникала хоть какая-нибудь духовная связь, он всегда относился бережно и внимательно» [Куприн, с. 560–562].

Характеристику произведения он традиционно начинает с описания его удачных сторон. Чехов не скупится на похвалу в своих оценках, всегда отмечая конкретные сильные стороны произведения или писательской манеры его автора: «Главное Ваше достоинство в больших вещах — отсутствие претензий и великодушный разговорный язык <...> Еще одно достоинство: чем проще фабула, тем лучше, а Ваши фабулы просты, жизненны и не вычурны» [Чехов, т. 2, с. 270], или: «Издание хорошее, рисунки очень приличные и добросовестные. Рассказы подобраны так, как нужно. Именно такие рассказы мне наиболее симпатичны у Вас» [Там же, т. 3, с. 12] (в письмах к Н. А. Лейкину). М. Горькому Чехов писал: «Вы художник, умный человек, Вы чувствуете превосходно, Вы пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите ее и ощупываете руками. Это настоящее искусство» [Там же, т. 7, с. 352], или: «В своих рассказах Вы вполне художник, притом интеллигентный по-настоящему. Вам менее всего присуща именно грубость, Вы умны и чувствуете тонко и изящно <...> виден художник, прошедший очень хорошую школу» [Там же, т. 8, с. 11].

Останавливается Чехов и на тех аспектах произведений, которые, по его мнению, нуждаются в корректировке, неизменно делая это тактично и деликатно: «У Вас, по моему мнению, нет сдержанности. Вы как зритель в театре, который выражает свои восторги так несдержанно, что мешает слушать себе и другим. Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми Вы прерываете диалоги» [Там же, т. 7, с. 352], или: «Единственный недостаток — нет сдержанности, нет грации. Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация. В Ваших же затратах чувствуется излишество» [Там же, т. 8, с. 11] (М. Горькому). Часто критические фрагменты в письмах облечены в форму ряда вопросов к автору: «Где это ты видел

супругов, которые у тебя в рассказе обедают и говорят о рефератах <...> и где под луной есть такие рефераты?» [Чехов, т. 1, с. 229] (письмо Ал. П. Чехову). Или же критические замечания могут принимать форму советов и наставлений более опытного писателя молодому: «На Вашем месте я написал бы маленький роман из купеческой жизни во вкусе Островского; описал бы обыкновенную любовь и семейную жизнь без злодеев и ангелов, без адвокатов и дьяволиц; взял бы сюжетом жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самом деле, и изобразил бы “купеческое счастье”, как Помяловский изобразил мещанское» [Там же, т. 2, с. 269] (Н. А. Лейкину), или: «Читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения существительных и глаголов. У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться и оно утомляется» [Там же, т. 8, с. 258] (М. Горькому).

Очевидно, что Чехов, давая оценку слабым сторонам анализируемого произведения, не настаивает на своей позиции жестко и непримиримо (что не исключает его принципиальности в эстетических вопросах). Зачастую после характеристики недостатков текста адресата, в заключение он как бы «снижает градус» серьезности своей критики, подчеркивая свой непрофессионализм как критика, как бы ощущая неловкость за «ответ» молодому автору: «Пишу это тебе как читатель, имеющий определенный вкус. Пишу потому также, чтобы ты, пиша, не чувствовал себя одиноким» [Там же, т. 1, с. 242] (Ал. П. Чехову), или: «Видите, каким я моралистом становлюсь!» [Там же, т. 3, с. 157] (И. Л. Щеглову), или: «Простите за сии наставления. Иногда приходит желание напустить на себя важность и прочесть нотацию» [Там же, т. 6, с. 25] (Л. А. Авиловой). Чехов вообще неоднократно отмечал, что не любит писать о недостатках. «Говорить теперь о недостатках? Но это не так легко. Говорить о недостатках таланта — это все равно, что говорить о недостатках большого дерева, которое растет в саду; тут ведь главным образом дело не в самом дереве, а во вкусах того, кто смотрит на дерево. Не так ли?», — писал он М. Горькому [Там же, т. 7, с. 352].

При этом Чехов не стремится нивелировать свои критические замечания, высказывает их вполне определенно: «Главный недостаток — Вы любите повторяться, и в каждой большой вещи Пантелеи и Катерины так много говорят об одном и том же, что читатель несколько утомляется» [Там же, т. 2, с. 269] (Н. А. Лейкину). Высказывая критическую оценку, Чехов всегда показывает свою заинтересованность, равнодушное отношение к обсуждаемому произведению и его автору, всегда находится «на стороне» адресата литературно-критической оценки: «Ах, Лидия Алексеевна, с каким удовольствием я прочитал Ваши “Забутые письма”. Это хорошая, умная, изящная вещь. Это маленькая, куцая вещь, но в ней пропасть искусства и таланта, и я не понимаю, почему Вы не продолжаете именно в этом роде» [Там же, т. 7, с. 93] (Л. А. Авиловой). Авторская позиция выражается в данном случае при помощи междометий, прямой оценки собственного впечатления, ярких оценочных характеристик с положительной коннотацией.

Характеризуя объекты внимания Чехова-критика — те стороны анализируемого произведения, которые подлежат наиболее обстоятельному

комментированию, — можем отметить ряд наиболее часто привлекающих его внимание аспектов содержания и формы художественных текстов:

- 1) образы персонажей;
- 2) композиция произведения;
- 3) стилевые и языковые особенности текста;
- 4) реалистическая манера изображения действительности;
- 5) авторская позиция.

Советы и рекомендации Чехова, даваемые в указанных тематических направлениях, объединены ключевым его требованием к литературному произведению, во многом иллюстрирующим его собственное писательское кредо, — предельная достоверность изображаемой действительности, жизнеподобие, объективность. Так, в письме к М. В. Киселевой Чехов отмечал: «Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная <...> Литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью; взявшись за гуж, он не должен говорить, что не дюж, и, как ему ни жутко, он обязан бороться свою брезгливость, марать свое воображение грязью жизни <...> Он то же, что и всякий простой корреспондент. Что бы Вы сказали, если бы корреспондент из чувства брезгливости или из желания доставить удовольствие читателям описывал бы одних только честных городских голов, возвышенных барынь и добродетельных железнодорожников?» [Чехов, т. 2, с. 11].

Хрестоматийно известная тяга Чехова к лаконичной, лапидарной манере письма проявилась и в его литературно-критических письмах. Так, в письме к Л. А. Авиловой он дает отдельными штрихами тезисную, сжатую характеристику основным компонентам одного из ее рассказов: «Рассказ хорош, даже очень, но будь я автором его или редактором, я обязательно посидел бы над ним день-другой. Во-первых, архитектура... Начинать надо прямо со слов: “Он подошел к окну”... и проч. Затем герой и Соня должны беседовать не в коридоре, а на Невском, и разговор их надо передавать с середины, дабы читатель думал, что они уже давно разговаривают. И т. д. Во-вторых, то, что есть Дуня, должно быть мужчиною. В-третьих, о Соне нужно побольше сказать... В-четвертых, нет надобности, чтобы герои были студентами и репетиторами, — это старо. Сделайте героя чиновником из департамента окладных сборов, а Дуню офицером, что ли... Барышкина — фамилия некрасивая. “Вернулся” — название изысканное...» [Там же, т. 4, с. 359].

При этом ряд писем Чехова к молодым писателям представляет собой развернутую, подробную и многоаспектную характеристику их произведений — своего рода расширенную рецензию. Таково, например, письмо к И. Л. Щеглову от 22 февраля 1888 г. В подобных случаях Чехов часто прибегает к приему сопоставления молодого таланта с его ближайшими предшественниками, как бы вписывая его в современный литературный процесс: «Прежде всего мне кажется, что Вас нельзя сравнивать ни с Гоголем, ни с Толстым, ни с Достоевским, как это делают все Ваши рецензенты. Вы писака *sui generis* и самостоятельны, как орел

в поднебесье. Если сравнения необходимы, то я скорее всего сравнил бы Вас с Помяловским, поскольку он и Вы — мещанские писатели» [Чехов, т. 2, с. 204]. Кроме того, прием сопоставления может быть использован писателем и при «ранжировании» различных произведений молодого автора, для иллюстрации его творческих удач или, наоборот, промахов (письма Н. А. Лейкину, И. Л. Щеглову).

Стилистически письма Чехова к молодым писателям отличаются задорным и шутливым тоном, яркой образностью. К. Станиславский так характеризовал ключевые приемы, используемые Чеховым в письмах: «Блестят, точно весело мигающие звезды на ночном горизонте, остроумные словечки, смешные сравнения, уморительные характеристики. Нередко дело доходит до дурачества, до анекдота и шуток прирожденного, неунывающего весельчака и юмориста, который жил в душе Антоши Чехонте» [А. П. Чехов в воспоминаниях современников, с. 414]. Неожиданные, подчас парадоксальные сравнения и метафоры, которые Чехов применяет для характеристики эстетических явлений, заимствуются им из самых разных сфер: любовной, военной, гастрономической. Приведем лишь некоторые примеры: «Одoleваю “Семью Поланецких” Сенкевича. Это польская творожная пасха с шафраном. Если к Полю Бурже прибавить Потапенку, попрыскать варшавским одеколоном и разделить на два, то получится Сенкевич» [Чехов, т. 6, с. 53], или: «Занимайтесь беллетристикой. Она ваша законная жена, а театр — это напудренная любовница» [Чехов, т. 3, с. 157], или: «Середина занята драматургами, а беллетристам таким как я, Вы, Маслов, Короленко, Баранцевич и Альбов, т. е. литературным штаб-офицерам, не к лицу вести борьбу за существование с обер-офицерами драматическими. Беллетрист должен идти в толпу драматургов-специалистов или генералом, или же никак» [Там же], или: «Разве Короленко, Надсон и все нынешние драматурги не лимонад?» [Там же, т. 5, с. 132]. Использование этих разноплановых образов, неожиданно появляющихся в контексте литературно-критического высказывания, создает комический эффект. Однако при этом само высказывание не теряет своей оценочной конкретики и глубины, а лишь приобретает остроту и яркость.

Литературно-критические высказывания А. П. Чехова, представленные в его письмах к молодым собратям по перу, соединяют глубину и точность оценочных характеристик с оригинальностью стилового воплощения, уравнивая тем самым предметно-логическое и эмоционально-экспрессивное начала чеховской критики. Критерии, на которые опирался Чехов в литературно-критической оценке, — истинный талант, цельность замысла, достоверность изображения действительности, высокая образованность и культура автора, — составляют основу его литературной эстетики. Глубина и точность литературно-критических оценок Чехова, высказанных в его переписке, сделали его творчество заметным явлением в истории русской писательской критики XIX столетия.

Буяева М. В. Особенности чеховского эпистолярного дискурса // Сев.-Кавказ. психол. вестн. 2010. № 8/1. С. 51–54.

Кутрин А. И. Памяти Чехова // А. П. Чехов в воспоминаниях современников / под общ. ред. С. Н. Голубова, В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия и др. ; предисл. А. К. Котова. М., 1960. С. 560–562.

М. Горький и А. П. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания : сб. материалов / подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович ; вступ. ст. И. В. Сергиевского. М., 1951. 288 с.

Прозоров В. В. Другая реальность: Очерки о жизни в литературе. Саратов, 2005. 206 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М., 1974–1983.

Статья поступила в редакцию 11.05.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.059
УДК 316.7 + 74.01/.09:371.2(470.5)

Н. Б. Кириллова

УРАЛЬСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИСТОКИ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Объектом исследования в статье является уральская культурологическая школа, история которой начинается с момента создания в Уральском государственном (ныне Уральском федеральном) университете первой в регионе профессиональной кафедры культурологии, которая отметила 9 апреля 2021 г. свое 30-летие. Создание данной кафедры в Екатеринбурге, как и в ряде ведущих вузов страны, способствовало появлению и развитию новой науки — культурологии, которая постепенно начинает утверждаться в системе традиционных гуманитарных наук и сегодня занимает в ней достойное место.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурология; культурологическая школа; Л. Н. Коган; теория культуры; В. И. Колосницын; история культуры; методология культурологии; социально-культурные практики

Рассматривая историю становления и развития уральской культурологической школы, следует начать с истоков ее формирования. Культурология как наука возникает в 1950-е гг. на Западе на стыке теоретических и практических интересов, на базе изучения как истории культуры, так и ее современного состояния. Хотя осмысление проблем человека и созданного им искусственного мира — мира традиций, норм и ценностей уходит в далекое прошлое.

В России термин «культурология» приобретает права гражданства в период, когда переживает кризис, а затем и крах марксистско-ленинская идеология как оплот советского государства, когда в вузах начинают закрываться кафедры научного коммунизма, истории КПСС, исторического материализма, политэкономии социализма. Это значит, что культурология формируется в деидеологизированном

КИРИЛЛОВА Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: urfo@bk.ru).

© Кириллова Н. Б., 2021

научном пространстве. Однако появление профессиональной кафедры культурологии в нашем вузе и в других учебных заведениях постсоветской России далеко не сразу решило все теоретические и методологические проблемы.

Многие ключевые вопросы были проблемными. К примеру:

- Что понимать под культурологией?
- Существует ли культурология как самостоятельная научная дисциплина?
- Есть ли у культурологии своя методология?

Рассматривая все подходы к культуре в разных науках, несложно заметить, что культурология — это наука комплексная и сформировалась она на пересечении нескольких научных подходов. Главный источник — философия культуры. Именно на ее основе формируется теоретическая культурология. Параллельно развивается история культуры в такой классической науке, как история. Нам повезло, так как в Уральском государственном университете им. А. М. Горького на протяжении многих лет функционировала кафедра истории искусств, возглавляемая сначала академиком Б. В. Павловским, а затем С. В. Голынцом. Взаимодействие двух этих кафедр привело к созданию факультета искусствоведения и культурологии (сегодня — департамент искусствоведения, культурологии и дизайна Уральского гуманитарного института УрФУ).

У истоков создания кафедры культуры (это первоначальное ее название) и соответственно уральской школы культурологии были Лев Наумович Коган — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, человек феноменальной эрудиции: философ, социолог, политолог и культуролог, и Всеволод Иванович Колосницын — культуролог, литературовед, философ, который на протяжении ряда лет читал историю мировой культуры на философском факультете. Активно сотрудничал с культурологами и Аркадий Федорович Еремеев, заведующий кафедрой эстетики УрГУ. Возглавил кафедру культуры Александр Васильевич Медведев, который проработал в должности заведующего кафедрой много лет.

Первым теоретическим источником стало учебное пособие Л. Н. Когана «Теория культуры» [Коган, 1993], в котором автор ставит перечисленные проблемные вопросы, параллельно пытаясь ответить на другие. К примеру: является ли теория культуры синонимом культурологии или у каждой свое поле исследования? Как соотносится теория культуры с отдельными ее видами (теорией музыки, изо, театра, кино)? Как разграничить теорию культуры и философию культуры и нужно ли такое разграничение?

Отметим, что за несколько лет до создания кафедры, при наличии большого количества литературы по вопросам культуры, учебных пособий по теории культуры практически не было. Правда, в 1986 г. вышел учебник «Основы марксистско-ленинской теории культуры», у которого было более 20 авторов, среди них — Л. Н. Коган. Надо отдать ему должное, ученый честно признал этот учебник неудачным из-за того, что он был написан сухо и неинтересно, многие главы нарочито хвалили культуру «развитого социализма» и критиковали немарксистско-ленинские подходы к теории культуры. С большим интересом были восприняты «Очерки культуры» ленинградского ученого Ю. М. Шора (1988) и «Актуальные проблемы развития культуры» челябинских исследователей

В. С. Цукермана и С. С. Соковиковой (1990). Но главным научным бестселлером в стране в 1990 г. стала монография В. С. Библера «От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в XXI век», которая перевернула традиционный взгляд на культуру и ее роль в условиях новой информационной эпохи.

Л. Н. Коган не скрывал, что поставил перед собой архисложную задачу: в достаточно небольшой по объему книге изложить огромный и непростой курс «Теории культуры». Закономерно и то, что выстраивая свою концепцию, Л. Н. Коган шел от категории философии как первоосновы новой науки. А систему категорий культуры он рассматривал как единство трех уровней, включающих:

- философские категории;
- категории, общие для культуры в целом;
- категории отдельных видов культуры [Коган, 1993, с. 5].

Что имелось в виду под общекультурологическими категориями? Это преемственность, социальная память, культурная норма, культурная коммуникация, диалогичность культуры, актуальная культура и др. К этой же группе общих категорий культуры относятся те основные концепты и понятия, на которых базировались разные эпохи развития человечества (яркий пример — миф).

Говоря о категориях, раскрывающих историю развития культуры, Л. Н. Коган особо выделяет категорию цивилизации при всей ее дискуссионности и неразработанности в тот период в гуманитарной науке [Там же, с. 7].

Таким образом, Л. Н. Коганом сформулированы и обоснованы те парадигмы теории культуры, которые актуализировали культурологию как новую научную дисциплину и определили основные параметры не только образовательных, но и научных исследований кафедры культурологии в первые годы ее становления и в последующие периоды развития:

1. Культура и теория культуры.
2. Культура и время.
3. Культура и пространство.
4. Природа — культура — общество.
5. Культура и политика (им же были обоснованы термины «политическая культура» и «культурная политика», актуальные и сегодня).
6. Культура и свобода (не случайно новая гуманитарная наука «культурология» появляется в деидеологизированном научном пространстве).
7. Культура и цивилизация.
8. Диалогичность культуры.
9. Вечные проблемы культуры [Там же].

«В процессе развития культуры, — писал Л. Н. Коган в 1994 г. в своей уникальной книге «Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека», — в ее мировой истории век за веком кристаллизуются те ценности национальных культур, в которых наиболее полно воплощаются общечеловеческие нормы, принципы, идеалы, социальные чувства и т. д. Культура — бессмертие человечества, каждой его эпохи, нации и народа» [Коган, 1994, с. 168]. Именно культура, по свидетельству исследователя, концентрирует в себе прошлое, настоящее и тенденции будущего, что обеспечивает ей вечность. «Без культуры нет социальной памяти,

но столь же верно, что и без социальной памяти не может формироваться и развиваться ни одна культура, ни один из ее видов. Культуру можно было бы назвать объективированным субстратом социальной памяти, а последнюю — хранилищем и гарантом бессмертия культуры» [Коган, 1994, с. 169].

Исходя из целей и задач новой науки, во многом определенных Л. Н. Коганом, кафедрой культурологии были организованы первые научные конференции в рамках Колосницынских чтений, концентрирующие внимание на таких вопросах, как: «Актуальные проблемы культурологии», «Человек в мире культуры», «Культурная антропология и городская культура: история и современность», «Культура. Власть. Общество: пути интеграции» и др.

В культурологии как науке находят отражение некоторые категории, связанные с историческим развитием культуры, — ее зависимость от разных общественных систем, ее самодвижение и относительная самостоятельность и др. Л. Н. Коган в связи с этим выделяет понятие «цивилизация» как наиболее сложное в контексте истории культуры. «Понятие цивилизации — очень емкое, — пишет он, — ибо оно одновременно фиксирует как единство всего мирового исторического процесса, так и его бесконечное многообразие. Цивилизация характеризует завоевания в развитии производства, образа жизни и культуры в данный исторический период» [Коган, 1993, с. 111].

У кафедры культурологии и социально-культурной деятельности в 2000-е гг. сложились тесные научные контакты как с Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, так и с Российским институтом культурологии (РИК, г. Москва) в проведении совместных конференций, научных семинаров по актуальным проблемам современной культуры и культурной политики в регионах. РИК под руководством К. Э. Разлогова с 2008 по 2014 г. постоянно проводил под эгидой Министерства культуры РФ с представителями научно-образовательных сообществ регионов международные конференции и «круглые столы» дискуссионного типа, связанные с анализом новых водоразделов и перспектив взаимодействия культурологии со смежными гуманитарными науками: антропологией, социологией, философией, философией культуры и историей. Интересно в связи с этим посмотреть на темы этих научных дискуссий, в которых принимали участие и культурологи Уральского федерального университета:

1. Философия в культуре: чума или посторонний? [Философия — философия культуры — культурология, с. 68].
2. Троянский конь: культура в философии [Там же, с. 111].
3. Историческая культурология: симулякр или точка роста современной гуманитаристики? [История — история культуры — историческая культурология, с. 109].
4. История в контексте культуры: память или политика? [Там же, с. 152].

Как констатирует К. Э. Разлогов, «...наши дискуссии показали: каждая наука стремится к экспансии под клич “и это все мое”, из-за чего возникают зоны взаимонепонимания (ведь другим ничего не оставляется). Ничего более универсального, чем философия и культурология, нет; и несчастная философия культуры

оказывается меж двух огней, что предопределяет жаркий обмен мнений» [Философия — философия культуры — культурология, с. 12].

Вот почему так актуальна и тема соотношения истории, истории культуры, исторической культурологии и cultural history, которая является одной из важнейших составных частей культурологических исследований в отечественной и зарубежной науке.

Полемика культурологии с другими гуманитарными науками (сюда можно отнести и искусствоведение) постоянно ощущается на защитах кандидатских и докторских диссертаций в диссертационном совете УрФУ по направлению 24.00.01 «Теория и история культуры», а также в дискуссиях на многих научных конференциях, организованных кафедрой. Так, дискуссионной была секция «Медиакультура новой России», которую мы провели в качестве эксперимента в рамках международной конференции «Судьба России: вектор перемен», организованной в 2007 г. университетом совместно с Фондом Б. Н. Ельцина [Медиакультура новой России]. В течение последующих лет мы вводили в учебный процесс и изучали новые парадигмы культуры и образования в информационную эпоху [Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования].

Сегодня можно выделить несколько актуальных направлений научно-исследовательской деятельности, которые сложились на кафедре культурологии и социально-культурной деятельности как атрибуты научной школы Уральского федерального университета:

- *Диалогичность культуры и межкультурный диалог* — эта проблема стала объектом исследования многих научных конференций, организованных кафедрой в рамках Колосницынских чтений [Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации];

- *Духовная культура России* — главное направление исследований доктора философских наук, профессора Л. А. Шумихиной [Шумихина, 2001, 2002] и ее учеников;

- *Культура и религия* — тема, которая является ведущей в исследованиях доктора философских наук, профессора А.В. Медведева [Медведев, 1997, 2018];

- *Культура и искусство Урала* — объект исследований доктора культурологии, профессора О. Л. Девятовой [Девятова, 2012], кандидата культурологии, доцента Л. Е. Добрейциной [Добрейцина], доктора культурологии, профессора Н. Б. Кирилловой [Кириллова, 2016];

- *Культура Востока* — проблема, введенная в образовательно-исследовательское поле кафедры кандидатом философских наук, доцентом Т. А. Кемеровой, А. В. Медведевым [Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем], кандидатом культурологии, доцентом Е. И. Рабиновичем [Рабинович] и О. Л. Девятовой [Девятова, 2009];

- *Культурная память и культурная идентичность*. Этой теме была посвящена Всероссийская научная конференция (с международным участием) в рамках Колосницынских чтений [Культурная память и культурная идентичность];

- *Культурная политика и культурные практики*. Данная проблема стала ведущей в тематике ряда научных конференций, организованных кафедрой [Культура. Власть. Общество];

• *Праздничная культура и культура повседневности* — является темой исследований доктора социологических наук, профессора Л. С. Лихачевой, кандидата культурологии, доцента М. В. Капкан [Праздник в пространстве современной городской культуры];

• *Музыкальная культура* — стержневая проблема в исследовательской деятельности О. Л. Девятовой [Девятова, 2003, 2019];

• *Медиакультура и медиаобразование, влияние современных компьютерных технологий* — стала объектом исследований Н. Б. Кирилловой [Кириллова, 2005, 2015, 2017], кандидата философских наук, доцента Ю. А. Степанчук и ряда международных конференций, организованных кафедрой [Аудиовизуальная платформа современной культуры; Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования];

• *Этикет как социально-культурный феномен*. Это уникальное научное направление ведут Л. С. Лихачева [Лихачева] и М. В. Капкан [Капкан, Лихачева].

Новым теоретическим направлением на кафедре культурологии и социально-культурной деятельности является исследование проблемы «Культурный империализм: постколониальное развитие» (это тема кандидатской диссертации молодого преподавателя Ю. В. Гудовой). Параллельно, на близкой нам кафедре истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, набирает силу такое направление, как лингвокультурология, под руководством доктора культурологии, доцента М. Ю. Гудовой и кандидата филологических наук, доцента М. О. Гузиковой. Все перечисленное выше доказывает, что культурологическое поле исследования в Уральском гуманитарном институте УрФУ — достаточно объемное и масштабное.

Культурологические проблемы, которые исследуют наши педагоги и аспиранты в последние годы, — в центре внимания многих известных в стране ваковских научных журналов: «Известия Уральского федерального университета. Серия 1», «Культура и искусство» и «Вестник ВГИК» (Москва), «Вестник культуры и искусств» (Челябинск), «Обсерватория культуры» (Москва), «Media education» (WoS) и др. Педагоги и аспиранты печатаются и в ряде журналов, индексируемых в базе Scopus и WoS.

Сегодня кафедра культурологии и социально-культурной деятельности занимает свою нишу в системе гуманитарного образования УрФУ и Уральского федерального округа, осуществляя следующие направления подготовки специалистов:

- бакалавриат — «Культурология», «Социально-культурная деятельность»;
- магистратура — «Проектная деятельность в сфере культуры» («Культурология»), «Ивент-менеджмент и продюсирование в аудиовизуальной сфере» («Социально-культурная деятельность»);
- аспирантура.

В 2021–2022 гг. в систему образования магистратуры вводится новый профиль подготовки культурологов — «Музееведение». Эту работу кафедра осуществляет при поддержке Министерства культуры Свердловской области.

Сегодня в штате кафедры работают 15 педагогов: 5 докторов наук, профессоров, 7 кандидатов наук, доцентов и 3 старших преподавателя. Об итогах работы

кафедры культурологии и социально-культурной деятельности свидетельствуют следующие цифры.

Кафедра:

- выпустила **1890** специалистов, бакалавров и магистров + 30 аспирантов;
- организовала и провела **22** научные конференции;
- преподавателями кафедры опубликовано: **60** монографий (в том числе коллективных); **65** учебных пособий (в том числе **2** межвузовских учебника);
- издано **22** научных сборника — печатных и электронных;
- за 17 лет (с 2003 г.) защищено **87** диссертаций, из них **79** кандидатских и **8** докторских; **12** выпускников кафедры защитили кандидатские диссертации в нашем диссовете, кроме того, **18** человек (выпускники других кафедр и вузов) защитились в нашем совете после обучения в аспирантуре.

В ближайшей перспективе кафедры — подготовка и проведение крупной международной конференции «Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики», которая пройдет в ноябре нынешнего года и в которой примут участие 6 стран. Конференция готовится совместно с РАНХиГС, новым РИК, УрГПУ.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что научно-методические связи и контакты кафедры культурологии и социально-культурной деятельности УрФУ в последние годы существенно расширились. Это происходит благодаря многим начинаниям Уральского отделения Научно-образовательного культурологического общества, которое объединяет педагогов ведущих вузов Екатеринбурга, Кургана, Тюмени, Челябинска, Перми, Уфы, Ханты-Мансийска и других городов в поисках перспективных направлений, связанных с повышением роли культуры и культурологического образования в формировании профессионала, готового к самостоятельной творческой деятельности в социально-культурной сфере в условиях вызовов XXI в.

Аудиовизуальная платформа современной культуры : материалы междунар. конф. в рамках XV Колосницинских чтений / под ред. Н. Б. Кирилловой, И. Я. Мурзиной. Екатеринбург, 2020. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44634041_33529641.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

Девятова О. Л. Художественный универсум композитора Сергея Слонимского: Опыт культурологического исследования. Екатеринбург, 2003. 405 с.

Девятова О. Л. Музыкальная культура стран Востока (Индия, Китай, Япония) : учеб. пособие. Екатеринбург, 2009. 56 с.

Девятова О. Л. Живая жизнь театра: Вековая панорама. Премьеры. Мастера. Екатеринбург, 2012. 656 с.

Девятова О. Л. Культурное мироздание П. И. Чайковского. Екатеринбург, 2019. 840 с.

Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации : материалы междунар. науч. конф. / под ред. Н. Б. Кирилловой, И. Я. Мурзиной. Екатеринбург, 2020. 80 с.

Добрейщина Л. Е. Исторические города Урала : учеб. пособие : в 4 ч. Екатеринбург, 2012–2013. Ч. 1. 203 с. ; Ч. 2. 181 с. ; Ч. 3. 127 с. ; Ч. 4. 119 с.

Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования : монография / под ред. Н. Б. Кирилловой ; авт.: О. Л. Девятова, М. В. Капкан, Н. Б. Кириллова и др. Екатеринбург, 2019. 292 с.

История — история культуры — историческая культурология — Cultural history: новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы междунар. науч. конф. / под ред. Н. А. Кочеляевой, К. Э. Разлогова. М., 2013. 240 с.

Капкан М. В., Лихачева Л. С. Деловой этикет : учеб. пособие. Екатеринбург, 2017. 168 с.

Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., 2005 (2006). 448 с.

Кириллова Н. Б. Медиалогия. М., 2015. 424 с.

Кириллова Н. Б. Уральское кино: время, судьбы, фильмы. Екатеринбург, 2016. 432 с.

Кириллова Н. Б. Парадоксы медийной цивилизации : избр. ст. Екатеринбург, 2017. 452 с.

Коган Л. Н. Теория культуры : учеб. пособие. Екатеринбург, 1993. 160 с.

Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург, 1994. 208 с.

Культура. Власть. Общество: пути реализации государственной культурной политики : материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. Н. Б. Кирилловой. Екатеринбург, 2015. 192 с.

Культурная память и культурная идентичность : материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. в рамках XI Колосницынских чтений / под ред. Н. Б. Кирилловой, Е. И. Рабиновича. Екатеринбург, 2016. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/42270> (дата обращения: 30.04.2021).

Лихачева Л. С. Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход. Екатеринбург, 2000. 153 с.

Медведев А. В. Библия как памятник культуры : учеб. пособие. Екатеринбург ; Москва, 2018. 373 с.

Медведев А. В. Священные книги : учеб. пособие. Екатеринбург, 1997. 100 с.

Медиакультура новой России : материалы междунар. конф. / под ред. Н. Б. Кирилловой, К. Э. Разлогова и др. Екатеринбург ; Москва, 2007. 512 с.

Праздник в пространстве современной городской культуры : материалы Всерос. конф. молодых ученых / под ред. Л. С. Лихачевой, М. В. Капкан. Екатеринбург, 2009. 345 с.

Рабинович Е. И. Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета. Екатеринбург, 2013. 200 с.

Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем : материалы междунар. науч. конф. (IX Колосницынские чтения) / под ред. А. В. Медведева, Е. И. Рабиновича (отв. ред.) и др. Екатеринбург, 2014. 313 с.

Философия — философия культуры — культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы междунар. науч. конф. / под ред. Н. А. Кочеляевой, К. Э. Разлогова. М., 2012. 256 с.

Шумихина Л. А. Духовные истоки русской культуры : учеб. пособие. Екатеринбург, 2001. 80 с.

Шумихина Л. А. Русская духовность : в 3 т. Т. 1 : Рождение русской духовности. Екатеринбург, 2002. 318 с.

Статья поступила в редакцию 27.05.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.060
УДК 712.253 + 316.75 + 32.019.5

М. В. Воробьева
Е. И. Рабинович

О МЕСТЕ ИДЕОЛОГИИ В РАБОТЕ СОВЕТСКИХ САДОВ И ПАРКОВ 1920-х — НАЧАЛА 1930-х гг. (на примере г. Свердловска)*

На основе анализа локальной прессы 1920-х — начала 1930-х гг. в статье раскрывается вопрос о месте идеологической компоненты в работе советских садов и парков на примере г. Свердловска. Рассмотрев состояние инфраструктуры, материальной среды, определив ключевые проблемы функционирования, содержательное наполнение культурной программы садов, авторы подвергают сомнению установившиеся представления о доминирующей роли идеологии в публичной сфере 1920-х гг., а также прослеживают динамику веса идеологической компоненты в жизни садов Свердловска на протяжении исследуемого периода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сады; парки; советская культура 1920–1930-х гг.; государственная политика; Екатеринбург; Свердловск

Введение

Сложно переоценить значение садово-парковых пространств для жителей городов, особенно в индустриальных регионах. В 1920–1930-е гг. они имели для горожан особую ценность: крайне некомфортные условия быта, а именно проживание подавляющей части населения в коммунальных квартирах, общежитиях, бараках [Лебина, с. 67–118], делали сады и парки едва ли не главным местом рекреации, пространством отдыха от работы и бытовых трудностей. Значительную популярность садам и паркам добавил снизившийся уровень доходов населения, часто не позволявший использовать дореволюционные формы отдыха.

История и логика функционирования советских садово-парковых пространств изучены недостаточно. В центре внимания традиционно находились процессы трансформации так называемых «Центральных парков культуры и отдыха» и отчасти инспирированный этим социокультурным проектом феномен ревитализации старых дореволюционных парков [Барышева; Кладова; Кухер; Савицкий]. Сады 1920-х, изучение которых позволяет нам понять логику и смысл перехода

---

* Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ, проект № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

ВОРОБЬЕВА Мария Владимировна — кандидат культурологии, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Технического университета УГМК, г. Верхняя Пышма (e-mail: vorobyovamariya@yandex.ru).

РАБИНОВИЧ Евгений Ильич — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: svet-evg@mail.ru).

от дореволюционных парков к советским ПКиО, мало исследованы. Этот пробел (на региональном материале) и призвана заполнить данная статья.

В своей работе мы сконцентрируем внимание на садово-парковых пространствах Свердловска — относительно молодого индустриального города, чьи статус и положение в иерархии городов резко изменились в 1920-е гг.: уездный город стал, пусть на короткий по историческим меркам срок, столицей огромной Уральской области, протянувшейся с юга на север от Казахстана до Карского моря. Амбициозность столицы новой области отразилась в создании архитектурных ансамблей, построенных в конструктивистском стиле, востребованном в то время, а также в постепенной трансформации городского центра с целью придать ему более статусный вид. Архитектурный образ города менялся, но коснулись ли эти изменения городских садов? Менялись ли они и менялся ли подход к работе с горожанами — посетителями садов?

Цель нашей статьи мы видим в том, чтобы установить, какую роль идеология играла в построении работы с посетителями садов Свердловска 1920-х — начала 1930-х гг. Соответственно, основной задачей становится определение состояния инфраструктуры садов, событийного наполнения их работы и основных проблем садов Свердловска. Материалом для исследования послужили публикации свердловских газет «Уральский рабочий» и «На смену!» 1923–1934-х гг. Основной массив этих публикаций за указанный период мы впервые вводим в научный оборот. Обращение к прессе объясняется тем, что архивных материалов, позволяющих изучить работу садов 1920-х — начала 1930-х гг., практически не сохранилось. Таким образом, пресса является почти единственным источником сведений о садово-парковых пространствах, их функционировании и специфике работы с посетителями. Ведущими методами, при помощи которых был проведен анализ прессы, выступали методы дискурсивного анализа и контент-анализа.

Сады Свердловска 1920-х гг.: краткий обзор

Прежде чем показать, какое место на протяжении 1920-х гг. и в начале 1930-х гг. занимала идеология в работе с посетителями садов, обозначим основные садово-парковые объекты Свердловска. Отметим, что практически до конца 1920-х гг. термин «парки» еще не использовался как в быденном словоупотреблении, так и в официальных документах. «Сады» станут именоваться «парками» лишь после развертывания многочисленных проектов ПКиО, копировавших на региональном уровне столичный опыт [Кухер]. Поэтому в своей статье мы преимущественно будем использовать аутентичное название «сады».

В Екатеринбурге начала 1920-х гг. старые, дореволюционные сады получают другие имена, а новые сады пока не создаются. В 1922 г. в городе официально функционируют три сада. Это бывший Харитоновский сад, получивший название «Красноармейская звезда» (в котором летом 1922 г. гуляния устраивались Окружной комиссией помощи голодающим при Приуральском военном округе); сад Красной Армии (бывший Клубный), где сохраняются дореволюционные традиции (проводятся гулянья, играет симфонический оркестр, работает ресторан);

и обслуживавшийся клубом имени Малышева сад под названием «Бывший Филитц» (ул. Мамина-Сибиряка) [Советский Екатеринбург..., с. 111–112]. Такая садовая карта показывает резкое расслоение рекреационных пространств города. В общедоступном саду «Красноармейская звезда» все мероприятия связаны с голодом 1921/22 гг., что отражает реалии Урала того времени с массовой смертностью от голода и случаями каннибализма. Так, «в апреле 1922 г. в Екатеринбургской губернии голодало 652 896 человек, что составляло более 50 % населения губернии, к июлю число голодающих возросло до 795 319 человек» [Каракулов, с. 15]. При этом в саду Красной Армии, предназначенном для армейской элиты и партийных чиновников, ежедневно работает ресторан с оркестром.

В 1924 г. главными садами города являлись сад Комклуба (бывший сад Красной Армии) и Городской сад (бывший «Красноармейская звезда»). Обратим внимание на то, что еще два года назад фактически все сады города принадлежали РККА, а теперь, по мере удаления от времени Гражданской войны, они меняют собственника: становятся партийными или общегородскими. Сад Комклуба (Екатеринбургского клуба коммунистов) сохранил традиции элитарного дореволюционного клуба, он являлся самым высокостатусным и роскошным садом города, в котором «право входа в столовую и клуб имеют все коммунисты, а беспартийные по рекомендации бюро ячейки Р.К.П.» [Свердловск — столица Урала..., с. 95]. Сад Комклуба представлял собой «...большой благоустроенный общественный сад, в центре города. Летом ежедневные гуляния. Симфонический оркестр. Ресторан» [Там же, с. 99]. Помимо ресторана, в саду находились эстрада, бильярдная, танцплощадка. В 1932 г. там начал работу мюзик-холл. Впоследствии сад получил название «Сад-театр имени Вайнера». В парке каждое лето проводили симфонические сезоны, выступали приезжие артисты [Лукьянин, Никулина, с. 72]. Второй парк города — Городской сад, позже переименованный в сад Уралпрофсовета — являлся местом отдыха для всех, статус его был заметно ниже, а наличие оркестра и ресторана здесь не предполагалось: «...старинный большой красивый сад, постоянное место народных гуляний. Летний театр» [Свердловск — столица Урала..., с. 99]. К этим главным садам города примыкал и «Бывший Филитц».

В конце 1923 г. Екатеринбург стал столицей Уральской области и в 1924 г. был переименован в Свердловск. По мере роста «столичных» амбиций партийной бюрократии города увеличивается копирование московских образцов. Растет и количество садово-парковых пространств: к концу десятилетия, в Свердловске 1929 г., таковых насчитывается одиннадцать (садов, бульваров, скверов, парков). Впрочем, часть из них — это получившие новые имена давно существующие сады, а часть — свежие посадки деревьев и кустарников. Это сады и парки: 1) имени Уралпрофсовета (площадь Народной Мести); 2) имени Вайнера (ул. Первомайская, 9); 3) имени Энгельса (площадь Энгельса); 4) Юных пионеров (угол улиц Мамина-Сибиряка и К. Маркса); 5) Печатников (угол ул. Ленина и Кузнечной); 6) Союза рабочих связи (Сибирский пр., на берегу р. Исети у Городской бани); 7) при фабрике имени Ленина (фабрика имени Ленина, городской выгон); 8) бывший Архиерейский (угол улиц Декабристов и Детский Городок);

9) Сельскохозяйственных рабочих (ул. Антона Валека); 10) Союза коммунальщиков (ул. 8-го Марта); 11) Профсоюзов (городской выгон, бывшая Генеральская дача). Помимо этого в городе фиксируется семь «бульваров и скверов», хотя некоторые из них и представляют собой лишь год назад посаженные прутьики-саженцы [Свердловск: справочник-путеводитель..., с. 324–325].

Инфраструктура, материальная среда и ключевые проблемы садов Свердловска

Определяя место идеологической компоненты в работе свердловских садов, следует начать с основы — инфраструктуры и материальной среды, которые обуславливали многое. В течение 1920-х, но особенно в начале 1930-х гг., жалобы журналистов на плохое состояние садовой инфраструктуры звучали рефреном. Приведем для примера несколько особенно красочных пассажей. Характеризуя состояние открытого два года назад, в 1925 г., сквера имени Энгельса, корреспондент — видимо, пылая негодованием — заговорил стихами:

Там, под «зарослями» клена,
Где трава испелена,
Там с весны неугомонно,
Вопреки статьям закона,
Окружая пьедестал,
Козы правят пышный бал...
<...> И под жидкой, тощей тенью,
В черноземном упоеньи
Свиньи вздыбили коренья,
Окружая пьедестал.
Свиньи правят пышный бал...
<...> Поглядишь, так сохнет в горле.
Был бандит какой, там — вор ли...
Только... бюстик тоже... сперли...
Фридрих Энгельс вдруг пропал <...>¹

[Ария об аварии, с. 5]

Однако и прозаические строки бывали не менее яркими:

Долгие разговоры о переоборудовании сада так и остались благими пожеланиями, погребенными в папках текущих дел. Кроме необорудованной эстрады, безобразных скамеек и надоевшего «лабиринта» в саду ничего нет. Ведь нельзя же, действительно, считать культурным развлечением два плавающих корыта на вонючем «пруду» и заброшенную спортивную площадку, на которой никто как следует не занимается (рассказ о саде имени Уралпрофсовета) [Положить конец халтуре, с. 4].

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены. — М. В., Е. Р.

Другие садово-парковые пространства города тоже не отличались высокой степенью благоустройства:

Сквер в безобразном состоянии, насаженные молодые деревья ломаются или выдергиваются из земли совсем с корнями. У кустов акации растет хорошая трава и поэтому на тротуаре очень часто пасутся коровы и козы, топчут газоны. Урн и плевательниц нет, поэтому на бульваре всегда сор, набросаны на зелени окурки, бумага и пр. (о ситуации с бульваром в районе Верх-Исетского завода) [Кто отвечает за бульвар, с. 4].

Стоит задаться вопросом: что же послужило причиной столь плачевного состояния садово-парковых пространств? Очевидный ответ — недостаток финансирования: не было возможности не только обновлять инфраструктуру, но даже просто нанять дворников для уборки и сторожей для охраны. Сады были практически поставлены на самоокупаемость, а плата за вход там, где она взималась, не покрывала всех финансовых нужд. Не менее любопытно, что пресса 1920-х гг. за редким исключением почти не содержит указаний на существенные недостатки материальной среды садов. Серьезные проблемы появились в самом конце 1920-х — начале 1930-х гг. И мы сделаем предположение, отчего именно.

В 1928–1929 гг. сады стали одним из объектов общесоюзной антиалкогольной кампании. Причиной последней явилось многократное увеличение потребления алкоголя (к примеру, в Москве с 1924 по 1928 г. оно возросло в 8 раз) [Орлов, с. 248]. Необходимость решать возникшую проблему вынудила государство инициировать начало антиалкогольной кампании, в которую вовлекались широкие слои населения (см., например: [Болотова, с. 422–423]).

Первыми жертвами этой кампании стали такие очевидные места реализации и потребления алкоголя, как пивные и рюмочные. Свердловские же сады — более многофункциональные пространства — держались дольше. Между тем ситуация с пьянством в городских садах, судя по отзывам в прессе, являлась напряженной. *«Бойко торгует буфет в Клубном саду, хлопают пробки. Языки развязываются. Пиво льется рекой...»* — говорится про сад имени Вайнера [Не превращайте в кабак, с. 4]. Еще про один публичный сад пишут следующее:

Сад «Отдых», бывший «Филитц», арендован Промвиноделием. Нельзя сказать, чтобы этот сад давал рабочему разумный отдых. Пиво там льется рекой, столы ломаются от пивных бутылок. Сад принадлежит винному госоргану — ничего не поделаешь. Только плохо, что из-за этого пьяного потока музыканты плохо играют. Как только антракт, они бегут под навес Промвиноделия, а потом играют кто в лес, кто по дрова [Хоть залейся пивом, с. 4].

В саду «Серп и молот» на Верх-Исетском заводе тоже процветало пьянство. Дошло даже до того, что руководство этого сада сместили за злоупотребление алкоголем. Кружки прекратили работу, поскольку их руководители, как и администрация сада, были сняты за пьянство. В книге предложений рабочие пишут, что *«в сад “Серп и молот” ходят только из-за выпивки»* [Работу ВИЗ'овского сада — на обсуждение масс, с. 4].

Когда началась антиалкогольная кампания, администрации садов реагировали на спускаемые сверху требования о проведении агитационных и просветительских мероприятий против пьянства не самими событиями, но отчетами о них. Кроме того, похоже, большинство посетителей парков (особенно мужского пола) зачастую шли туда именно ради «культурного отдыха» за рюмкой водки или кружкой пива. Визитеры голосовали рублем, а для самоокупающихся садов данное обстоятельство было определяющим.

Однако давление общественности оказало свое действие. Некоторые сады стали постепенно отказываться от реализации алкоголя, но результат был плачевным. В саду «Серп и молот», отказавшемся от продажи алкоголя, попробовали выжить за счет привлечения средств от выступлений приезжих артистов. Однако после первой постановки выручили 57 руб. и заплатили артистам 300 руб. Недостачу размером в 243 руб. пришлось просить компенсировать из «культурфонда» райкома металлистов [У двух нянек дитя без глазу, с. 4].

В саду имени Большакова при Ленинской фабрике также запретили продажу алкоголя. Это обернулось финансовыми сложностями и немедленно отразилось на материальной среде сада: «...в саду бывает грязно и выглядит он непривлекательно» [На прочных рельсах, с. 4]. Видимо, держать дворника в саду финансы уже не позволяли.

Очевидно, что проблемы с поддержанием инфраструктуры свердловских садов, возникшие в конце 1920-х — начале 1930-х гг., являлись следствием прошедшей недавно антиалкогольной кампании. Ведь существовала устоявшаяся экономика культуры такого рода: продажа алкоголя в буфете сада позволяла поддерживать инфраструктуру сада, финансировать театральные постановки клубного самодеятельного кружка, покупку новых книг в читальню, приглашение литераторов на творческие встречи и т. д. Этим во многом объясняется низкая эффективность антиалкогольной агитации.

Вместе с тем реализация алкоголя в садах имела свои побочные следствия. Ключевыми проблемами стали хулиганство и криминальные происшествия, зафиксированные прессой. Стоит отметить, что рост проявлений хулиганства был в целом характерен для 1920-х гг. (см.: [Сидорчук]).

— Эй, Гришка, мать твою так.

— Ванька, бей его по затылку.

Подобные крики можно услышать каждый день в буфете сада «Серп и молот» В.-Исетского завода. Но это бы еще ничего, куда ни шло, можно пожалуй примириться. Но дело гораздо серьезней. Иногда случаются драки, дело доходит до ножей. Милиции, что называется, днем с огнем не сыщешь. Скоро публика совсем перестанет посещать сад [В саду «Серп и молот», с. 4].

Наиболее часто в газетах упоминались Зеленая роща — бывший монастырский сад, находившийся на окраине города, а также упомянутый в процитированном выше отрывке заводской сад «Серп и молот». При этом обстановка в других парковых пространствах, даже в центре города, была не лучше:

Вечером в сквере по ул. К. Либкнехта г. Свердловска — полнейшее безобразия. Разгуливают проститутки, пьяные женщины, ругаются, дело доходит до драк. Все это происходит против здания 2-го отделения милиции [Притон в центре города, с. 4].

В выходной день, 30 мая, в саду Уралтрофсовета Сталинским районом была организована массовка. Вечером, в 12-м часу, на спокойной прогуливающуюся по саду компанию молодежи напали хулиганы. Двум молодым ребятам эта банда хулиганов острыми металлическими предметами проломила в нескольких местах головы, изуродовала руки. Когда пострадавшие стали вызвать на помощь милицию, чтобы задержать хулиганов, то во всем саду не оказалось ни одного дежурного милиционера <...> [Очистить город от хулиганов, с. 2].

Проблемы с преступностью в городе во многом были вызваны крайне низким уровнем подготовки (часто и коррумпированностью) работников милиции и уголовного розыска. В докладе Екатеринбургского губернского отдела управления за 1921 г. читаем:

На Съезде отмечены следующие недостатки и ненормальности, подлежащие безусловному устранению и исправлению всеми зависящими мерами: подчеркнуть низкий нравственный уровень милиционеров, незнание ими своих служебных обязанностей, слабая политическая и культурно-просветительная работа среди них, отсутствие дисциплины и ненормальные и нежелательные взаимоотношения между комсоставом и милиционерами, нежелательность переброски комсостава, недостаток обмундирования и, наконец, отсутствие канцелярских принадлежностей, что лишает возможность наладить и усовершенствовать техническую сторону работы. В ближайшем будущем будут приняты соответствующие меры к устранению всех перечисленных ненормальностей [Екатеринбургский губернский отдел управления, с. 32].

В последующие десятилетия ситуация с уровнем грамотности и подготовки личного состава стала несколько лучше, но все равно не соответствовала вызовам, предъявляемым преступностью.

Но несмотря на несовершенную инфраструктуру, материальную бедность, засилье хулиганов и пьяных, отсутствие помощи милиции, в садах Свердловска 1920-х — начала 1930-х гг. пытались организовать работу с посетителями.

Решение идеологических задач в работе садов Свердловска

Со второй трети 1920-х гг. сады, которые работали только на протяжении летнего сезона, начинают играть важную роль в культурной жизни города. Характерно, что программы работы городских садов перед открытием летнего сезона обсуждались на заседаниях президиума горсовета, а подготовка к открытию удостоивалась самого пристального внимания местной прессы. Анализ последней позволяет осмыслить значение парков в жизни горожан, а также понять роль идеологии в жизни садов того времени. В газетах «На смену!» и «Уральский рабочий» за 1923–1934-е гг. мы нашли свыше 30 заметок, так или иначе затрагивающих культурную программу садов.

Можно попробовать при помощи данных прессы реконструировать программу достаточно типичного мероприятия в саду Свердловска 1920-х гг. и за основу взять описание массового гулянья, приведенное в газете «На смену!» от 26 июня 1928 г.:

В программе вечера: футбольное состязание, соревнования по городкам, крокету, баскетболу и волейболу. В тире — соревнование по стрельбе, в читальне — политлотерея, шахматные сеансы. На эстраде: выступление «живой газеты», струнный оркестр, сольные номера, физкультурные выступления, гармонисты, танцы на танцевальной площадке, радио-передача, массовые игры и песни. Работает павильон санитарно-гигиенической выставки. Для наблюдения за порядком на гуляньи организуется добровольная группа комсомольцев [26 июня в саду Уралпрофсовета — вечер молодежи, с. 4].

Мы видим, что развлекательные спортивные мероприятия, действительно привлекающие посетителей (футбол, крокет, волейбол), компенсируются «политлотереями». Популярными у посетителей танцы и концерты (позволяющие парку заработать) сопровождаются агитационными выступлениями «живой газеты» и работой «санитарно-гигиенической выставки». Подобный подход позволял работникам парка угодить и партийному руководству, и публике: формально отчитаться о проведении идеологических мероприятий и при этом соответствовать потребностям отдыхающих.

Если же посмотреть на программу отдельно взятого сада в динамике, то и здесь становится очевидно, что развлекательное начало преобладает: с 1 по 15 июля 1928 г. в саду Уралпрофсовета выступает цирковая труппа с балетными номерами, акробатами, жонглерами, клоунами и т. д., а через две недели планируются гастроль оперного баритона и выступления вокального квартета [Что нового в садах, с. 4].

Это подтверждается содержанием других газетных заметок о культурной программе садов и работе с посетителями, которые в общем можно поделить на три категории — негативные отзывы, комплиментарные отзывы и отзывы нейтральные. Нейтральные отзывы, как правило, представляют собой обзор культурной программы в целом и/или ее отдельных компонентов и не содержат четко выраженной похвалы или критики. По таким отзывам можно судить лишь о событийном наполнении работы садов, но не о восприятии последней. Поэтому мы обратимся к негативным и комплиментарным отзывам.

Негативные отзывы обычно содержат либо критику качества культурной программы (непрофессионализм артистов, плохой подбор произведений для исполнения, низкое качество самих номеров и др.), либо сетования на недостаточную идеологическую выдержанность мероприятий.

Приведем примеры отзывов подобного рода:

Свердловская окружная деткомиссия, арендуя городской сад, устраивает там спектакли и концерты на открытой сцене. Но опереточные артисты, выступая в этих концертах, превращают их в развлечение, едва ли желательное для рабочей публики. С эстрады сплошь и рядом раздаются сантиментальные русские и цыганские романсы вроде «Люблю тебя» вперемежку с кувырканиями клоуна [Прцветает цыганщина, с. 4].

Вечером 1 июня в саду Уралпрофсовета было... **СКУЧНО. Большинство номеров, весьма немногочисленных — общим числом всего в пять «единиц» — удручали присутствовавших своей ветхозаветностью и блеклостью** (выделено в оригинале. — М. В., Е. Р.). История с театральным парикмахером, заменяющим «упившегося» «первого любовника», сейчас не может удовлетворить даже самого непритязательного зрителя. То же впечатление оставляют широко разрекламированные, но вызывающие лишь недоумение Пат, Паташон и Чарли Чаплин. Зритель зевотой провожает сильно старающихся, но все же несмешных комиков [Фейерверк обещаний, с. 2].

Гулянье, устроенное в саду совторгслужащих 1-го августа, по своему плану, должно было быть посвящено международному красному дню. Но на самом деле ничего, кроме 2–3 лозунгов и небольшого доклада о теме вечера не напоминало. Ряд цирковых номеров, роликобежцы и несколько тупых попыток на остроумие сатирика Пехановича, вот что включил в программу вечера, посвященного антиимпериалистическому дню, сад совторгслужащих. **Необходимо сделать так, чтобы сад совторгслужащих, наконец, научился отражать текущие кампании** (выделено в оригинале. — М. В., Е. Р.) [Опять неудачно, с. 4].

<...> вечер можно было сделать действительно вечером социалистического соревнования, вечером опыта, вечером пропаганды идей и задач соревнования и организации масс вокруг них. Все это можно было сделать при желании, при продуманном отношении к делу. Но когда ни того, ни другого нет, тогда вечер получается вечером «вообще», носит характер казенной отписки и заранее обречен на провал. Именно это и случилось 31 мая в саду совторгслужащих... [Вместо соревнования — «вечер “вообще”», с. 4].

Складывается впечатление, что, как и в случае с антиалкогольной кампанией, администрации садов при устройстве заведомо идеологизированных мероприятий, чтобы не терять публику, вряд ли настроенную слушать лекции о международном положении, оборонном деле и санпросвещении, старались сводить официальную часть к минимуму, делая упор на развлечениях и отдыхе, ради которых публика приходила в сады. Посетители садов 1920-х гг. были предоставлены самим себе и могли проводить время так, как им хотелось — ходить по аллеям, общаться, сидеть в буфете, слушать эстрадную программу и т. п. Именно за эту возможность отдыхать и развлекаться в свободном режиме журналисты, устроившие смотр сverdловских садов в 1928 г., упрекают руководство:

Главный недостаток работы садов, выявившийся в процессе смотра, — слабая постановка массовой работы. Отсутствие актива из посетителей сада, совершенная беспомощность по части экскурсий, лекций, бесед... Полнейшее отсутствие работы с молодежью и детьми во всех садах, кроме сада Уралпрофсовета... В садах молодежь предоставлена самой себе... отсюда — хулиганство, «пивные стремления»... В деле культурного обслуживания посетителя большинство садов ограничивается читальной или небольшой площадкой для крокета. В итоге посетитель вынужден благодушно шататься по садовым аллеям, ему нечего делать, нечем заполнить свое время, свой отдых. Художественная работа садов также заставляет желать много лучшего [Что выявил наш смотр, с. 4].

Однако подобное положение дел вскоре изменится. Газетные статьи начала 1930-х гг. отражают смену позиции власти относительно роли садово-парковых публичных пространств в идеологической работе с населением. Если в течение 1920-х гг. садам негласно позволяли занимать публику так, как получается, по сути, закрывая глаза на недостаточную идеологическую «выдержанность» мероприятий и в основном упрекая лишь за невысокое качество развлекательных программ, то с начала 1930-х гг. ситуация меняется. Весьма примечательно, что жалобы на низкое качество культурной программы продолжают до конца исследуемого нами периода, а вот сетования на недостатку идеологичности в начале 1930-х гг. сменились сдержанными хвалебными отзывами наподобие двух приведенных ниже, которые дополнили общее число комплиментарных отзывов, так или иначе комментировавших развлекательные программы садов и отдельные номера в их составе.

На Уралмашстрое общий выходной день... В саду-сквере, ярко пестрят кумачевые лозунги в яркой зеленой деревьев. Множество карикатур, развешенных по всему саду, комсомольских стенных газет, галереи фотографий лучших героев завода и промышленности. <...> В разных местах киоски с книгами и газетами, ларьки, буфеты, политлотереи, у которых с утра до вечера толпилось множество людей. <...> Гулянье началось сдачей норм на значок ГТО. По аллеям, как на войне, кружили люди, в противогазах, вдали бросали гранаты. <...> Культурный отдых положил конец всякому хулиганству в саду. <...> Опыт сталинской организации должны перенять все заводы и новостройки Урала [Праздник радости, с. 4].

Сад Уралпрофсовета, пожалуй, никогда еще не видел такого массового скопления людей, как это было 13 июля в день открытия первой областной художественной олимпиады народностей Урала. <...> Это лишний раз говорит об огромном культурно-политическом значении олимпиады, о том растущем интересе, который проявляет массовый зритель к самостоятельному искусству, в частности к достижениям национальной культуры и национального искусства. <...> Мы настоятельно рекомендуем рабочей молодежи Свердловска по примеру первого дня посещать олимпиаду, знакомиться с теми огромными достижениями национальной культуры, в частности самостоятельного искусства, которые в наглядных образцах демонстрируются на олимпиаде [Национальная культура демонстрирует свои успехи, с. 3].

Относительно же роли садов в идеологической работе журналисты начали высказываться вполне определенно:

«<...> не надо забывать, что сад не может быть только местом отдыха, хотя бы и культурного. Сад <...> должен быть трибуном отражающим в своей повседневной работе основные лозунги сегодняшнего дня, мобилизующим зрительские массы на борьбу за осуществление этих лозунгов» (выделено в оригинале. — М. В., Е. Р.) [Сад Уралпрофсовета открыт, с. 4].

Заключение

Традиционное для отечественной историографии и публицистики представление о крайней политизированности досуга в общественных пространствах городов советской России 1920-х — начала 1930-х гг. (см., например: [Шайгарданова]) следует признать не вполне корректным. Изучение источников этого периода позволяет говорить о том, что логика существования и формы активности садов и парков определяются взаимодействием трех акторов культурной политики: посетителей, партийного руководства и балансирующей между ними администрации парков. Посетители садов и парков предпочитали аполитичные формы досуга, фактически копирующие дореволюционные формы: гулянья на природе, танцы, употребление алкоголя, развлечения «балаганного» типа.

Партийное руководство воспринимало городские сады как идеальное пространство для пропагандистских мероприятий, направленных на формирование нового советского горожанина и гражданина. Выполняя инструкции партийного руководства, администрация садов и парков сталкивалась с саботажем политизированных мероприятий со стороны посетителей парков, теряла публику и лишалась значительной части доходов, поскольку садово-парковые пространства существовали преимущественно в формате самокупаемости. Неисполнение же инструкций приводило к увольнению руководства. В итоге административные работники нашли компромисс, определивший культурные реалии советских садов и парков 1920-х — начала 1930-х гг. Пространство досуга в садах 1920-х гг. было почти деполитизировано, но на уровне бюрократических отчетов демонстрировалась бурная политическая активность. Пропагандистские мероприятия проводились преимущественно формально, а в действительности рекреативная деятельность почти полностью определялась вкусами и потребностями посетителей. Именно это часто становилось и становится причиной ошибок исследователей парков, принимающих формализованные отчеты за отражение реалий тех лет. Наряду с этим отметим, что доля и вес идеологической компоненты в работе садов и парков начала 1930-х гг. существенно выросли (как и в других сферах жизни советского общества; см., например: [Мурзина, Мурзин, с. 89–94]). На какое-то время найденный администрацией садов и парков компромисс, очевидно, перестал действовать.

---

26 июня в саду Уралпрофсовета — вечер молодежи // На смену! 1928. 20 июня. С. 4.

Ария об аварии (К постановке в «сквере» им. Энгельса) // Урал. рабочий. 1927. 5 июня. С. 5.

Барышева Е. В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2016. Т. 18, № 1 (148). С. 9–25.

Болотова Е. В. Советская женщина как внутрисемейный агент власти в антиалкогольной политике // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2, ч. 2. С. 418–433.

В саду «Серп и молот» // Урал. рабочий. 1925. 21 июля. С. 4.

Вместо соревнования — «вечер “вообще”» // На смену! 1929. 2 июня. С. 4.

Екатеринбургский губернский отдел управления : докл. Екатеринбург. губерн. отд. управления за время с 1 дек. 1920 г. по 1 нояб. 1921 г. Екатеринбург, 1921.

- Каракулов Д. В.* Голод 1921–1922 гг. на Урале. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
- Кладова К. Ю.* «Для чего существует городской сад»: советский идеологический проект и региональная практика (на примере г. Кургана 1920–1930-х гг.) // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2020. С. 174–179.
- Кто отвечает за бульвар? // На смену! 1932. 13 авг. С. 4.
- Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М., 2012.
- Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.
- Лукьянин В., Никулина М.* Прогулки по Екатеринбургу. Екатеринбург, 1995.
- Мурзина И. Я., Мурзин А. Э.* Художественные репрезентации проекта «Советский Урал» // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. С. 86–97.
- На прочных рельсах // На смену! 1928. 20 июля. С. 4.
- Национальная культура демонстрирует свои успехи // На смену! 1931. 17 июля. С. 3.
- Не превращайте в кабаки // Урал. рабочий. 1925. 21 июля. С. 4.
- Опять неудачно. 1 августа в саду совторгслужащих // На смену! 1929. 3 авг. С. 4.
- Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.
- Очистить город от хулиганов // На смену! 1934. 1 июня. С. 2.
- Положить конец халтуре. Сад УОСПС передать хозорганизации // На смену! 1930. 3 сент. С. 4.
- Праздник радости. Выходной на Уралмашстрое // На смену! 1932. 30 авг. С. 4.
- Притон в центре города // На смену! 1929. 17 сент. С. 4.
- Процветает цыганщина // Урал. рабочий. 1925. 23 авг. С. 4.
- Работу ВИЗ'овского сада — на обсуждение масс // На смену! 1928. 4 июля. С. 4.
- Савицкий С. А.* Преобразование Царскосельского парка в Парк культуры и отдыха в 1930-х годах // Вестн. РГГУ. Сер. : История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 2. С. 58–69.
- Свердловск — столица Урала : справочник-путеводитель / сост. В. М. Быков. Екатеринбург, 1924.
- Свердловск : справочник-путеводитель на 1929–1930 год. Свердловск, 1929.
- Сидорчук И. В.* Хулиганство как преступление и как девиантная форма досуга в СССР 1920-х гг. // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та : электрон. науч. журн. 2018. № 1 (25). С. 144–158.
- Советский Екатеринбург : справочник-путеводитель / сост. В. М. Быков. Екатеринбург, 1922.
- «У двух нянек дитя без глаза» // На смену! 1928. 20 июля. С. 4.
- Фейерверк обещаний. Сад им. Уралпрофсовета // На смену! 1933. 3 июня. С. 2.
- Хоть зайчись пивом // Урал. рабочий. 1925. 23 авг. С. 4.
- Что выявил наш смотр? // На смену! 1928. 10 авг. С. 4.
- Что нового в садах // На смену! 1928. 26 июня. С. 4.
- Шайгарданова Н. Л.* Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2014.

Статья поступила в редакцию 29.06.2021 г.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ПАНДЕМИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

В исследовании определяется и анализируется организация концепта *Пандемия*. Концепт *Пандемия* в психологическом понимании — ментальная модель субъекта, отражающая объективированные и субъективно-оценочные признаки и влияющая на выбор стратегий совладания в специфической трудной ситуации. Психодиагностический комплекс включал три задания открытого типа (направленный ассоциативный эксперимент, формулировка проблем, визуальный портрет концепта). Проверялось предположение о специфике ментальных репрезентаций о пандемии у медицинских работников и продавцов-консультантов. Получены данные о том, что продавцы имеют обобщенную ментальную модель пандемии (заболевание в мировых масштабах) и описывают широкий спектр проблем изучения пандемии. Выявлено, что медицинские специалисты, работающие с ковид-пациентами, отличаются более дифференцированными ментальными репрезентациями о пандемии и больше осведомлены о проблемах пандемии в сфере медицины и здоровья человека. Показано, что представители социономических профессий фиксируют объективированные и отрицательные эмоционально-оценочные признаки концепта *Пандемия*.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пандемия; концепт; ментальные репрезентации; медицинский работник; продавец-консультант

Актуальность исследования обусловлена возникновением специфической ситуации для населения всего мира — пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Существительное *pandemic* признано американским толковым словарем Merriam-Webster словом 2020 г. [Word of the Year 2020]. Период эпидемиологической угрозы способствовал глобальным изменениям в социуме

КУВАЕВА Ирина Олеговна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: irina.kuvaeva@urfu.ru).

© Куваева И. О., 2021

и психологическим перестройкам человека. Уникальность этой ситуации для психолога-исследователя заключается в том, что пандемия новой коронавирусной инфекции стала реальной предметной средой для формирования индивидуально-психологических представлений о ней (концепт *Пандемия*). Концепт представляет собой психическую модель внешнего мира во внутреннем мире человека [Волкова, 2018]. Изучение организации концепта *Пандемия* позволит выявить, как представители разных профессий оценивают и интерпретируют ситуацию пандемии новой коронавирусной инфекции.

Методология исследования концепта в лингвистике и психологии

В семантико-когнитивном подходе З. Д. Поповой и И. А. Стернина концепт трактуется как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества» [Попова, Стернин, с. 24]. Исследователи обращают внимание на то, что концепт включает не только информацию о предмете/явлении, но и интерпретацию данной информации в общественном сознании. Согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, ядро концепта отражает наиболее частотные признаки, связанные с самыми сильными реакциями респондентов на стимульное слово.

В работе Н. В. Уфимцевой подчеркивается необходимость анализа первой реакции респондента: она позволяет изучить имплицитные представления о неосознаваемых элементах значений и смыслов, являющиеся отражением вербальной памяти человека, мотивов, оценок и его культурных стереотипов [Уфимцева].

В психологической науке концепты исследуются в рамках дифференционно-интеграционной теории развития (Н. И. Чуприкова, Е. В. Волкова) и онтологической теории интеллекта (М. А. Холодная). В рамках дифференционно-интеграционной теории развития концептуальные структуры понимаются как носители психических свойств субъекта, с помощью которых человек концептуализирует события мира и на основе которых происходит анализ и синтез всех поступающих новых впечатлений и сведений. Концепт рассматривается как психологическое образование, как результат деятельности психических процессов мозга [Чуприкова]. Слово (концепт) выступает фактором регуляции поведения и концептуализации жизнедеятельности человека [Волкова, 2018].

В единой теории психических процессов под концептуальной структурой понимается интеллектообразующая интегративная единица, связанная с «непрерывным обратимым переводом информации с языка симультанно-пространственных предметных гештальтов, представленных образами разных уровней обобщенности, на символический операторный язык, представленный одномерными сукцессивными структурами речевых сигналов» [Веккер, с. 275]. Опираясь на работы Л. М. Веккера, М. А. Холодная рассматривает концепт как психический носитель свойств понятийного мышления [Холодная]. Сложный когнитивный

состав концепта проявляется в качественных характеристиках — модальностях, отражающих разные аспекты переработки информации (сенсорные, эмоционально-оценочные, пространственно-временные признаки).

Концептуализация является высшим уровнем в организации ментальных ресурсов индивидуальности [Волкова, 2015]. Способность к концептуализации трактуется как «качественно новая форма понимания происходящего и качественно новый способ саморегуляции поведения» [Холодная, Хазова, с. 5]. Концептуализация направлена на оценивание и интерпретацию трудных ситуаций, оценку продуктивности определенных стратегий и реализацию конкретных паттернов совладающего поведения.

В данном исследовании делается первая попытка определения и анализа концепта *Пандемия* как структуры ментального опыта субъекта совладания. Концепт *Пандемия* в психологическом понимании — ментальная модель субъекта, отражающая объективированные и субъективно-оценочные признаки и влияющая на выбор стратегий совладания в специфической трудной ситуации.

Признаковый состав концепта *Пандемия*

Первое упоминание слова «пандемия» относится к 1666 г., оно означало заболевание, имеющее отношение к народу и господствующее в графстве [Morens, Folkers, Fauci]. Всемирная организация здравоохранения определяет пандемию как распространение нового заболевания в мировых масштабах¹. Словарный источник неакадемического типа «Викисловарь» относит понятие «пандемия» к медицинскому термину и трактует его как эпидемию, охватывающую население целой области, значительной части или ряда стран². Указанные определения фиксируют минимальное количество признаков данного понятия: пандемия — это инфекционное заболевание населения, распространенное в мировых масштабах.

Исследования инфекционистов и лингвистов демонстрируют большее количество признаков. Среди признаков пандемии как понятия из области инфекционных болезней указываются: широкое географическое распространение, передача инфекции от больного к здоровому, множественные случаи заболевания в течение короткого времени, минимальный популяционный иммунитет, новизна возбудителя, заразность (контагиозность) [Morens, Folkers, Fauci]. В репрезентации концепта *Пандемия* в ведущих англоязычных СМИ выделены 11 признаков [Гуляева и др.]. Так, наряду с характеристикой *распространение на обширной территории*, авторы выделили такие признаки, как: вред для здоровья; пребывание на карантине или в изоляции; изменения в привычной жизни людей; обязательное использование средств защиты органов дыхания; преграда для семейных встреч и празднований; поиск средств для остановки пандемии; сложности для ведения бизнеса; дополнительные траты на медицинское обслуживание; влияние

¹ URL: https://www.who.int/csr/disease/swineflu/frequently_asked_questions/pandemic/ru/ (дата обращения: 01.06.2021).

² URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 02.06.2021).

на избирателей в предвыборной гонке. Авторы поднимают вопрос о психологической составляющей изучаемой ментальной репрезентации — содержание концепта *Пандемия* обладает отрицательным эмоционально-оценочным значением [Гуляева и др.].

Особенности изучения пандемии COVID-19 как многофакторного стрессора представлены в психологических исследованиях. Например, Э. В. Луковцева (2020) выделяет неспецифические и специфические ситуативные факторы риска. К неспецифическим факторам, характерным для любой массовой катастрофы, относятся неопределенность развития ситуации, обилие шокирующей информации, угроза социально-экономическому благополучию человека и потеря индивидуальности. Отличительные (специфические) особенности пандемии COVID-19 связаны с тяжестью эпидемиологической обстановки, серьезностью заболевания и социальной изоляцией. Изменение привычного образа жизни человека ограничило доступ к профессиональной помощи и социальной поддержке. Среди отрицательных эмоциональных проявлений в ситуации пандемии COVID-19 отмечаются страх, тревога, беспокойство, чувство неопределенности и беспомощности [Луковцева; Харламенкова и др.]. Наряду с указанными выше проявлениями врачи отмечают информационный шум, физический дискомфорт, нервозность, эмоциональное истощение и депрессию разной степени выраженности [Петриков и др.].

Обобщая изучение характеристик пандемии как инфекционного заболевания, лингвистической единицы и социального стрессора, мы выделяем две основные группы признаков, релевантные концепту *Пандемия*, — объективированные и субъективно-оценочные (табл. 1).

Таблица 1

Признаковый состав концепта *Пандемия*

Содержательные аспекты	Варианты прилагательных	Варианты визуализаций
<i>Объективированные признаки</i>		
Новое инфекционное заболевание человека	Новый	Планета, земной шар, вирус, маска, защитный костюм, перчатки, машина скорой помощи, расстояние между людьми, символы смерти (крест, кладбище, «смерть с косой» и т. д.)
Мировой масштаб	Мировой	
Вспышки инфекции	Инфекционный	
Минимальный популяционный иммунитет	Мутагенный	
Заразность	Слабый	
Негативные последствия для здоровья, экономики и т. д.	Заразный	
Карантин, изоляция	Большой	
Средства индивидуальной защиты	Вредный	
	Негативный	
	Быстрый	
	Ограничивающий	

Окончание табл. 1

Содержательные аспекты	Варианты прилагательных	Варианты визуализаций
<i>Субъективно-оценочные признаки</i>		
Неопределенность развития ситуации	Неопределенный	Эмоции и состояния (грусть, печаль, страх, слезы и т. д.)
Информационный шум	Угрожающий	
Субъективное ощущение угрозы	Страшный	
Страх заражения и потери близких людей	Опасный	
Тревога, беспокойство	Тревожный	
Беспомощность	Беспокойный	
Стресс	Пассивный	
Депривация потребностей человека	Нервный	
	Напряженный	
	Одинокий	
	Депрессивный	
	Усталый	

Цель исследования — качественно-количественный анализ индивидуально-психологических представлений о пандемии (на примере медицинских работников и продавцов-консультантов). Мы предполагаем, что организация концепта *Пандемия* у медицинских работников будет отражать специфику их профессиональной деятельности в условиях эпидемиологической угрозы.

Организация исследования

Исследование проводилось в период с января по апрель 2021 г. Каждый респондент получил индивидуальный комплект методик в бумажном виде. Общее время исследования составило 10 мин.

Всего в исследовании приняли участие 69 человек (2 муж., 67 жен.). Выборочная совокупность представлена двумя группами респондентов:

- 25 медицинских работников³ (25 жен.) в возрасте 22–56 лет (средний возраст — 41 год) со средним стажем работы 8,3 года;
- 44 продавца-консультанта⁴ (42 жен., 2 муж.) в возрасте 18–56 лет (средний возраст — 30 лет) со средним стажем работы 6 лет.

Для оценки организации концепта *Пандемия* применялись задания открытого типа:

1. Направленный ассоциативный эксперимент: «Напишите как можно больше прилагательных, соответствующих слову “пандемия” (время выполнения — 3 мин).

³ Исследование организовано А. И. Мызниковой, врачом-педиатром Березовской ЦГБ, студенткой департамента психологии Уральского федерального университета.

⁴ Исследование проведено совместно с П. С. Саенко, студенткой департамента психологии Уральского федерального университета.

2. Модификация открытого задания «Формулировка проблем» М. А. Холодной: «Сформулируйте ряд проблем, которые возникают, на ваш взгляд, при исследовании пандемии» (время выполнения — 2 мин).

3. Визуальный портрет концепта *Пандемия*: «Сделайте рисунок, который бы, с вашей точки зрения, в образной форме воспроизводил слово “пандемия” с учетом его наиболее важных и существенных характеристик» (время выполнения — 2 мин).

Показатели организации концепта *Пандемия*: имплицитное представление (самая сильная реакция на стимульное слово «пандемия»), модальности (сенсорная, эмоционально-оценочная, пространственно-временная), содержание выделенных проблем, визуализации пандемии.

Статистическая обработка данных включала описательную статистику, частотный анализ. Обработка данных осуществлялась с помощью пакета программ SPSS 22.0. Качественная обработка данных включала сопоставление полученных результатов с анализом словарных статей и лингвистических исследований, а также анализ признаков концепта *Пандемия* через модальности концептуальных структур (по М. А. Холодной).

Описание результатов

Организация концепта *Пандемия* у медицинских работников. Выборку составили 11 врачей и 14 медицинских сестер; все респонденты работали в детской городской больнице с пациентами, болеющими новой коронавирусной инфекцией.

Анализ данных, представленных в табл. 2, свидетельствует о дифференцированности представлений о пандемии у медицинских работников — каждый респондент указал уникальную реакцию на стимульное слово. Прилагательные фиксировали как объективированные характеристики пандемии (*глобальная, новая, заразная*), так и субъектные оценки респондентов (*депрессивная, ужасная*). К наиболее частотным образам визуального компонента концепта можно отнести изображения коронавируса, врача и/или защитной маски.

Таблица 2

Особенности организации концепта *Пандемия* у медицинских работников

Вербальный компонент		Визуальный компонент	
имплицитные представления	количество признаков, шт.	изображения	% от группы
Безумная, печальная, всепоглощающая, смертельная, последняя, мутагенная, длительная, гнетущая, первая, опустошающая, необъяснимая, кошмарная, непонятная, новая, заразная, вызванная, чудовищная, тяжелая, ужасная, запоминающаяся, настоящая, очередная, депрессивная, глобальная, историческая	25	Вирус	40
		Медицинский работник	20
		Маска	20
		Земной шар	13
		Защитный костюм	12

Сопоставляя ассоциативный ряд прилагательных с модальностями концепта (по М. А. Холодной), можно зафиксировать преобладание эмоционально-оценочных (*ужасная, страшная, кошмарная, чудовищная, печальная*) и пространственно-временных (*глобальная, первая, последняя, длительная*) признаков в концепте *Пандемия* у медицинских работников. Признак сенсорной модальности концепта *Пандемия* зафиксирован в прилагательном *тяжелая*.

Примеры визуальных изображений концепта *Пандемия* медицинскими работниками приведены на рис. 1. Пояснения респондентов к изображениям отражали профессиональную специфику: «устали быть в костюмах», «хочу спать днем», «перчатки и маски уже не налазят», «печали горькая печат».

Рис. 1. Примеры визуального изображения концепта *Пандемия* медицинскими работниками

Изучение проблем, возникающих в связи с исследованием пандемии, показало специфику профессиональной деятельности данной группы специалистов. Каждая вторая проблема соотносится с темой медицины и здоровья населения: мутация вирусов и бактерий, сниженный иммунитет, своевременная помощь, ранняя диагностика заболевания, скорость распространения инфекции, неготовность людей серьезно относиться к пандемии и следовать рекомендациям врачей и эпидемиологов.

Организация концепта *Пандемия* у продавцов-консультантов. В данном исследовании приняли участие продавцы, работающие в парфюмерном супермаркете и магазинах одежды известных брендов.

Согласно данным, представленным в табл. 3, количество уникальных признаков, отражающих концепт *Пандемия*, у специалистов торговой сферы несколько меньше, чем в группе медицинских работников. Ядро (25 %) — наиболее частотные прилагательные — фиксирует объективированные признаки пандемии (*мировая, болезненная*). К наиболее частотным образам в визуальном компоненте концепта относятся изображения человека, защитной маски и вируса.

Таблица 3

Особенности организации концепта *Пандемия* у продавцов-консультантов

Вербальный компонент		Визуальный компонент	
имплицитные представления, %	количество признаков, шт.	изображения	% от группы
Мировая – 16	22	Человек	32
Болезненная – 9		Маска	32
Ужасная – 7		Вирус	27
Загадочная – 5		Лицо с отрицательными эмоциями	16
Ущемляющая – 5		Земной шар	9
Опасная – 5			
Бесконечная – 5			
Заразная – 5			
Новая – 5			
Смертельная – 5			

Изучение имплицитных представлений о пандемии у продавцов продемонстрировало преобладание эмоционально-оценочных признаков (*ужасная, загадочная, ущемляющая, опасная*) и пространственно-временных характеристик (*мировая, бесконечная, новая*). Особенности визуального изображения концепта *Пандемия* продавцами-консультантами согласуются с вербальной организацией концепта (рис. 2).

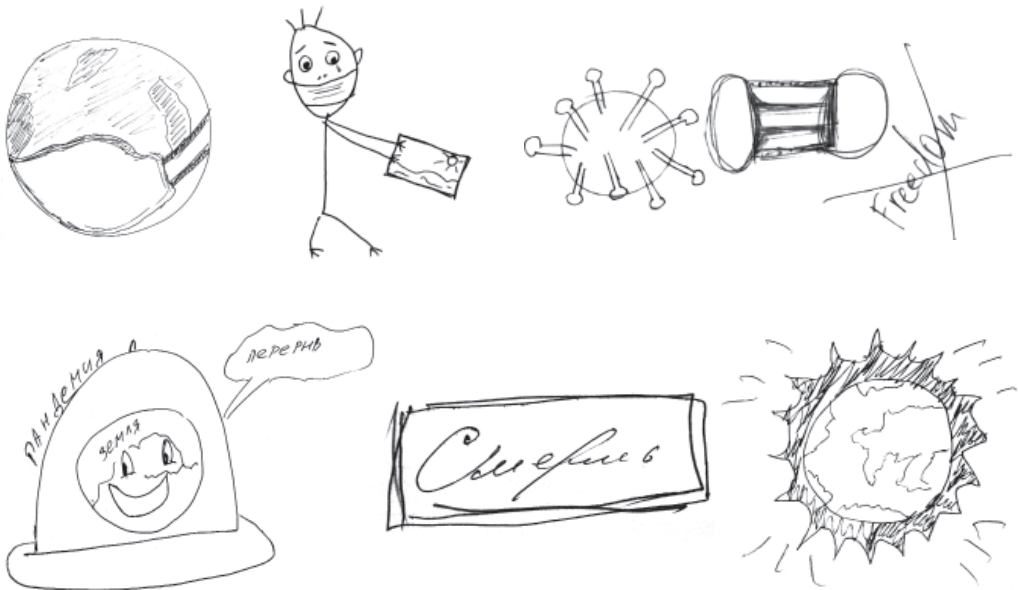

Рис. 2. Примеры визуального изображения концепта *Пандемия* продавцами-консультантами

При анализе протоколов продавцов-консультантов выявлены разнообразные проблемы исследования пандемии:

- глобальные (масштаб распространения, смертность в мире, недостаточная материально-техническая база в странах третьего мира);
- «вирусные» (быстрая мутация и разнообразие штаммов, повсеместность возбудителя, эффективность противовирусных препаратов, вакцинация);
- медицинские (количество заболевших, лечение, загруженность медицинских работников, нехватка оборудования в больницах);
- финансовые (безработица, безденежье, временная нетрудоспособность, кризис);
- ограничительные (дистанционное обучение, отмена общественных мероприятий, карантин, дефицит информации, проблемы с выездом за границу, сужение круга общения);
- психологические («страх заразиться и что умрут близкие», «нет осведомленности об опасности ковида», самоизоляция, депрессия, тревога, эмоциональное выгорание, паника, моральная тяжесть, «тяжело дышать в маске», страх неполучения своевременной медицинской помощи).

Обсуждение

Анализ построения концепта *Пандемия* у представителей социономических профессий выявил общие и отличительные признаки данной структуры ментального опыта субъекта совладания. Респонденты концептуализируют ситуацию пандемии через объективированные признаки (*вирус, маска, мировая, заразная, болезненная, смертельная*) и разные субъективные оценки (*ужасная, опасная, ущемляющая, печальная*).

Отличия в концептуализации ситуации пандемии у двух профессиональных групп связаны с разной дифференцированностью индивидуального опыта и содержанием выделенных проблем. Медицинские работники, погруженные в лечение ковид-пациентов, характеризуются более дифференцированным опытом осмысления данной ситуации и большей осведомленностью в урегулировании проблемы на медицинском уровне. Для продавцов-консультантов характерна обобщенная интерпретация пандемии (заболевание в мировых масштабах), однако они фиксируют разнообразные проблемы, связанные с пандемией.

Исходя из полученных результатов, можно отнести концепт *Пандемия* к концептуальным структурам, референтным эмоционально значимым понятиям. Согласно М. А. Холодной, признаки концепта такого типа фиксируют отрицательные эмоциональные оценки субъекта и демонстрируют «уплощенность» визуального компонента концепта. На основе применения содержательных категорий, релевантных концепту *Стресс* [Куваева, 2020б], к анализу организации концепта *Пандемия* были выделены причины заболевания (*заразная, мутагенная*), особенности состояния больных (отрицательные эмоции), негативные последствия болезни (*смертельная, депрессивная*) и управление ею (средства индивидуальной защиты, вакцинация, изоляция). Следует отметить, что изучение

меры дифференцированности и меры иерархичности концепта *Пандемия* требует дополнительных исследований на обширных выборках.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в выявлении ресурсов, необходимых разным профессиональным группам для преодоления стресса в условиях эпидемиологической угрозы. Полученные результаты свидетельствуют о негативных субъективных оценках ситуации пандемии специалистами коммуникативных профессий, что может снижать обращение к проблемно-ориентированным копинг-стратегиям [Куваева, 2020а]. Будущие исследования должны быть направлены на изучение взаимосвязи между особенностями организации концепта *Пандемии* и стратегиями совладания, отражающими индивидуальный опыт и ресурсы преодоления специфической трудной ситуации.

Веккер Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 2000. 685 с.

Волкова Е. В. Слово как фактор регуляции и концептуализации жизнедеятельности // *Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики* : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 2018. С. 215–223.

Волкова Е. В. Технологии развития ментальных ресурсов. М., 2015. 256 с.

Гуляева Е. А., Клюкина Е. В., Давыдова Е. И., Мордовина Т. В. Репрезентация концепта «пандемия» в современных англоязычных СМИ // *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 6 (85). С. 616–619.

Куваева И. О. Особенности совладающего поведения личности в ситуации пандемии COVID-19 // *Бехтерев и современная психология личности: (К 135-летию организации первой в России психофизиологической лаборатории в г. Казани)* : сб. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2020а. С. 95–97.

Куваева И. О. Соотношение организации концепта *Стресс* и совладающего поведения у студентов разных этнокультурных групп : дис. ... канд. психол. наук. М., 2020б.

Луковцева З. В. Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11, № 4. С. 13–25.

Петриков С. С., Холмогорова А. Б., Суроегина А. Ю. и др. Профессиональное выгорание, симптомы эмоционального неблагополучия и дистресса у медицинских работников во время пандемии COVID-19 // *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28, № 2. С. 8–45.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. 250 с.

Уфимцева Н. А. Языковая картина мира: проблема моделирования // *Вопр. психолингвистики*. 2016. С. 238–249.

Харламенкова Н. Е., Быховец Ю. В., Дан М. В., Никитина Д. А. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19. М., 2020. URL: http://ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (дата обращения: 16.06.2020).

Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М., 2012. 288 с.

Холодная М. А., Хазова С. А. Феномен концептуализации как основа продуктивности интеллектуальной деятельности и совладающего поведения // *Психол. журн*. 2017. № 5. С. 5–17.

Что такое пандемия? : [сайт ВОЗ]. URL: https://www.who.int/csr/disease/swineflu/frequently_asked_questions/pandemic/ru/ (дата обращения: 01.06.2021).

Чурикова Н. И. Психическая деятельность мозга. Язык и сознание: (В поисках психической реальности и предмета психологии). М., 2021. 208 с.

Morens D. M., Folkers G. R., Fauci A. S. What is a pandemic? // The Journal of Infection Diseases. 2009. № 200. P. 1018–1021.

Word of the Year 2020 – Word of the Year: Pandemic. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/word-of-the-year> (accessed: 26.05.2021).

Статья поступила в редакцию 07.06.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.062
УДК 159.9:378.026.9 + 159.9:371.2

Э. Ф. Зеер
Э. Э. Сыманюк

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫХ НЕЙРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье анализируются психолого-педагогические особенности персонализированного нейрообразования. В педагогической психологии персонализированное образование и нейрообразование рассматриваются отдельно, в статье — во взаимосвязи на основе интеграции метапредметных результатов учебной деятельности. Смыслообразующим фактором их объединения выступает развитие личности в проекции социально-профессионального будущего. Важное место уделяется индивидуальным траекториям обучения и персонализированным нейрообразовательным технологиям. Формирование персонализированных образовательных результатов учебной деятельности у обучающихся выступает инновационным трендом подготовки учащихся к изменениям, к неопределенности и разнообразию (А. Г. Асмолов) современного информационного общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: персонализация; нейрообразование; метапредметные результаты обучения; технологии учебной деятельности; социально-профессиональное будущее

Введение

В современном постиндустриальном (цифровом) обществе широкое распространение и развитие получили такие нейронауки, как нейробиология, нейрофизиология и нейропсихология. Американские лауреаты Нобелевской премии, анализируя развитие постнауки, сделали вывод, что самым важным направлением исследований в настоящее время являются именно нейронауки.

В начале XX в. В. И. Вернадский подчеркивал значение психологических наук, утверждая, что грядущее столетие станет психозойской эрой. Развивая этот тезис, наш выдающийся ученый-психолог А. Г. Асмолов обосновал положение, что будущее развитие общества будет определять психология. Думаем, что он имел в виду развитие нейронаук [Асмолов, 2002, с. 460].

Достижения нейронаук привели к становлению нейротехнологий, которые стали широко использоваться в различных областях деятельности:

ЗЕЕР Эвальд Фридрихович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии образования и профессионального развития Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: zeer.ewald@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-1680-4970

СЫМАНЮК Эльвира Эвальдовна — доктор психологических наук, профессор, директор Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (e-mail: e.e.symaniuk@urfu.ru). ORCID: 0000-0002-7591-7230

© Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э., 2021

производственной, здравоохранении, силовых структурах, СМИ, а также в образовании.

Научно-прикладными дисциплинами нейрообразования выступают нейропедагогика, нейродиагностика и нейродидактика. Тематическим ядром нейрообразования является нейродидактика, в первую очередь обеспечивающая успешность учебной деятельности и развитие личности обучающихся.

В общеобразовательной школе получила распространение нейрообразовательная технология «Когнифит» (CogniFit), ориентированная на активизацию познавательных способностей школьников, преодоление трудностей в учебе учащимися с когнитивными нарушениями и расстройствами. Предлагаемые нейротехнологии направлены в основном на развитие познавательных процессов: восприятия, внимания, памяти, мышления.

В профессиональной школе получает распространение инновационная образовательная технология (педагогические мастерские, виртуальные экскурсии, «ателье» и т. д.). Целевая ориентация этих нейротехнологий направлена на формирование *hard skills* и *soft skills* — профессиональных компетенций на основе электронных устройств (девайсов) и специального оборудования. Смысловая установка этих нейротехнологий — создание зоны возможностей ускоренного развития познавательных способностей обучающихся.

Основы нейрообразования заложили в свое время Л. С. Выготский и А. Р. Лурия.

Нейрообразование — это междисциплинарная отрасль педагогической психологии, которая объединяет нейронауки (нейробиологию, нейрофизиологию, нейропсихологию), когнитивные науки (теорию познания, когнитивную психологию, когнитивную лингвистику, теорию искусственного интеллекта) и педагогическую психологию для повышения эффективности обучения.

Наряду с понятием «нейрообразование» в педагогической психологии используются термины «нейропедагогика», «нейродидактика» «нейропсихология», которые рассматриваются в тесной взаимосвязи в одном проблемном поле.

Нейропедагогика как инновационное направление в образовании получила научное обоснование в работах В. А. Москвитина и Н. В. Москвитиной [Москвитин, Москвитина], О. Л. Подлиняева, К. А. Морнова [Подлиняев, Морнов] и др. Нейродидактические аспекты обучения анализируются в работах И. П. Клемантович, Е. А. Левановой, В. Г. Степанова [Клемантович, Леванова, Степанов]. Результаты исследования проблем нейродидактики и нейропсихологии обобщены в учебном пособии С. Н. Костроминой «Введение в нейродидактику» [Костромина].

Анализ публикаций по проблеме нейрообразования позволяет констатировать, что в отечественной педагогической психологии утвердилась новая образовательная парадигма, которая нуждается в научно-прикладных исследованиях и внедрении в образовательную практику.

Теоретико-прикладные основания нейрообразования были рассмотрены Л. С. Выготским в работе «Развитие высших психических функций» [Выготский] и А. Р. Лурия в фундаментальном труде «Основы нейропсихологии» [Лурия].

Научно-прикладными отраслями нейрообразования являются нейропедагогика и нейродидактика.

Нейропедагогика изучает возможности использования в обучении и воспитании обучающихся психических функций мозга, обеспечивающих формирование познавательной деятельности и развитие социально значимых качеств личности, а также коррекцию отклоняющихся форм поведения. Нейропедагогика получила широкое распространение в США, что привело к организации международного проекта «Мозг и обучение» (Brain and Learning). В нашей стране понятие «нейропедагогика» ввела Т. П. Хризман, исследования нейропедагогики активно ведутся в Кемеровском государственном университете.

Термин «нейродидактика» (Neurodidaktics) был введен в 1998 г. в Германии Г. Прайсом. Нейродидактика — это интегративная наука, обобщающая исследования в психологии и нейронауках. Нейродидактические аспекты школьников анализируются в работе И. П. Клемантович, Е. А. Левановой, В. Г. Степанова «Нейропедагогика: новая отрасль научных знаний» [Клемантович, Леванова, Степанов]. Ее тематическим ядром является обучение на основе использования данных нейронаук.

Теоретико-прикладным основанием нейрообразования является концепция персонализированного образования. Ее основные положения:

- обучающийся выступает субъектом персонализированной учебной деятельности;
- смыслообразующая установка учения — актуализация когнитивных функций обучающихся: восприятия, внимания, памяти, мышления;
- образ профессионального будущего выступает фактором мотивации учебной деятельности.

Реализация этих концептуальных положений обусловила целесообразность использования следующих принципов нейрообразования:

- основным механизмом усвоения информации на нейронном уровне является пластичность нервной системы, обеспечивающей формирование и функционирование нейронных сетей;
- фактором активизации познавательной деятельности выступает врожденная (генетически обусловленная) любознательность обучающегося;
- индивидуальный опыт субъектов учебной деятельности влияет на обучаемость и успешность освоения учебно-познавательных компетенций;
- на продуктивность обучения, развитие ответственной самостоятельности влияет эмоциональное состояние обучающегося;
- использование электронных форм обучения обеспечивает возможность реализации персонализированных траекторий развития обучающихся.

Эти концептуальные положения и принципы определили дидактические возможности нейрообразования как предиктора реализации персонализированного образования.

Нейрообразование — «система образования, опирающаяся на закономерности и использование нейрокогнитивных механизмов приобретения новых знаний,

обучения и памяти, а также на данные об индивидуальных предрасположенностях человека и пластичности мозга, на применение нейрокомпьютерных интерфейсов, элементов виртуальной и дополненной реальности, гибридного интеллекта» [План мероприятий...].

Нейрообразование обеспечивает увеличение объема и скорости усвоения учебного материала, усиливает когнитивные функции мозга и нервной системы, повышает эффективность обучения, стимулирует саморазвитие, самоактуализацию и самореализацию личности обучающихся; инициирует становление (развитие) субъекта учебной деятельности.

Субъекты персонализированного нейрообразования не только отражают учебно-профессиональную информацию, но также участвуют в ее сотворении в процессе рефлексии содержания и преобразования в виртуальной среде.

Предметом нейрообразования являются потенциальные когнитивные возможности высших психических функций мозга и нервной системы в формировании персонализированных результатов учебной деятельности.

Факторами, детерминирующими становление нейрообразования, являются следующие функции мозга и нервной системы:

– нейропластичность, обуславливающая формирование универсальных учебных действий, обеспечивающих адаптацию и преадаптацию обучающихся к ускоренному изменению содержания и технологий учебной деятельности, их саморазвитие и самоактуализацию в ситуациях неопределенности целевых ориентаций;

– наличие в мозгу нейронов, реализующих саморегуляцию эмоциональных состояний обучающихся и обеспечивающих преодоление психической напряженности при выполнении сложных видов учебной деятельности;

– важное значение в нейрообразовании принадлежит когнитивным способностям мозга и нервной системы, опирающимся на их высшие психические функции.

Интеграция этих факторов определяет персонализированные метапредметные результаты нейрообучения. При определении их состава и содержания мы основывались на целевой ориентации нейрообразования, мотивационной направленности, индивидуально-психологических особенностях обучающихся и персонализации учебной деятельности.

Нейрообразование, личностно-развивающее образование и персонализированное образование относятся к концепциям развивающего обучения. Тематическим ядром этих концепций является развитие личности, ее ценностно-смысловой сферы, индивидуализация и дифференциация учебной деятельности, актуализация саморазвития и самореализация обучающихся.

Сравнительный анализ этих образовательных концепций показывает их совпадение по целевым установкам и различия по технологиям и результатам обучения. Общность их целевых ориентаций выражают следующие содержательные и процессуальные основания:

- ценностные и смысловые ориентации учебно-познавательной деятельности;
- мотивация обучения, базирующаяся на учете индивидуально-психологических особенностей обучающихся;

- развитие личности в процессе субъект-субъектного взаимодействия;
- индивидуализация и дифференциация учебной деятельности;
- предметные и метапредметные действия с учебным материалом.

Смыслообразующим фактором этих образовательных моделей является развитие личности. Центрация образования на становлении личности обуславливает принципиально новые формы и методы обучения. Целью образования становится формирование компетентностей, компетенций и социально значимых качеств обучаемого, способного к самоопределению, самообразованию, саморегуляции и самоактуализации.

Отличительные особенности психолого-педагогических оснований этих трех концепций представлены в таблице.

Персонализированные основания концепций развивающего образования

Концепция	Целевая направленность	Смыслообразующие факторы обучения
Личностно-развивающее образование	Формирование обобщенных способов учебных действий. Развитие познавательных способностей. Реализация индивидуальных образовательных траекторий	Самоопределение в учебно-познавательной деятельности. Саморегуляция учебного процесса на основе рефлексии, контроля и оценки. Саморазвитие в процессе сотрудничества
Персонализированное образование	Формирование универсальных учебных действий. Реализация ответственной учебно-познавательной деятельности. Проектирование персонализированных образовательных траекторий	Развитие самодетерминации и самоактуализации. Самореализация в практикоориентированной деятельности. Самофутурирование социально-профессионального будущего
Нейрообразование	Актуализация высших психических функций. Обеспечение нейропсихологической компетентности. Освоение технологий виртуальной реальности при реализации иммерсивного обучения. Проектирование интерактивных траекторий обучения	Развитие транспективности и трансцендентности, определяющих смыслы будущего. Преодоление деструктивных влияний стандартизации обучения на основе использования нейродидактики. Реализация нейрообразовательных технологий. Умножение интеллектуальных возможностей психики путем использования разного рода электронных устройств

Сравнительный анализ концептуальных установок и технологий их реализации показывает усиление роли высших психических функций в нейрообразовании: психомоторных функций, восприятия, внимания, мышления, речи. Важное значение приобретает регуляция произвольной деятельности, проектирование образа будущего и преодоление неблагоприятных ситуаций.

В нейрообразовательных технологиях широко используются технологии виртуальной реальности, иммерсивное обучение, центрация обучения на формирование персонализированных нейрообразовательных результатов: нейрокомпетенций, трансцендентности, транспективности и нейротехнологической состоятельности.

Реализация персонализированного нейрообразования осуществляется на основе интерактивных траекторий обучения, предусматривающих групповую мыследеятельность обучающихся при решении проблем учебно-профессиональной деятельности.

Взаимосвязь и взаимообусловленность персонализированных нейротехнологий легли в основу проектирования логико-смысловой модели персонализированных результатов нейрообразования (рис. 1).

Рис. 1. Структурные компоненты персонализированного нейрообразования

Логико-смысловая модель стала концептуальным ориентиром проектирования **интерактивных** образовательных траекторий, которые выполняют функцию навигации при формировании персонализированных результатов нейрообучения и выступают инструментальным средством структурирования интерактивного обучения: организации взаимодействия обучающихся, моделирования проблемных

ситуаций, сотрудничества при их решении, совместной оценки результатов нейрообучения.

Основными компонентами этих траекторий являются:

- актуализация личностного потенциала путем усиления мотивов учения, применения психодиагностики, активизации высших психических функций;
- предоставление обучающимся возможности составления индивидуального учебного плана, выбора вариативных программ обучения, темпа учебной деятельности, виртуальных технологий обучения, основанных на интерактивных инструментальных средствах;
- совместное со всеми участниками обучения определение способов оценки учебных достижений и контроля персонализированных метапредметных результатов обучения.

При реализации интерактивных траекторий обучения обучающиеся становятся субъектами коллективного мышления.

Современное обучение ориентировано на формирование четырех базовых компетенций: критического мышления, креативности, коммуникативности и командообразования.

Концептуальная установка на достижение этих персонализированных метапредметных результатов инициирует использование интерактивных технологий обучения, основанных на актуализации высших психических функций обучающихся. Интерактивный процесс обучения обеспечивает интеллектуальную активность, порождает положительные эмоциональные состояния, стимулирует позитивное отношение к электронной обучающей среде (ЭОС), способствует преодолению негативных переживаний, обусловленных экспансией цифровых нейрообразовательных технологий.

Основываясь на персонализированных результатах учебной деятельности, отраженных в интерактивной образовательной траектории, мы можем определить состав и структуру персонализированных нейрообразовательных технологий (рис. 2).

Рис. 2. Персонализированные нейрообразовательные технологии

Все многообразие когнитивных технологий можно сгруппировать следующим образом:

- интерактивные технологии: лекции, беседы, групповые дискуссии, анализ проблемных ситуаций, кейс-технологии, геймификация и др.;
- технологии виртуального обучения: иммерсивные технологии, виртуальные учебные мастерские, симуляторы реальных процессов и др.;
- трансспективные технологии: форсайт-технологии, психобиографические методы, рефлексия будущего, технологии интеллект-карт и др.

Реализация персонализированных нейрообразовательных технологий в профессиональной школе обеспечит формирование у выпускников востребованных современной цифровой экономикой метапредметных результатов, таких как:

- критическое мышление и умение решать проблемы;
- сетевое сотрудничество и командообразование;
- адаптивность и толерантность к неопределенности;
- сверхнормативная активность и ответственная самостоятельность;
- нейрообразовательная состоятельность и преадаптация к динамичному социально-профессиональному будущему.

Заключение

Целевая ориентация ФГОСов нового поколения – формирование *hard, soft, digital skills*. Особое значение придается гибким *soft skills*. Но чтобы обучающиеся отвечали требованиям современного информационного общества, они должны уметь самостоятельно проектировать свое образование.

Для выполнения этой целевой установки им необходимы особые специализированные компетенции и личностные качества, так называемые персонализированные нейрокомпетенции (ПНК), основанные на высших психических функциях мозга и нервной системы, обеспечивающие преадаптацию личности к образованию, которого еще нет и контуры которого недостаточно обозначены. К этим компетенциям относятся универсальные учебные действия (УУД): когнитивные и социальные, а также персонализированные нейрообразовательные результаты.

Таким образом, персонализированное нейрообразование становится современным трендом подготовки учащейся молодежи к динамичному и ускоренно изменяющемуся социально-профессиональному будущему. Именно эти «новые грамотности» обусловят саморазвитие и самоактуализацию обучающихся, обеспечат их самореализацию в будущем «мире разнообразия и неопределенности» [Асмолов, 2017].

Организовать и сопровождать это образование должен педагог, имеющий необходимую персонализированную нейрообразовательную подготовку.

Асмолов А. Г. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Вопр. психологии*. 2017. № 4. С. 3–26.

Выготский Л. С. Развитие высших психических функций // *Педагогика*. 1960. № 1. С. 23–41.

Клемантович И. П., Леванова Е. А., Степанов В. Г. Нейропедагогика: новая отрасль научных знаний // *Педагогика и психология образования*. 2016. № 2. С. 8–17.

Костромина С. Н. Введение в нейродидактику. СПб., 2019.

Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М., 2003. 384 с.

Москвитин В. А., Москвитина Н. В. Нейропедагогика как прикладное направление педагогики и дифференциальной психологии // *Вестн. ОГУ*. 2001. Вып. 4, С. 34–38.

План мероприятий («дорожная карта») «Нейронет» Национальной технологической инициативы [Электронный ресурс]. URL: https://nti2035.ru/documents/docs/NDK_neuronet.pdf

Подлиняев О. Л., Морнов К. А. Актуальные проблемы нейропедагогики // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та*. 2015. Т. 1, № 3 (63). С. 127–129.

Статья поступила в редакцию 14.07.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.063
УДК 159.922.6 + 159.9.072.432 + 316.752

Т. Б. Сергеева
Н. С. Глуханюк
Г. И. Борисов

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ПОЗДНЕМ ВОЗРАСТЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Статья посвящена проблемам ценностно-мотивационной сферы в позднем возрасте. Представлены результаты эмпирического исследования ведущих мотивов, установлены факторные структуры позитивной и негативной мотивации. Проведено сравнение значимости жизненных ценностей в зависимости от профессионального статуса. Получены данные о независимости системы универсальных жизненных ценностей в позднем возрасте от трудовой занятости.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поздний возраст; ценности; мотивы; факторная структура; профессиональная занятость

Ценностные ориентации представляют собой одну из центральных характеристик личности и тем самым оказывают существенное влияние на все стороны деятельности на протяжении всего жизненного пути. Без рассмотрения системы ценностей человека невозможно понимание мотивации его поведения на любом этапе развития. Ценностно-мотивационная сфера человека позднего возраста представляет особый интерес для исследователей.

В работах социально-психологического направления ценностно-мотивационную сферу традиционно называют ядром личности, включающим иерархию мотивов, потребностей, мотивационных установок и ценностей. Центральным системообразующим компонентом данной сферы выступают ценностные ориентации, которые формируются на основе высших социальных потребностей и в соответствии с социальными условиями, представляющими возможности для их реализации [Каширский; Ядов].

В работах, посвященных данной проблематике, варьируются возраст, социально-культурная и профессиональная принадлежность исследуемых. В основном изучается период юности как наиболее чувствительный к формированию ценностей. В поле исследовательского интереса попадают представители субкультур, а также сообществ помогающих профессий [Иванова; Лавринович; Семенова]. Изучение

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00431 «Личностная мобильность как предиктор сохранения профессионального здоровья в пожилом возрасте».

СЕРГЕЕВА Тамара Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета (e-mail: tamara.2005@mail.ru).

ГЛУХАНЮК Наталья Степановна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и психологии Уральского федерального университета (e-mail: profi.n@mail.ru).

БОРИСОВ Георгий Игоревич — старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета (e-mail: georgy.borisov@urfu.ru).

© Сергеева Т. Б., Глуханюк Н. С., Борисов Г. И., 2021

данной сферы у пожилых людей исследуется в контексте удовлетворенности жизнью [Левкова; Степанова].

Принято считать, что ценностные ориентации отражают отношение человека к окружающему миру и выступают в качестве способа дифференциации объектов этого мира по степени их субъективной значимости. Формирование ценностных ориентаций — это длительный и сложный процесс, происходящий под воздействием непосредственного социального окружения и общих социальных условий. Таким образом, ценностные ориентации отдельного человека представляют собой специфическое сочетание общественных ценностей, которые человек усваивает из социально-культурного окружения своего времени, в том числе и ближайшего.

Поскольку социальные условия значительно «сужаются» в позднем возрасте, претерпевает изменения и система ценностей. Ценности с возрастом выступают как обобщенные представления о преимущественных благах и способах их получения, в которых сконцентрирован весь предыдущий опыт человека и на основе которых принимаются решения о его дальнейшем поведении.

Цель работы заключается в изучении психологических особенностей ценностно-мотивационных показателей людей позднего возраста с разным статусом профессиональной занятости.

Материалы и методы

В эмпирическом исследовании принял участие 331 человек (262 женщины, 69 мужчин), жители Екатеринбурга и Свердловской области в возрасте от 50 до 80 лет. Средний возраст испытуемых 62 года. Реализовывался принцип добровольного участия. Использовались следующие методики исследования ценностно-мотивационной сферы:

1. Методика измерения мотивации ведущих жизненных ценностей (Е. Б. Фанталова), позволяющая оценить важность и доступность для личности таких ценностей, как: активная, деятельная жизнь; здоровье (физическое и психическое); интересная работа; красота природы и искусства; любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений); наличие хороших и верных друзей; уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений); познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие); свобода как независимость в поступках и действиях; счастливая семейная жизнь; творчество (возможность творческой деятельности).

2. Методика мотивационной индукции (Ж. Нюттен), позволяющая определить как позитивные, так и негативные типы мотивации личности. Основными типами мотивации в данной методике являются: S — личность, C — контакт, R — деятельность, E — познание, L — досуг, P — обладание, T — трансцендентальная мотивация.

В качестве методов обработки использовались сравнительный анализ по *U*-критерию Манна — Уитни и факторный анализ по методу максимального правдоподобия.

Результаты и их обсуждение

Исследование осуществлялось в два этапа.

На **первом этапе исследования** была поставлена задача определения структуры мотивации людей позднего возраста. Для редукации значительного количества зафиксированных индикаторов различных типов позитивной и негативной мотивации использовался факторный анализ по методу максимального правдоподобия. С учетом специфики эмпирическим данных и методов обработки анализ проводился на общей выборке участников исследования. В итоге были сформированы четыре факторных модели в соответствии с мотивационными категориями, набравшими наибольшее количество выборов респондентов.

Первая факторная структура отражает *мотивацию типа S (личность)*, которая стала доминирующим типом мотивации у испытуемых. Были выделены четыре фактора, представленные в табл. 1. Фактор 1 получил название «Самореализация». Он вообрал в себя как стремление реализовать свои цели и планы, так и важные для человека виды деятельности и в конечном итоге отразил желание субъекта быть счастливым и успешным. Фактор 2 «Профессиональное самосохранение» отражает стремление продолжать профессиональную деятельность, несмотря на возникающие возрастные и социальные преграды. Фактор 3 «Физический облик» обобщил желание респондентов похудеть, выглядеть красиво и т. д. Фактор 4 «Физическое самосохранение» включает стремление оставаться здоровым и поддерживать физическое функционирование. В целом данный фактор можно представить как стремление к поддержанию своего здоровья и функционирования, что позволяет человеку чувствовать себя счастливым.

Таблица 1

Факторная структура мотивации личности

Показатель мотивации	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
S	0,817	0,161	0,148	0,532
SR	0,959	-0,076	-0,083	-0,258
Spre (ph,T)	0,005	0,031	0,037	0,532
Spre (R2)	0,005	0,999	0,026	0,000
Sph	-0,033	-0,060	0,995	-0,071

Примечание. S – личность; SR – самореализация; Spre (ph,T) – физическое самосохранение; Spre (R2) – профессиональное самосохранение; Sph – физические характеристики.

Структура *мотивации контакта (тип C)* образована тремя факторами (табл. 2). Фактор 1 «Помощь семье» включает стремление помогать семье, создавать в ней благоприятный эмоциональный климат, делать родных счастливыми, поддерживать здоровье родителей, материально обеспечить детей, быть полезным. Фактор 2 «Контакт» отражает стремление к установлению позитивных отношений с другими людьми. Фактор 3 «Близкие отношения» включает стремление

устанавливать и сохранять близкие отношения — дружеские и в некоторых случаях любовные (имеющие как платонический, так и эротический характер).

Таблица 2

Факторная структура мотивации контакта

Показатель мотивации	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
C	0,063	0,680	-0,199
Calt, f\R	0,832	0,071	-0,141
Cint	0,098	0,027	0,651

Примечание. C — стремление к контакту; Calt, f\R — стремление помочь семье; Cint — близкий контакт.

В третью факторную модель вошли *остальные виды мотивации*. Было выделено четыре фактора (табл. 3). Фактор 1 «Чувственное удовольствие» включает стремление получать удовольствие посредством чувств, что проявляется в желании употреблять вкусную еду, алкоголь, отдыхать в приятном климате и т. д. Фактор 2 «Работа» отражает стремление продолжить или возобновить профессиональную деятельность. Фактор 3 «Познание» обобщает стремление к познанию и интерес к новому (желание освоить компьютер, выучить иностранный язык, освоить навык, который был бы полезен в работе или в досуговой деятельности). Фактор 4 «Трансцендентность» интерпретируется как стремление к совершенству, религиозной вере и т. д.

Таблица 3

Факторная структура прочих типов мотивации

Показатель мотивации	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
R2	0,005	0,995	0,070	0,063
E	0,050	-0,088	0,990	-0,092
L	0,491	-0,048	0,043	0,026
L(ss)	0,998	-0,005	-0,058	0,007
T	-0,007	-0,107	0,051	0,992

Примечание. R2 — профессиональная деятельность; E — познание; L — досуг; P — обладание; L(ss) — чувственное удовольствие; T — трансцендентальная мотивация.

В четвертой модели представлены факторы *негативной мотивации* людей пожилого возраста. В модель входят шесть факторов (табл. 4). В фактор 1 «Страх разочарования» вошли такие индикаторы, как страх перед будущим, неспособность справиться с бедами, опасения разочароваться жизнью. Фактор 2 «Негативный контакт» отражает нежелание людей пожилого возраста вступать в неприятный контакт, в конфликт с кем-либо, а также страх одиночества. В фактор 3

«Страх за семью» были включены переменные, связанные с разнообразными опасениями негативных событий в семье (болезнь членов семьи, потеря работы, невозможность самореализации, распад семьи). Фактор 4 «Нереализованность» отражает страх не реализовать цели и планы на жизнь. Фактор 5 «Негативная оценка» включает переменные, связанные с нежеланием негативных отношений и поступков со стороны других людей (меня обижают, мной управляют, мне грубят) и страхом утраты собственной значимости для окружающих (меня не будут ценить, будут видеть прислугу). Фактор 6 «Гуманитарные катастрофы» охватывает страхи перед такими событиями, как война, бедность, разлад в стране, ухудшение работы медицинских учреждений, и «плохой жизнью» в целом.

Таблица 4

Факторная структура негативных типов мотивации

Показатель мотивации	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6
-S	0,895	-0,066	-0,008	0,437	-0,018	-0,043
-SR	-0,035	-0,037	-0,044	0,997	-0,009	0,013
-Собщ.	-0,269	0,607	0,480	-0,122	0,442	-0,313
-С	-0,139	0,975	0,030	-0,032	-0,023	-0,091
-С2	-0,018	0,008	-0,109	-0,039	0,997	-0,013
-С3, f	-0,120	-0,047	0,971	-0,099	-0,056	-0,090
-С3, Н	-0,166	-0,043	0,012	-0,085	-0,101	0,965

Примечание. -S – страх перед будущим; -SR – невозможность самореализации; -С – неприятный контакт; -Собщ. – конфликтное общение; -С2 – негативное отношение окружающих; -С3, f – негативные события в семье; -С3, Н – негативные события в мире.

Полученные результаты демонстрируют, что собственное развитие и взаимодействие с окружающими являются ведущими мотивационными категориями для лиц позднего возраста. Это можно трактовать как положительную тенденцию в мотивационной сфере, поскольку сохранение интереса к собственной реализации и сохранность социальных связей традиционно рассматриваются как признаки благополучного варианта адаптации к позднему периоду жизни. Также необходимо отметить, что продолжение профессиональной деятельности не является центральным источником самореализации, хотя и занимает значительно место в жизни респондентов. Цели и планы включают и заботу о собственном здоровье, и общение в семье и вне ее, и расширение собственной компетентности, и духовный рост.

Выделенные факторы негативной мотивации отражают в первую очередь нежелательные события, которые могут быть вызваны объективными обстоятельствами, и не всегда могут быть устранены усилиями человека. Если препятствия в реализации целей и планов, собственные страхи, избегание неприятных людей и контактов субъект в какой-то степени может контролировать, то негативные события в семье и мире неподвластны ему и имеют значительный вес в структуре негативной мотивации.

Трудовая деятельность не нашла отражения в негативной мотивации. Это можно объяснить тем, что люди позднего возраста, в том числе и продолжающие работать, могут расценивать снижение роли профессиональной сферы как естественный ход жизни. Они рассматривают работу как одну из возможностей самореализации, но при этом не опасаются ее потерять, понимая, что в любом случае это произойдет в ближайшем будущем.

На **втором этапе исследования** решалась задача сравнения показателей значимости и доступности основных ценностей у лиц позднего возраста с разным профессиональным статусом. Были выделены три группы сравнения: неработающие пенсионеры (средний возраст 67,9), работающие пенсионеры (средний возраст 62,9), работающие люди предпенсионного возраста (средний возраст 51,8).

Сравнение значимости ценностей у *работающих и неработающих пенсионеров* показало, что для неработающих большую значимость имеет уверенность в себе. С точки зрения доступности у работающих пенсионеров более выражены такие ценности, как активная и деятельная жизнь, интересная работа, а также красота природы и искусства (табл. 5).

Таблица 5

Достоверные различия ценностей у работающих и неработающих пенсионеров

Ценности	Средний ранг		U-критерий Манна – Уитни	p, уровень значимости
	неработающие пенсионеры	работающие пенсионеры		
<i>Значимость ценностей</i>				
Уверенность в себе	92,2	75,1	2781,5	0,021
Свобода	95,8	70,7	2448	0,001
<i>Доступность ценностей</i>				
Активная, деятельная жизнь	77,5	92,9	2853	0,039
Интересная работа	72,7	98,7	2413	0,001
Красота природы и искусства	77,3	93,1	2839,5	0,036

Далее сравнивались ценности *неработающих пенсионеров и работающих людей предпенсионного возраста*. Для людей предпенсионного возраста большую значимость имеет любовь как стремление к духовной и физической близости, а у неработающих пенсионеров — уверенность в себе. Более доступными для людей предпенсионного возраста являются такие ценности, как активная деятельная жизнь, интересная работа, красота природы и искусства, для неработающих пенсионеров — уверенность в себе, свобода, счастливая семейная жизнь (табл. 6).

Ценности *работающих пенсионеров и лиц предпенсионного возраста* не различаются. Единственное различие в этой паре сравнения — это более высокая

значимость ценности свободы как независимости в поступках и действиях для людей предпенсионного возраста (табл. 7).

Таблица 6

Достоверные различия ценностей у неработающих пенсионеров и людей предпенсионного возраста

Ценности	Средний ранг		U-критерий Манна – Уитни	p, уровень значимости
	неработающие пенсионеры	люди пред- пенсионного возраста		
<i>Значимость ценностей</i>				
Любовь	70,8	88,4	2241	0,016
Уверенность в себе	93,2	61,5	1859,5	0,000
<i>Доступность ценностей</i>				
Активная, деятельная жизнь	70,4	89,0	2202,5	0,011
Интересная работа	71,7	87,1	2324	0,035
Красота природы и искусства	71,5	87,4	2305	0,030
Уверенность в себе	84,8	68,0	2270	0,021
Свобода	84,6	68,2	2286	0,025
Счастливая семейная жизнь	85,2	67,3	2229	0,014

Таблица 7

Достоверные различия значимости ценностей у работающих пенсионеров и людей предпенсионного возраста

Значимые ценности	Средний ранг		U-критерий Манна – Уитни	p, уровень значимости
	работающие пенсионеры	люди предпен- сионного возраста		
Свобода	61,6	80,0	1762,500	0,007

Вне зависимости от профессионального статуса люди позднего возраста оценивают такие важные жизненные ценности, как материально обеспеченная жизнь, наличие друзей, здоровье, познание и творчество, что позволяет трактовать их как универсальные ценности. В то же время завершение профессиональной деятельности приводит к модификации системы ценностей: пожилой человек осознает меньшую доступность таких ценностей, как активная жизнь, интересная работа, любовь, и на первый план выходят другие ценности, связанные со свободой и независимостью в решениях, внутренней гармонией, счастливой семейной жизнью. Иными словами, выходя из сферы профессии, пожилой человек начинает

больше ориентироваться на решение нормативных возрастных задач, связанных с эго-интеграцией и мудростью.

Результаты исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

Ведущими мотивами для людей позднего возраста являются наличие возможностей собственного развития и взаимодействия с окружающими в условиях сужения социальных функций. Продолжение профессиональной деятельности не является центральным источником самореализации, хотя и занимает значительное место в жизни респондентов. Цели и планы связаны с заботой о здоровье, общением в семье и вне ее, расширением собственного опыта и духовным ростом.

Трудовая деятельность не нашла отражения в негативной мотивации. Люди позднего возраста, в том числе и продолжающие работать, расценивают снижение роли профессиональной сферы как естественный ход событий. Работа для них лишь одна из возможностей самореализации, но при этом нет опасения ее потерять, поскольку в любом случае это произойдет в ближайшем будущем.

В позднем возрасте не только сохраняется, но даже повышается значимость собственного развития, причем оно не замещает и не исключает физическое, личностное и профессиональное самосохранение, а дополняет его. Наличие или отсутствие профессиональной занятости не влияет на систему универсальных жизненных ценностей, а только модифицирует структуру ценностей, непосредственно связанных с трудовой деятельностью.

Понимание процесса изменения ценностей, их значимости в предпочтении жизненных стратегий в позднем возрасте позволит не только выбирать более адекватные консультативные и сопровождающие инструменты, но и принимать обоснованные социально-профессиональные решения относительно данной возрастной группы.

Иванова Н. В. Динамика ценностных ориентаций личности в зрелом возрасте : дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 217 с.

Каширский Д. В. Психология личностных ценностей : автореф. ... дис. д-ра психол. наук. М., 2014. 58 с.

Лавринович Т. М. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности будущих психологов на разных этапах процесса их профессионализации // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. : Психология. 2014. Т. 7, № 4. С. 27–36.

Левкова Т. В. Ценностный баланс жизни как задача проживания периода поздней зрелости // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62–4. С. 270–273.

Семенова А. В. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности с наркотической зависимостью (на примере употребляющих марихуану) // Психология девиантного и криминального поведения : межвуз. науч.-практ. интернет-конф. по юрид. психологии. 2019. URL: <http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=325.0> (дата обращения: 19.05.2021).

Степанова О. П. и др. Влияние ценностно-мотивационной сферы на удовлетворенность жизнью пожилых людей // Социол. исслед. 2016. № 11. С. 72–81.

Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция : монография. М., 2013. 376 с.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕПРОИЗВОЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА СТИМУЛЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ У ДЕТЕЙ ТРЕТЬЕГО ГОДА ЖИЗНИ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

В статье представлены результаты исследования непроизвольного реагирования на предпочитаемые и индифферентные стимулы детей третьего года жизни с расстройствами аутистического спектра (РАС) и детей без аутизма. В исследовании приняли участие три ребенка с РАС и три — с задержкой речевого развития, не имеющие РАС, в возрасте 2 года 2 месяца — 2 года 3 месяца. Исследование проводилось методом наблюдения, была определена топография поведенческой реакции у ребенка с РАС: изменение мимики, скорости передвижения, захват руками предмета, прикосновение к предмету. В ходе исследования осуществлялось вмешательство, направленное на формирование непроизвольного реагирования на стимулы окружающей среды. В заключение работы описаны результаты вмешательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: непроизвольное внимание; подкрепление; расстройства аутистического спектра; ранний возраст; предпочитаемый стимул; индифферентный стимул; поведенческая терапия

Введение

Исследования в области возрастной психологии свидетельствуют о том, что внимание является базовым психическим процессом, без которого становится невозможным формирование и развитие у ребенка всех высших психических функций. Физиологический механизм процесса внимания, как непроизвольного, так и произвольного, сложен. Современные исследования указывают на связь механизмов внимания с ретикулярной формацией, которая тормозит одни импульсы и усиливает другие, пропуская их в кору головного мозга. Механизмы внимания связаны с рефлекторной деятельностью мозга: по закону отрицательной взаимной индукции оптимальный очаг возбуждения тормозит другие участки коры. Анализ физиологических механизмов внимания показывает, что при становлении непроизвольного внимания важное значение приобретает выработка динамических стереотипов, т. е. относительно устойчивых систем условно-рефлекторных связей, образующихся при многократном воздействии на организм одних и тех же раздражителей.

КОСТЮК Анна Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры логопедии и клиники дизонтогенеза Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: avkostuk@mail.ru).

ТОКАРСКАЯ Людмила Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: lyudmil@mail.ru).

Единые закономерности онтогенеза и дизонтогенеза позволили предположить наличие у детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) затруднения в развитии функций непроизвольного реагирования на стимулы окружающей среды, что в дальнейшем отражается на становлении в том числе и произвольного внимания, направленного на социальные стимулы.

В настоящее время опубликован целый ряд работ, посвященных изучению внимания у детей с РАС, в большинстве из которых анализируется состояние произвольного внимания [Строганова, Орехова, Галюта, 2014, 2015; Jellema, Lorteije, van Rijn; Keefe, Störmer; Keehn, Nair, Lincoln; Orekhova, Stroganova]. Однако особенности непроизвольного внимания у детей с РАС остаются малоизученными.

Анализ специальной литературы показал, что у детей с РАС выявляются специфические особенности всех психических процессов, в том числе и произвольного внимания. Специфическое реагирование на стимулы окружающей среды предположительно должно проявляться не только в произвольном реагировании, но и, прежде всего, в непроизвольном. В связи с тем что непроизвольное внимание активно развивается у ребенка в раннем возрасте и постепенно приобретает произвольность, исследования поведенческих реакций детей с РАС раннего возраста имеют первостепенное значение для понимания специфики их развития.

Особенности реагирования ребенка на стимулы окружающей среды могут исследоваться в рамках поведенческого анализа. В филогенезе, как указывали В. М. Бехтерев [Бехтерев] и другие исследователи, первичным является безусловно-рефлекторное реагирование, которое становится основой для формирования любых поведенческих реакций. Такая реакция непроизвольного (безусловного) реагирования на стимулы окружающей среды относится к непроизвольному вниманию.

Внимание, как базовая психическая функция, лежащая в основе формирования всех навыков и всех высших психических функций, имеет свою физиологическую основу. Е. Н. Соколов, изучая нейронные механизмы психических процессов и состояний, описал нейрофизиологический механизм реакции внимания: установлено, что в центральной нервной системе в результате анализа информации, поступающей от внешнего раздражителя, формируется «нервная модель» стимула или ситуации [Соколов]. Изменение параметров стимула вызывает активизацию (возбуждение) так называемых «нейронов внимания», которые фиксируют несогласование вновь поступающей информации с уже имеющейся моделью. Этот механизм лежит в основе ориентировочного рефлекса «что такое?», который есть не что иное, как ответная реакция организма на изменение окружающей среды, или непроизвольное реагирование.

О. С. Никольская [Никольская; Никольская, Веденина] и Е. Р. Баенская [Баенская, 2014 а, б] обращают внимание на то, что как в российских, так и в зарубежных исследованиях, посвященных изучению различных сторон психофизического и физиологического развития детей с РАС, подчеркивается наличие сенсорных и нейрофизиологических особенностей, которые препятствуют онтогенетическому пути становления различных способов реагирования.

В отличие от детей с нормативным развитием, у детей с РАС новые навыки не образуются путем подражания или рефлекторно, их нужно формировать специальным образом. Одним из наиболее эффективных методов обучения детей с РАС признана поведенческая терапия, или метод прикладного анализа поведения АВА (Applied behavior analysis). Для формирования необходимого навыка в позитивной терапии используется принцип условного рефлекса: подкрепление действий ребенка вознаграждением [Козунова и др.]. В процессе обучения у детей могут спонтанно возникать новые навыки и варианты поведения, которым их не обучали специально и которые не подкреплялись — так называемое побочное поведение. Изучению его формирования посвящены на данный момент немногочисленные исследования, среди них наиболее значимой является работа D. C. Lerman, B. A. Iwata, J. R. Zarcone и J. Ringdah [Lerman]. Между тем данный феномен требует изучения, поскольку желательно заранее просчитать вероятность формирования различных вариантов побочного поведения, так как это позволяет разработать оптимальную стратегию поведенческой терапии, а также дает возможность проанализировать причины возникновения нежелательного побочного поведения.

В работах Л. С. Выготского [Выготский, 1927, 1960], Г. А. Каше [Каше], М. М. Кольцовой [Кольцова], Р. Е. Левиной [Левина], А. Р. Лурия [Лурия], Ю. А. Разенковой [Разенкова] и других описываются способы формирования базовых навыков, которые позволяют с минимальными усилиями получить навыки более сложного уровня, а также те навыки, которые не подкреплялись во время обучения. Если рассматривать появление последних с позиции генерализации (т. е. подчинения частных явлений общему принципу), то можно утверждать, что формирование базовых навыков позволяет вызвать побочное поведение у детей, в том числе при наличии у них расстройств аутистического спектра.

На основании этого нами была выдвинута **гипотеза** о том, что подкрепление имеющихся у ребенка с РАС третьего года жизни навыков произвольного реагирования на предпочитаемые стимулы окружающей среды будет способствовать спонтанному увеличению продолжительности произвольной фиксации взгляда на индифферентном стимуле (т. е. предмете, который безразличен для ребенка и не вызывает у него ни положительных, ни отрицательных эмоций).

Цель исследования: изучение произвольного реагирования на стимулы окружающей среды у детей с РАС третьего года жизни.

В исследование было введено ограничение: участвовали по три ребенка с расстройствами аутистического спектра и с задержкой речевого развития, не имеющих РАС. Малое количество детей объяснялось необходимостью точного соответствия возраста детей, состояния их физического и речевого развития. Возраст испытуемых на момент начала исследования составлял 2 года 2 месяца — 2 года 3 месяца.

Мальчики Л., О., А. с расстройствами аутистического спектра, невербальные, до начала исследования в поведенческой терапии не участвовали. Физическое развитие всех детей соответствует условной возрастной норме. Мальчики в состоянии фиксировать взгляд на предмете в течение 1 секунды и менее, основная деятельность — перемещение по помещению с редкими остановками, подбрасывание мелких игрушек и предметов. Во время таких перемещений Л. и О. брали

предметы, которые попадались им под руки, и сразу выпускали их из рук. Один ребенок (А.) все игрушки, которые оказывались возле его рук, подбрасывал вверх. Мальчики не умели перешагивать предметы, лежащие на полу, наступали на них. Если предмет, мебель или человек преграждал путь, дети несколько раз пытались пройти «через» этот предмет. Если мальчика Л. мама усаживала за стол на стульчик по его росту, он начинал стучать по столу, водить по нему ладошками. Мальчики А. и О. за столом не сидели даже во время приема пищи.

Тестирование предпочтений показало, что у Л. предпочитаемыми стимулами являются пищевые (кусочки яблока и ананаса) и черкание ярким фломастером по любой поверхности. Предпочтения А. — мелкие блестящие камешки и мячи диаметром не более 10 см. Предпочтения О. — сок и качание на фитболе.

Реакции на обращенную к ним речь у всех мальчиков отсутствуют: они продолжают свое хаотичное передвижение или стучат, Л. водит ладошками по столу. На предметы, которые не являются предпочитаемыми стимулами, дети реагируют только тогда, когда натываются на них рукой или всем телом: Л. и А. берут предмет или ударяются об него, но даже не поворачивают в его сторону голову и не фиксируют предмет взглядом. Эти же предметы, оказавшиеся в поле зрения мальчиков, не вызывают у них изменений в поведении. На предпочитаемые стимулы все мальчики реагировали изменением выражения лица только тогда, когда они оказывались на расстоянии примерно 20 см от их лица, а на фломастеры, ручки и карандаши — когда предмет был вложен в руку.

Наряду с детьми с РАС в исследовании принимали участие три ребенка с задержкой речевого развития. Наблюдение поведенческих реакций этих детей позволило описать показатели их непроизвольного внимания, так как литературные данные об этих показателях ограничены.

Для исключения влияния речевого развития на показатели непроизвольного внимания не имеющие РАС дети, отобранные для участия в исследовании, не владели звуковой речью, они, в отличие от детей с РАС, использовали для коммуникации жесты, мимику, пантомимику. Игра у всех трех мальчиков (И., Д., К.) соответствовала условной возрастной норме. На изменения окружающей среды дети давали ярко выраженную поведенческую реакцию: улыбались, прыгали, подходили и смотрели, что там появилось, фиксировали взгляд на объекте и длительно (до 5–10 секунд) его рассматривали, мимика их менялась (появлялось испуганное и настороженное выражение лица).

В качестве **метода исследования** было выбрано прямое невключенное наблюдение, которое одновременно проводится двумя взрослыми.

Дискуссия. Наблюдение проводилось в два этапа: первичное наблюдение и основное.

При первичном наблюдении индивидуально исследовались поведенческие реакции каждого ребенка. Дети без РАС были «эталоном» для количества эпизодов поведенческой реакции — непроизвольного реагирования на стимулы окружающей среды.

Был составлен перечень показателей для фиксации качественных результатов первичного наблюдения (см. таблицу). Это позволило определить

топографические характеристики имеющихся у ребенка навыков произвольного внимания. В качестве реакции принималось любое изменение поведения ребенка при внесении в его деятельность нового стимула.

Качественные результаты первичного наблюдения

Дата	Время	Антецедент (предшествующий стимул)	Топография поведенческой реакции	Последствия поведенческой реакции
------	-------	--	-------------------------------------	--------------------------------------

Для оценки достоверности полученных данных использовался метод точного процента согласия наблюдателей для интервального подсчета, так как в данном случае нас интересовало общее количество эпизодов поведенческой реакции в течение временного периода, поэтому было удобно использовать именно точный процент согласия наблюдателей. И если на начало исследования эпизодов поведения у ребенка с аутизмом могло не быть либо фиксировалось минимальное их количество, а у ребенка без аутизма регистрировалось определенное количество таких эпизодов, которое принималось за критерий, то после начала вмешательства количество эпизодов у ребенка с аутизмом должно было увеличиться до достижения этого критерия.

Результаты анализа данных первичного наблюдения позволили определить топографию поведенческой реакции у ребенка с РАС, которая относится к навыкам произвольного внимания. Такой реакцией считалось изменение мимики, скорости передвижения, захват руками предмета, прикосновение к предмету. То есть топография была достаточно разнообразной, но все эти топографические реакции объединяло одно: поведение ребенка изменялось при предъявлении ему какого-то стимула. А также были получены данные о частоте эпизодов изучаемой реакции у каждого испытуемого.

Основное наблюдение осуществлялось таким же способом, но участвовали в исследовании только дети с РАС: два наблюдателя независимо друг от друга отмечали наличие или отсутствие реакции на предпочитаемые и индифферентные стимулы: изучалась частота реакций за период времени и их продолжительность.

Наблюдение и фиксация результатов продолжались и на фазе вмешательства. После увеличения частоты реакций в 2 раза по сравнению с начальным уровнем осуществлялась фиксация продолжительности поведенческой реакции на предпочитаемый стимул, так как было необходимо знать не только, сколько раз ребенок за период времени продемонстрировал такую реакцию, но и ее продолжительность. Увеличение продолжительности реакции указывает на более детальное исследование предпочитаемого ребенком предмета, а также в дальнейшем позволит ему генерализовать навык продолжительной фиксации взгляда на индифферентных стимулах, что, в свою очередь, позволит использовать этот навык в обучающих целях.

Для оценки согласия наблюдателей на фазе вмешательства использовался процент согласия для положительных интервалов (интервалы времени, в которые наблюдатель регистрировал эпизод поведения), поскольку значимы именно

наличие и продолжительность поведенческой реакции. Сумма всех положительных интервалов, в которых оба наблюдателя зафиксировали поведенческую реакцию, была поделена на общее количество интервалов и умножена на 100 % [Купер, Херон, Хьюард]. Показатель согласия наблюдателей составил 85 %.

Для проведения исследования выбран дизайн изменяющегося критерия [Там же], когда для каждой фазы вмешательства изменяется критерий успешности целевого (поощряемого) поведения. В этом случае после сбора данных о начальном уровне произвольного реагирования следует реализация вмешательства, включающего в себя несколько фаз, и в каждой фазе последовательно меняется критерий успешности поощряемого поведения. Такой дизайн позволил не отменять подкрепление, что важно при обучении ребенка раннего возраста, когда каждая неделя крайне значима для его развития и закрепления формируемого поведения, это обеспечивает стабильность в каждой фазе вмешательства. Кроме того, такой дизайн физиологически обоснован: невозможно при подкреплении навыков, которые основаны на безусловно-рефлекторном реагировании, избежать естественного подкрепления (т. е. естественного последствия поведения, которое происходит в окружающей среде: например, ребенок увидел предмет, вызвавший у него интерес, подошел и взял его; или увидел предмет, вызвавший негативные эмоции, отошел, и предмет исчез из поля зрения ребенка). Еще одним фактором при выборе дизайна изменяющегося критерия послужило то, что в фазе вмешательства мы начинали подкреплять поведение ребенка, которое есть в его репертуаре.

Основной целью вмешательства было формирование подкрепления произвольного реагирования детей с РАС на предпочитаемые ими стимулы и оценка влияния подкрепления этих реакций на формирование реагирования в виде фиксации взгляда на индифферентных объектах.

Вмешательство начиналось с замера начального уровня реагирования на стимулы окружающей среды, затем следовали четыре фазы вмешательства (*A, B, C, D*):

A — с подкреплением реагирования на предпочитаемые стимулы (когда при выборе ребенком предпочитаемого стимула и фиксации на нем взгляда, он получал этот предмет). Критерий успешности: ребенок достигает стабильного реагирования на предпочитаемые стимулы окружающей среды при предъявлении 80 % всех стимулов, входящих в репертуар предпочитаемых;

B — с подкреплением реагирования на индифферентные стимулы с помощью уже имеющегося поведенческого репертуара, используемого при реагировании на предпочитаемые стимулы (например, ребенок смотрит на незнакомый предмет — индифферентный стимул, берет его в руки). Критерий успешности: ребенок достигает стабильного реагирования на репертуар индифферентных стимулов окружающей среды при предъявлении 80 % всех стимулов, предложенных взрослым и сопровождающихся пищевым подкреплением;

C — с подкреплением реакции ребенка на стимулы, случайно попавшие в поле зрения или под руки (когда ребенок фиксирует взгляд на предмете, видит в ответ реакцию специалиста и получает от него данный предмет). Критерий успешности: ребенок реагирует на эти стимулы в 80 % всех случаев;

D — с подкреплением увеличения продолжительности реагирования на изменения стимулов окружающей среды. Критерий успешности: в течение 3 дней продолжительность реакции у ребенка с РАС достигает той же длительности, что и у ребенка, не имеющего особенностей развития (поведение ребенка подкрепляется ответной реакцией взрослого и возможностью получить предмет, на который он смотрит).

Выводы

Осуществляемое вмешательство, направленное на формирование произвольного реагирования на стимулы окружающей среды, и контроль результатов представляли собой проверку предположения о том, что эффект от подкрепления навыков произвольного внимания обеспечит увеличение продолжительности фиксации взгляда на предмете, что повлияет на возможность более эффективного использования времени поведенческой терапии и времени любых занятий с ребенком. Это же позволило оценить устойчивость полученных результатов аналогичным способом, что и на основном этапе наблюдения, однако отмечалась продолжительность фиксации взгляда на объекте, который не входил в перечень предпочитаемых стимулов. При увеличении продолжительности эпизодов проявления поведенческой реакции частота этой реакции на протяжении определенного отрезка времени закономерно уменьшалась, поэтому подсчет количества эпизодов поведения становился незначим.

При планировании поведенческого вмешательства было выдвинуто предположение, что при контрольном наблюдении после окончания поведенческого вмешательства (через неделю, затем через 1 месяц и через 3 месяца) у детей с РАС будет наблюдаться увеличение продолжительности фиксации взглядом индифферентного предмета по сравнению с окончанием экспериментального вмешательства. Все мальчики с РАС были включены в контрольное наблюдение. Результаты наблюдения показали не только увеличение продолжительности произвольного реагирования на стимулы окружающей среды, но и формирование произвольного внимания и исследовательские действия в отношении заинтересовавших их объектов. Мальчики интересовались не только знакомыми и предпочитаемыми объектами, но и реагировали на новые стимулы окружающей среды, рассматривали предметы, брали их в руки, производили с ними разнообразные действия, которым их не обучали.

Таким образом, на основании проведенного исследования была подтверждена гипотеза о том, что подкрепление имеющихся у ребенка с РАС третьего года жизни навыков произвольного реагирования на предпочитаемые стимулы окружающей среды будет способствовать спонтанному увеличению продолжительности произвольной фиксации взгляда на индифферентном стимуле.

Баенская Е. Р. Закономерности раннего эмоционального развития в норме // *Детский аутизм: пути понимания и помощи* : Альманах Ин-та коррекц. педагогики. 2014а. № 19. С. 8–15. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-19/zakonemernosti-rannego-emocionalnogo-razvitija-v> (дата обращения: 30.04.2021).

Баенская Е. Р. Раннее аффективное развитие детей с аутизмом // *Детский аутизм: пути понимания и помощи* : Альманах Ин-та коррекц. педагогики. 2014б. № 19. С. 16–29. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-19/ranee-affektivnoe-razvitie-detej-s> (дата обращения: 30.04.2021).

Бехтерев В. М. Будущее психиатрии: Введение в патологическую рефлексологию. СПб., 1997. 330 с.

Выготский Л. С. Дефект и сверхкомпенсация // *Умственная отсталость, слепота и глухонемота*. М., 1927. URL: http://dugward.ru/library/vygotskiy/vygotskiy_defekt_i_sverhkomp.html (дата обращения: 30.04.2021)

Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов. М., 1960. 130 с.

Каше Г. А. Подготовка к школе детей с недостатками речи : пособие для логопеда. М., 1985. 207 с.

Козунова Г. Л., Воронин Н. А., Венедиктов В. В., Строганова Т. А. Обучение с подкреплением: роль непосредственной обратной связи и внутренней модели ситуации // *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*. 2018. Т. 68, № 5. С. 602–613. doi: 10.1134/S0044467718050076

Кольцова М. М. Ребенок учится говорить М., 1973. 160 с.

Купер Дж. О., Херон Т. Э., Хьюард У. Л. Прикладной анализ поведения М., 2016. 864 с.

Левина Р. Е. О путях разработки вопросов предупреждения в логопедии // *Специальная школа*. 1963. Вып. 2. С. 65–70.

Лурия А. Р. Внимание и память. М., 1975. 106 с.

Никольская О. С. Структура нарушения психического развития при детском аутизме // *Детский аутизм: пути понимания и помощи* : Альманах Ин-та коррекц. педагогики. 2014. № 18. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-18/struktura-narushenija-psihicheskogo-razvitija-pri> (дата обращения: 30.04.2021)

Никольская О. С., Веденина М. Ю. Особенности психического развития детей с аутизмом // *Детский аутизм: пути понимания и помощи* : Альманах Ин-та коррекц. педагогики. 2014. № 18. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-18/osobennosti-psihicheskogo-razvitija-detej-s-146> (дата обращения: 30.04.2021).

Разенкова Ю. А. К вопросу об использовании отечественных и зарубежных методик диагностики психомоторного развития в качестве инструментов раннего выявления возможных отклонений в развитии. Дискуссионные аспекты проблемы // *Альманах Ин-та коррекц. педагогики*. М., 2000. № 2. С. 12.

Соколов Е. Н. Рефлекторные механизмы деятельности раздражителя на анализаторы // *Соколов Е. Н. Восприятие и условный рефлекс*. М., 1958. Гл. 4. С. 293–317.

Строганова Т. А., Орехова Е. В., Галюта И. А. Монотропизм внимания у детей с аутизмом // *Экспериментальная психология*. 2014. Т. 7, № 4. С. 66–82.

Строганова Т. А., Орехова Е. В., Галюта И. А. Нейронные механизмы нарушений ориентировки внимания у детей с расстройством аутистического спектра // *Экспериментальная психология*. 2015. Т. 8, № 3. С. 7–23. doi:10.17759/expsy.2015080302

Jellema T., Lorteije J., Rijn S. van et al. Involuntary interpretation of social cues is compromised in autism spectrum disorders // *Autism Res*. 2009. Aug., № 2 (4). P. 192–204. DOI: 10.1002/aur.83.

Keefe J. M., Störmer V. S. Lateralized alpha activity and slow potential shifts over visual cortex track the time course of both endogenous and exogenous orienting of attention // *NeuroImage*. 2021. Vol. 225. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2020.117495>

Keehn B., Nair A., Lincoln A. J. et al. Under-reactive but easily distracted: An fMRI investigation of attentional capture in autism spectrum disorder // *Developmental Cognitive Neuroscience*. 2016. Vol. 17. P. 46–56. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2015.12.002>

Lerman D. C., Iwata B. A., Zarcone J. R., Ringdahl J. Assessment of stereotypic and self-injurious behavior as adjunctive responses // *JABA*. 1994. № 27 (4). P. 715–728.

Orekhova E. V., Stroganova T. A. Arousal and attention re-orienting in autism spectrum disorders: evidence from auditory event-related potentials // *Front Hum Neurosci*. 2014. Febr. 6. Vol. 8, iss. 34. doi: 10.3389/fnhum.2014.00034.

Статья поступила в редакцию 02.05.2021 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.065
УДК 37.032 + 371.2 + 378.1 + 316.75

Ж. В. Уманская

СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД В КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ МОДЕЛИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрена необходимость более широкого применения субъектного подхода в современном высшем образовании. На основе анализа данных психологических исследований определены понятия «личность», «субъект», «субъектность». Обосновано использование проектных заданий для реализации субъектного подхода, сформулированы требования к их разработке. Автор предлагает примеры проектных и проблемных задач для дисциплин учебного плана магистратуры по направлению «Культурология».

Ключевые слова: субъектный подход; личностно-ориентированное обучение; проектная деятельность; культурологическое образование

Вне зависимости от выбранной образовательной модели и определяющих ее психолого-педагогических и методических принципов, преподаватель высшей школы должен на основе своей дисциплины сформировать у студентов определенный набор универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, предусмотренных Федеральным государственным образовательным стандартом соответствующего направления подготовки [ФГОС магистратура..., с. 9]. В каждой группе требований к выпускнику имеются компетенции двух типов, которые различаются по целевой установке: формирование *способностей* действия и *готовности* выполнять их. «Готовый» к какой-либо деятельности выпускник имеет адекватную профессиональную самооценку, не боится производственных рутинных проблем, инициативен и ответственен в принятии решений. Формирование готовности к чему-либо предполагает работу с определенными карьерными личностными ожиданиями студента, конструирование

УМАНСКАЯ Жанна Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социокультурных практик и коммуникаций Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (e-mail.: zh.umanskaya@mail.ru).

© Уманская Ж. В., 2021

у него комплексного представления о своих реальных и потенциальных профессиональных способностях, затрагивает систему мотиваций обучающегося, влияет на развитие эмоционально-волевой сферы личности. Появление в процессе обучения у студента ясной профессиональной самоидентификации будет свидетельствовать о формировании компетенций, связанных с готовностью.

В публикуемых документах и в программных разработках Института образования НИУ ВШЭ и Центра стратегических разработок (ЦСР) [Как сделать...] акцентируется связь между человеческим капиталом и экономическим ростом, обращается внимание на значимость развития компетенций «мягкой силы» у выпускников университетов. «Мягкую силу» составляют три блока универсальных компетенций: «когнитивные умения решения задач, компетентности взаимодействия с другими людьми, компетентности самоорганизации и саморазвития». Ссылаясь на Дж. Хекмана, к некогнитивным характеристикам личности, которые делают работника наиболее эффективным и успешным, авторы из ВШЭ относят «настойчивость, сознательность, самоконтроль, доверие, внимание, самооценку, самоэффективность, устойчивость к сопротивлению, открытость к новому опыту, симпатию». Особое внимание уделяется «устойчивости к сопротивлению» (или «гриту» — «настойчивости перед лицом трудностей») и «способности побуждать других акторов к сотрудничеству». Но самые большие ожидания авторов связаны с возможностью сформировать у выпускников компетенцию, которую они вслед за Дж. Мейером называют «расширенным действием» или «агентностью», «активной самостоятельностью», — способность «к быстрой перестройке самого себя к новым требованиям человеко-машинного взаимодействия, способности создавать новые рабочие места для цифровой экономики», возможность «вовлечь существующие группы в новые формы деятельности не благодаря жесткому изменению “правил игры”... но благодаря “мягкому” распространению новых идей, представлений и даже “идентичностей”». Разработчики всех последних российских реформ в образовании декларируют повышение роли самостоятельной деятельности обучающихся в рамках субъект-субъектной модели учебной коммуникации [Там же, с. 43–49].

Тема личностно-ориентированного обучения, субъектного подхода в образовании в российских исследованиях имеет долгую, но дискретную историю. В первой трети XX в. о развитии личности размышлял Л. С. Выготский, затем в послевоенные годы С. Л. Рубинштейн и его последователи (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, Л. И. Анцыферова) начали разрабатывать концепцию «субъектности» и возможности применения субъектного подхода к описанию личности. С 80–90-х гг. XX в. субъектный подход снова оказался в зоне повышенного внимания благодаря перестройке, работе учителей-новаторов, освоению идей гуманистической педагогики [Орлов] и зарубежного образовательного опыта. О субъектном подходе и личностно-ориентированном обучении написано уже значительное количество исследований и регулярно проводятся посвященные этой теме научные конференции (см., например: [Человек, субъект, личность...]), в которых показано, что эта концепция должна стать ведущей стратегией образования. Но за прошедшие тридцать лет субъект-субъектная модель в высшей

школе так и не стала повсеместной. Это обусловлено институциональными проблемами, а также личностными характеристиками обучающихся. Чтобы внедрить субъектный подход, преподаватели должны обладать знаниями о том, кто такой субъект учебной деятельности, на каких дидактических материалах и в какой методической среде его развивать. Нужны конкретные задания по каждой дисциплине по всем направлениям подготовки, проверенные методики преподавания.

Понятия «личность», «индивидуальность», «субъект», «субъектность», «Я-концепция» психологи определяют по-разному. Многие считают, что понятие «личность» содержит представление об индивидуальных различиях; предстает в виде гипотетической структуры; является абстракцией, основанной на выводах, полученных в результате наблюдений за поведением человека; связано с жизненной историей индивидуума и перспективами развития; суммирует влияния внутренних и внешних факторов, включая генетическую и биологическую предрасположенность, социальный опыт и меняющиеся обстоятельства окружающей среды [Уманская, 2000, с. 23]. Характеристики личности, отвечающие за устойчивые формы поведения, обеспечивают ощущение непрерывности во времени и окружающей обстановке, личность есть продукт социализации и активной самодетерминации индивида. По мнению В. А. Петровского, «быть личностью означает быть субъектом деятельности, общения, самосознания и познания» [Петровский, с. 42]. Субъектность (Я-активность личности) реализует самопознание и самоформирование, так как является процессуальным свойством личности, действия которой направлены не только на мир вокруг («я знаю, хочу, могу с ним что-то сделать»), но и на самого себя, на собственный внутренний мир. Надо отметить, что индивид в своей деятельности не всегда является субъектом, так как может выполнять работу неосознанно или осуществлять ее под явным руководством, против воли, строго по намеченному кем-то плану. Субъектность (способность быть самостоятельно-активным) «не является врожденной характеристикой человека, развивается в процессе обучения, деятельности, общения, познания и самопознания» [Стахнева, с. 13]. Регулятором поведения человека и взаимодействия с другими людьми служит образ себя — Я-концепция. Э. Эриксон определяет ее как совокупность всех представлений о различных сторонах своей личности и организма. Чем более адекватной является Я-концепция человека, тем легче ему управлять своим поведением [Эриксон, с. 31].

Существуют разные способы выделения структур личности, например, выделение субличностей, связанных с типичными социальными ролями и видами активностей в различных сферах жизни. Это удобно для исследования какой-то одной стороны жизнедеятельности, в нашем случае — совокупности учебно-профессиональных активностей в Я-концепции. Чем четче понимание их состояния, тем проще планировать цели, задачи, средства, этапы, содержание профессионального образования. По мнению А. П. Кашкурцевой, структура субъектной составляющей учебно-профессиональной активности студентов складывается из «учебно-профессиональных установок, саморегуляции, автономности/зависимости личности, уверенности/неуверенности в себе, поведенческой активности» [Кашкурцева, с. 6]. Анализируя перечисленные признаки субъектности

у студентов технических вузов, исследователь обосновывает факторы, которые могут менять структуру субъектности в целом или ее отдельные составляющие. Главными детерминантами развития оказались «рефлексия и саморефлексия, инициация смыслообразования, личная включенность в анализ учебно-профессиональной установки» [Кашкурцева, с. 6]. По мнению О. С. Тумшайс, развитие субъектности происходит при условии, что личность *осознает* себя готовой к *самостоятельным* профессиональным действиям, при этом характер производственной деятельности *является вызовом*, сложность которого изменяется [Тумшайс, с. 10].

Рефлексия — обязательная часть становления: понимание себя, своих запросов, сильных и слабых сторон как специалиста, осознание собственного места в пространстве дисциплинарных исследований, встраивание себя как специалиста в научное сообщество и понимание принадлежности к определенной линии преемственности школ и исследований. Психологи отмечают, что «студенты, вынужденные менять выбор специальности, сложнее адаптируются к обучению в вузе, так как им свойственны большая тревожность, диффузность мотивации, снижение уровня активности, самостоятельности, что связано с особенностями взросления личности, перестройкой субъектного отношения» [Там же, с. 5]. Это подтверждает и наш опыт: студентам-культурологам магистратуры со сложной профессиональной биографией часто свойственны такие проявления, как обесценивание собственных достижений и так называемый «эффект самозванства», которые мешают формированию адекватной профессиональной самооценки. Тема профессиональной саморефлексии может и должна стать основой, вокруг которой будет выстраиваться логика изучения конкретных дисциплин, так как коррекция самооценки и профессиональной идентичности для многих студентов — необходимые условия для полноценной профессиональной реализации.

Сравнение данных о динамике субъектной учебно-профессиональной составляющей активности студентов различных направлений подготовки (технических вузов [Кашкурцева], педагогических [Тумшайс], физических, юридических, психологических [Шилов] факультетов), полученных в психологических исследованиях, и оценки состояния студентов-культурологов демонстрирует сходные и отличные процессы, что свидетельствует о трансформации субъектной составляющей от курса к курсу. Для культурологов, как показывает наблюдение, «профессионально важные качества на всем периоде обучения представляются необходимыми как для практической деятельности, так и для преподавания по специальности», а профессиональная самореализация связана с личностной успешностью [Там же, с. 19]. Подтверждаются выводы Шилова, что «для студентов профессий вида “человек — человек” взаимосвязь личностной и профессиональной самореализации оказывается высокой на протяжении всего периода обучения» [Там же, с. 21].

Обучение культурологии предполагает разнообразную работу с текстами: интерпретацию, производство, редактирование, перевод, адаптацию для разных аудиторий пользователей. Можно сказать, что культуролог должен уметь свободно говорить и писать в разных стилях в соответствии с типом коммуникации в различных производственных ситуациях. Как минимум, выпускник-культуролог

не должен бояться этого. Очевидно, чтобы быть уверенным в собственном профессионализме и иметь желание (готовность) что-то делать, во время обучения нужно выполнять на регулярной основе практико-ориентированные задания, которые дадут возможность пробовать, учиться на ошибках, при этом не только получая новые знания, но и вырабатывая профессиональные умения и навыки, формирующие Я-специалиста.

В теории и практике субъект-субъектной образовательной модели отношений усиливается понимание ответственности самого обучающегося за выбор собственной траектории обучения и развития. Одновременно изменяются функции педагога, которые смещаются с позиции источника знания на роль координатора и куратора, создающего дидактически и методически обогащенную среду. Для вузовской практики это означает, что классическая лекционно-семинарская система должна совмещаться с проектной деятельностью, разбором конкретных кейсов, ролевой игрой. Проблемно-поисковые задания позволяют учесть индивидуальный учебный уровень студента и профессиональные интересы. Особенно значимо, если результат станет частью реального портфолио, а навыки сразу окажутся востребованными в практической профессиональной деятельности (исследовательской, просветительской, педагогической, экспертной и организационной) в музейно-выставочных пространствах, библиотеках и университетах.

Метод проектов — педагогическая технология, которая позволяет решить многие из поставленных задач по развитию субъектности студента. В России с 90-х гг. XX в. проектную деятельность как педагогическую технологию активно исследуют и пропагандируют Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева и др. [Новые педагогические и информационные технологии...]. Автор данной статьи занимается проектными методиками также с 90-х гг. [Уманская, 2000, 2005]. Идеология учебного проекта предполагает практико-ориентированный личностно-мотивированный и социально значимый результат, который получен под руководством куратора и публично представлен. Абсолютно на всех этапах работы решения принимаются самим исполнителем (выбор конкретной темы, цели и задач, методов, планирования). По возможности, проекты выполняются группой (командой) или, как минимум, предполагают активную коммуникацию с другими обучающимися и куратором. Проектные задания для курсов культурологической направленности должны представлять собой работу с текстами различного типа. Проект как педагогическая технология удовлетворяет рекомендациям психологов по созданию условий развития субъектности в образовательной деятельности (учет опыта учащегося, рефлексивность, учет индивидуальных особенностей, диалогичность, проблематизация содержания деятельности, организация совместной работы) [Стахнева, с. 276–279]. По формальным признакам трудозатратности учебный проект проигрывает традиционной паре «лекция — семинар», набору тестов или списку тем для реферирования, но выигрывает по уровню многокомпонентной мотивации и задействованной учебной активности.

Всеобщая цифровизация и появление доступных для населения электронных баз учебной литературы, демонстрационных и дидактических материалов, сетевых форм обучения ускоряют трансформацию учебных ролей и обуславливают

неизбежное изменение образовательного запроса учащихся и их родителей. Для современного специалиста обязательны цифровая грамотность, умения и навыки работы в сетевой среде: поиск информации, оценка ее валидности и достоверности, структурирование и анализ полученной информации, обработка больших баз данных, визуализация данных, цифровая презентация итогов работы. При условии обеспечения студентов минимальным набором электронных устройств, цифровизация сильно расширяет возможности организации самостоятельной работы и реализации субъектного подхода.

Подведем некоторые итоги. Учебные задания при изучении культурологических дисциплин, нацеленные на развитие субъектности студента (активации самостоятельности, профессиональной самодетерминации, профессиональной идентификации), должны удовлетворять некоторому набору требований: помимо вопросов, непосредственно связанных с освоением изучаемого содержания дисциплины, они должны быть сфокусированы на лично значимых для студента темах, неизбежно включающих его рефлексию и саморефлексию. Это означает, что какая-то часть задания или задание полностью должны касаться непосредственно жизнедеятельности самого студента. Все задания должны включать поисковую работу в сети Интернет или в библиотеках, предполагать рукописную или цифровую визуализацию данных, написание сопроводительного текста. Задания проектного и/или проблемно-поискового типа должны быть максимально открытыми, включать элементы самостоятельного планирования и выполнения. Обязательным является публичное представление и проговаривание задания, что дает студентам возможность увидеть свои профессиональные достижения, осознать профессиональные цели и собственную профессиональную идентичность, сравнивая свои переживания и результаты с аналогичными у однокурсников.

Приведем несколько примеров авторских заданий для дисциплин магистратуры факультета культурологии РГГУ. Все задания вызвали живой отклик у студентов и выполнялись с большим интересом. Статистически достоверную оценку их эффективности можно будет дать после накопления данных: академическое культурологическое образование, центрированное на повышенной теоретичности, только начинает осваивать проектные практико-ориентированные методы обучения.

I. Спецсеминар «Технологии применения профессиональных компетенций» (магистратура)

Задание 1

1. Найдите на официальных сайтах различных культурных институций г. Москвы названия должностных позиций, соответствующих диплому культуролога (см., например: Музей современного искусства «Гараж», Мультимедиа Арт Музей, Центральная государственная молодежная библиотека им. М. А. Светлова, Библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, Российская государственная библиотека искусств).

2. Какие компетенции культуролога будут востребованы на этих должностях?

3. Какие свидетельства, подтверждающие вашу квалификацию, вы можете привести?

Задание 2

На одну вакантную должность в отдел культурных программ библиотеки искусств претендуют три соискателя с дипломами библиотекаря, искусствоведа и культуролога. Какие аргументы можно предложить в пользу выбора культуролога при прочих равных общекультурных и общенаучных знаниях и навыках претендентов?

Задание 3

1. Есть ли среди ваших аккаунтов в социальных сетях тот, который вы готовы показывать потенциальным работодателям? Если нет, заведите, пожалуйста, рабочий аккаунт.

2. Если есть, попробуйте посмотреть на свои общедоступные записи с позиции кадрового агентства. О каких ваших профессиональных возможностях можно узнать из информации, размещенной в вашем профиле, постах, комментариях, лентах друзей?

Задание 4. Видеорезюме

Техническое обеспечение: телефон с возможностью записи видео.

1. В соответствии с темой магистерской диссертации или личными интересами представить для себя возможное место работы, где ваши знания будут востребованы (как минимум, три варианта трудоустройства).

2. Сочинить текст резюме для выбранной вами должностной позиции, позиционируя себя именно культурологом.

3. Продумать критерии требований к простейшей видеосамопрезентации.

4. Выбрать фон и дополнительные аксессуары в наличном окружении, подобрать соответствующие предполагаемому образу одежду и прическу. Обосновать выбор.

5. Записать видеозапись длительностью не более 5 минут на телефон в простейшей программе.

6. Выложить видео в общую учебную группу.

7. Отрефлексировать сделанное вами и коллегами.

Вопросы (редактирование продукта)

1. Пришлось ли делать что-либо новое и непривычное или есть нарабатанная практика?

2. Что делать понравилось? В чем вы оказались успешны?

3. Какая часть задания оказалась самой сложной? Почему?

4. Обращались ли вы за помощью к коллегам или решали проблему самостоятельно?

5. Помогали ли вы сами кому-либо в ходе выполнения задания?

6. Какие технические ограничения приложения и устройства мешали сделать продукт лучше?

7. Что бы вы изменили в тексте, подаче, структуре (структурирование времени, эмоциональность, последовательность, логичность, системность и законченность высказывания)?

8. С какими личностными и психологическими проблемами столкнулись?

9. Можно ли внести эти изменения с помощью того же приложения и гаджета?

II. Дисциплина «История науки и техники» (магистратура)

Задание 1. Представьте себе следующую ситуацию. После окончания магистратуры, буквально через год, вас посещает гениальная идея, и вы излагаете ее в труде, который станет фундаментальным в своей области. Но вы молоды, у вас много интересов, поэтому больше вы к этой теме не возвращаетесь. Но для своей славы вы уже все сделали, поэтому будут статьи о вас и о вашем пути к этой идее.

Напишите о себе научную биографию, включив в нее моменты, значимые для вашего интеллектуального роста. Когда вы научились читать, чем увлекались в детстве? Какие жизненные впечатления были поворотными в вашем развитии? Какие школы, университеты, курсы, стажировки закончили? Встречи с какими людьми меняли ваши представления о мире? Какие книги или иные произведения культуры влияли на вас?

Текст должен быть написан от 3-го лица.

Задание 2. Запишите предполагаемое название вашего магистерского исследования. Выберите из него ключевые понятия.

А. Нарисуйте эволюционное древо той научной области, к которой относятся ваши исследования;

Б. Составьте генеалогический ряд понятий, начиная от тех, что вы используете в своей работе, до максимально древних по времени обсуждения;

В. Составьте для себя научную родословную: чьим учеником вы являетесь, ваш интеллектуальный учитель, его учитель и т. д. Докажите, что вы прямой наследник Аристотеля (или какой-либо иной значимой фигуры).

Задание 3. Что делает некоторое сообщество в глазах современников и потомков научной школой?

Можно ли утверждать, что на факультете культурологии РГГУ существует своя научная школа? В какое более общее научное сообщество включены отдельные кафедры или факультет в целом? Аргументируйте свой ответ.

Больше авторских заданий по курсу «История науки и техники» можно найти в учебно-методических приложениях к каждой главе учебника «История и методология науки» [Воронков, Медвель, Уманская].

III. Курс «Общая дидактика и методики преподавания культурологии» (магистратура)

В рамках курса студенты готовят большое проектное задание — концепцию просветительского курса по лично выбранной теме, выполняют ряд локальных кейсов для разрабатываемой программы.

Задание «Детский текст»

Представьте, что вы участвуете в составлении детской энциклопедии для дошкольников по теме вашего просветительского курса, целевая аудитория — дети 6–7 лет. Для разворотов энциклопедии необходимо написать тексты разного типа — это могут быть короткие справочные материалы, словарные статьи, отдельные определения сложных понятий, подписи к иллюстрациям. Составьте текст любого из приведенных типов. Если для вашего текста нужна обязательная иллюстрация, коротко опишите, что на ней должно быть изображено.

Формальные требования к тексту:

- простая лексика;
- не больше 10 предложений;
- нельзя использовать сложные грамматические конструкции;
- нельзя использовать деепричастные и причастные обороты;
- нельзя использовать вводные слова;
- стараться не использовать указательные местоимения.

Больше авторских заданий по курсу «Общая дидактика и методики преподавания культурологии» можно найти в сборнике программ автора [История и теория культуры...].

Воронков Ю. С., Медведь А. Н., Уманская Ж. В. История и методология науки : учебник для бакалавров и магистров : акад. курс. М., 2016. 474 с.

История и теория культуры в современном образовательном пространстве : рабочие программы и дидактические материалы / авт.-сост. Ж. В. Уманская. М., 2020. 80 с.

Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / Я. И. Кузьминов, И. Д. Фруммин, П. С. Сорокин и др. ; под ред. Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина, П. С. Сорокина. М., 2019. 284 с.

Каишурицева А. П. Субъектная составляющая учебно-профессиональной активности студентов на различных этапах обучения в техническом вузе : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2009.

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студентов пед. вузов и системы повышения квалификации пед. кадров / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров. М., 2000. 272 с.

Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики : пособие для студентов психол. ф-тов. М., 1995. 224 с.

Петровский В. А. Субъектность: новая парадигма в образовании // Психологическая наука и образование. 1996. № 3. С. 100–109.

Стахнева Л. А. Субъектный подход к проблеме развития личности и его значение для педагогической психологии : дис. ... д-ра психол. наук. Иркутск, 2005. 316 с.

Тумшайс О. С. Субъектность в системе психологических условий личностно-профессионального развития студентов вуза : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Уманская Ж. В. Методика преподавания развивающего курса истории науки как составляющей физико-астрономического школьного образования : дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.

Уманская Ж. В. Телекоммуникационные проекты при изучении физики // Физика в системе современного образования (ФССО-05) : материалы Восьмой междунар. конф. СПб., 2005. С. 704–707.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования «магистратура» по направлению подготовки 51.04.01 «Культурология» : приказ Мин-ва образования и науки РФ от 6 дек. 2017 г. № 1183.

Человек, субъект, личность в современной психологии : материалы Междунар. конф., посвящ. 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2013. 584 с.

Шилов Ю. Е. Развитие Я-концепции студентов вуза в процессе профессионального становления : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2006.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 340 с.

Статья поступила в редакцию 14.05.2021 г.

УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.3.066
УДК 32.019.5 + 303.425.2(470.5) + 316.61-053

Н. В. Шаброва
А. О. Тихонова

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛЮДЕЙ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА»: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Общественное мнение в отношении людей «третьего возраста» — это зеркало, отражающее положение данной группы в обществе. Увеличение доли представителей старшего поколения в структуре населения, трудности реализации пенсионной реформы обуславливают необходимость формирования позитивного общественного мнения в отношении социальной общности людей «третьего возраста». Цель статьи состоит в анализе социальных технологий, используемых органами власти Свердловской области для формирования общественного мнения в отношении людей «третьего возраста». В основе статьи — материалы социологического исследования, осуществленного весной 2021 г. Применялся метод анализа документов и контента сайта Министерства социальной политики Свердловской области, а также метод вторичного анализа данных социологических исследований, посвященных общественному мнению в отношении людей «третьего возраста».

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальная общность людей «серебряного» возраста; «третий возраст»; общественное мнение; технологии формирования общественного мнения

Актуальность и постановка проблемы

Общественное мнение — неотъемлемый атрибут современного общества. Оно выступает образом реальности, помогающим индивидам и социальным группам

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00096 «Образование как ресурс сохранения и развития социальной общности людей “третьего возраста”».

ШАБРОВА Нина Васильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: urfu-stu@mail.ru).

ТИХОНОВА Анастасия Олеговна — студент Института экономики и управления Уральского федерального университета (e-mail: tihonova.ao@mail.ru).

© Шаброва Н. В., Тихонова А. О., 2021

осуществлять систематизацию потока информации, знаний о мире [Липпман]. Объектами общественного мнения могут выступать отдельные явления и процессы, социальные общности и классы. Общественное мнение циркулирует в социуме в виде представлений, установок и стереотипов, которые, в свою очередь, конструируют модели поведения социальных общностей и взаимодействия между ними. Одним из объектов общественного мнения является общность людей «третьего возраста».

Процесс формирования общественного мнения в отношении людей «третьего возраста» объективно имеет длительную историю — от этапа доминирования геронтофобии до установления уважительного и гуманного отношения к пожилым людям [Андрианов]. В. Ю. Герасимова отмечает, что отношение к старости и старикам на протяжении многих веков формировалось фрагментарно, по отношению лишь к той немногочисленной группе людей, которые доживали до возраста пожилых [Герасимова, 2013, с. 208]. Увеличение сферы применения интеллектуальных видов труда, развитие медицины, повышение качества жизни во многих странах мира значительно увеличили продолжительность жизни. Так, за последние 100 лет средняя продолжительность жизни россиянина выросла почти в 2 раза и в 2019 г. составила 73,34 года [Продолжительность жизни по данным Росстата].

Увеличение продолжительности жизни означало смену представлений о «третьем возрасте» как о периоде дожития и принятие новой парадигмы возрастной идеологии [Зборовский, Амбарова, с. 24]. Этот период жизни людей хотя и обладает специфическими чертами, становится самостоятельным полноценным этапом реализации трудовой, гражданской, социальной, образовательной, интеллектуальной активности. Исследования показывают рост активности людей «третьего возраста» в различных сферах личной и общественной жизни. Россияне старшего возраста все активнее приобретают цифровые компетенции, занимаются физкультурой и спортом, посещают культурные мероприятия, совершают туристические или экскурсионные поездки, вовлекаются в образовательные практики и волонтерскую деятельность [Лесина]. Вместе с тем их активность ниже, нежели у людей «третьего возраста» в других развитых странах [Колосницына, Хоркина]. Одна из причин этого — сохранение среди представителей молодого и среднего возраста негативных возрастных стереотипов и негативного восприятия старости, качества жизни в этот период. Исследования общественного мнения показывают, что россияне испытывают по отношению к старости скорее негативные, чем позитивные, чувства, связывая данный этап жизни с потерей физических сил и молодости [Герасимова, 2015, с. 238]. Они ощущают тревогу и даже страх перед старостью как приближением смерти.

Согласно исследованию, проведенному Фондом общественного мнения, почти половина россиян (43 %) считает, что хуже всего в стране живет людям пожилого возраста. Более 50 % опрошенных отметили, что возраст является препятствием для успешной работы. О случаях увольнения или отказа в работе по причине преклонного возраста сообщили 55 % опрошенных [Дискриминация по возрасту].

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, россияне считают, что старость начинается с 62 лет [Продолжительность жизни в России...].

Среди наиболее распространенных проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди, по мнению россиян, стоят бедность и низкие пенсии (71 %), ухудшение здоровья и болезни (44 %), ощущение ненужности, невостребованности (19 %), одиночество (17 %).

Негативные стереотипы относительно старости и представителей старших возрастных групп обуславливают дискриминационные практики не только со стороны других социальных групп. Интернализуясь в сознании пожилых людей, они детерминируют их самодискриминацию и актуализируют риск социальной изоляции, а также возникновения разрушительных психологических феноменов — инфантилизации, ощущения беспомощности, самоуничтожения [Колпина, Реутов]. В результате негативного общественного мнения пожилой человек, стыдясь своего возраста, может сам настраивать окружающих его людей против себя. Многие представители «третьего возраста» отказываются от различных возможностей, будучи уверенными в том, что не имеют на это право. Они стесняются заниматься тем, что им интересно, говоря: «Что подумают обо мне? В его-то возрасте — и он туда же...» Например, в исследовании М. Е. Елютиной и Э. Е. Чекановой показана негативная реакция родственников в отношении пожилых людей, которые продолжают свое образование [Елютина, Чеканова].

Таким образом, общность россиян «третьего возраста» входит в число довольно стереотипизированных социально-демографических групп. И хотя такие стереотипы представляют собой переплетение положительных и отрицательных суждений, тем не менее в современной культуре доминируют негативные, в которых представители старшего возраста предстают большими, немощными, неспособными самостоятельно принимать правильные решения, людьми со сниженными когнитивными способностями, нетворческими, плохо обучаемыми, капризными, ничем не интересующимися, неопрятными, асексуальными [Колпина, Реутов].

Несомненно, увеличение числа успешных практик самореализации людей «третьего возраста» будет способствовать изменению представлений о старости и распространению модели активного долголетия. Они создадут предпосылки формирования нового общественного мнения в отношении людей «третьего возраста» — как у самих пожилых людей, так и у населения в целом. Но для этого нужна активная поддержка органов власти, обладающих необходимыми ресурсами. В связи с изложенной проблемой целью статьи является анализ технологий, используемых органами власти Свердловской области для формирования общественного мнения в отношении людей «третьего возраста».

Эмпирическая база и методы

Эмпирическая база статьи — материалы исследования, осуществленного весной 2021 г. В качестве методов сбора информации выступили: традиционный анализ документов, изучение контента сайта Министерства социальной политики Свердловской области, вторичный анализ данных социологических исследований, отражающих общественное мнение в отношении людей «третьего возраста». Традиционный анализ документов был применен для изучения содержания

нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность органов власти в ракурсе формирования общественного мнения в отношении людей «третьего возраста». При исследовании контента сайта Министерства социальной политики Свердловской области использовался количественный и качественный анализ информационных сообщений об общности людей «третьего возраста».

В ходе вторичного анализа данных были изучены результаты научных исследований, отражающие общественное мнение в отношении людей «третьего возраста».

Теоретическая рамка исследования

Теоретические основы формирования общественного мнения были заложены многими зарубежными и отечественными исследователями [Франц]. Одной из наиболее известных современных концепций общественного мнения является концепция У. Липпмана. Он считал, что проблема выражения общественного мнения и управления им естественным образом возникает с установлением демократического режима и актуализируется в моменты социальной нестабильности и перемен [Липпман, с. 59]. Прообразом понятия «общественное мнение» У. Липпман считал *sensus communis* — здравый смысл, представляющий собой систему стереотипов, складывающихся в ходе повседневных практик людей. Собственно, стереотип — одна из центральных категорий концепции общественного мнения У. Липпмана. Поскольку человек воспринимает мир через стереотипы, то процесс формирования объективного общественного мнения, а также эффективного государственного управления на его основе, является довольно сложным.

По мнению У. Липпмана, ключевым субъектом информирования общества являются СМИ. Вместе с тем СМИ в основном описывают происходящие события, а для формирования общественного мнения необходимо разъяснение социальных процессов, которое должны осуществлять специализированные институты. Такими институтами должны стать особые информационные службы, занимающие нейтральную позицию по отношению к органам власти. Но даже при существовании и функционировании таких институтов формирование объективного общественного мнения невозможно. Поэтому общественность не может полноценно участвовать в управлении государством, а лишь способна диагностировать социальные проблемы.

Что касается отечественных исследований, важное значение для понимания сущности общественного мнения имеют труды Б. А. Грушина. Он утверждал, что общественное мнение перекрывает все существующие формы сознания, особенно в сфере политики. По мнению Грушина, «общественное мнение — состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и фактам социальной действительности» [Грушин, с. 261]. Субъектами общественного мнения могут выступать различные социальные общности.

Важный вклад в теорию общественного мнения внес Д. П. Гавра. Общественное мнение он образно называл воздухом, который необходим для существования демократии. Д. П. Гавра сформулировал понятие «режим взаимодействия власти

и общественного мнения», означающее меру вовлеченности общественного мнения в принятие политических решений, которое разрешается институтами государственной власти [Гавра, с. 60]. Исследователь создал классификацию таких режимов, как: подавление общественного мнения со стороны власти; игнорирование общественного мнения; патернализм власти по отношению к общественному мнению; сотрудничество; давление общественного мнения на властные структуры; диктатура общественного мнения.

Описанные выше теоретические позиции авторов показывают субъектность органов государственной власти в формировании общественного мнения. Используя близкие к режиму средства массовой информации, правящие круги выдвигают своих лидеров «общественного мнения», распространяют материалы о событиях, определенным образом комментируют их, чтобы создать в обществе необходимое настроение, дают публичные оценки произошедшего, на которые впоследствии власти реагируют, исходя из собственных интересов.

Государственную власть представляют институционализованные формальные структуры и механизмы, которые обеспечивают определенный нормативный порядок и оперативное управление в обществе. Поскольку люди по-разному воспринимают информацию и интерпретируют ее содержание на основе определенных привычек, правил, способов восприятия, принципиальное значение имеет способность людей осмысленно воспринимать сообщения. Органы власти должны использовать такие языковые формы, которые сглаживают противоречия между специализированными и неспециализированными потребителями информации различных структур и уровней власти. Тексты должны содержать в себе языковые формы, облегчающие точное усвоение их смысла населением. Только в этом случае будет формироваться нужное власти общественное мнение [Соловьев].

Институты государственной власти должны обладать несколькими каналами для распространения официальной информации — брифинги, интервью руководителей, бюллетени, публикации в газетах и журналах, каналы телевидения, федеральные и региональные системы связи и т. д., которые позволят осуществлять постоянную коммуникацию с гражданами. Эти каналы должны быть эффективными, устанавливающими прямые связи с населением для распространения важных сообщений в ходе формирования общественного мнения.

При управлении органами власти общественным мнением важное значение имеет степень влияния информации на человеческое сознание. Воздействие зависит от предлагаемых властью целей, ценностей, идей. Для того чтобы формирование общественного мнения было эффективным, государственные органы власти должны соблюдать принцип адресности подачи информации, учитывать особенности аудитории, которая имеет дело с теми или иными сообщениями. Формулируемые лозунги и призывы, предлагаемые программы, замыслы и планы должны соответствовать условиям социальной среды, учитывать действующие в групповом и массовом сознании традиции и обычаи, доминирующие стереотипы и привычки.

В современной научной литературе и практике существует большое количество социальных технологий и инструментов формирования общественного

мнения. Вслед за А. В. Весниным под технологиями формирования общественного мнения мы будем понимать «совокупность последовательных приемов, способов и методов, направленных на выработку в определенной группе людей или обществе в целом требуемых субъектам влияния взглядов, убеждений и отношения к тем или иным фактам, событиям, явлениям (процессам) действительности» [Веснин, с. 70–71]. Основными каналами формирования общественного мнения выступают средства массовой информации и интернет. Их преимуществами являются широкий охват аудитории, скорость передачи информации, а также доступность.

По масштабам воздействия технологии формирования общественного мнения можно разделить на долгосрочные (стратегические) и краткосрочные (ситуативные). Долгосрочные технологии предусматривают поэтапное использование различных методов. Примером долгосрочной технологии является технология «окно Овертона», предложенная американским социологом и политологом Дж. Овертоном. «Окно Овертона» (его также называют «окном дискурса») — это концепция «наличия рамок допустимого спектра мнений в публичных высказываниях с точки зрения общественной морали» [The Overton Window...]. Суть данной технологии заключается в том, что существуют пределы терпения общественного мнения, в рамках которых можно осуществлять определенные операции для перестраивания сознания людей. С помощью этой технологии в сознание общества можно транслировать любую идею. «Окно дискурса» делится на шесть этапов (немыслимо, радикально, приемлемо, разумно, популярно, политика/норма), в процессе прохождения которых общественное мнение безболезненно меняется на диаметрально противоположное [Бабаев, Нурбекян]. Технология воздействует незаметно и, как кажется, естественным образом совершается формирование общественного мнения.

Краткосрочные технологии используются при необходимости оперативного принятия того или иного нормативно-правового акта, достижения краткосрочной цели. Они состоят из последовательности следующих действий: планирование (определение целей, задач, средств и т. д.); создание или выбор события, проблемы как информационного повода; популяризация информационного повода; плавное завершение информационной операции.

М. К. Карпова и И. А. Атяшкин выделили целый ряд социальных технологий по формированию и управлению общественным мнением, используемых органами государственной власти. К ним относятся: «приклеивание или навешивание ярлыков»; «сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность»; «перенос», или «трансфер»; «ссылка на авторитеты»; «свои ребята»; «общий вагон («вместе со всеми»)» [Карпова, Атяшкин].

Еще одной технологией формирования общественного мнения органами государственной власти является PR. Его важная задача — создание условий для диалога власти и общественности, формирование методов получения обратной связи. Данная технология также призвана способствовать позитивному восприятию деятельности государства, его образа, формированию доверия. Особенность PR в органах государственной власти — широта целевой аудитории. Эта

характеристика позволяет осветить один информационный повод для довольно большой целевой аудитории в масштабе всей страны. Вместе с тем сделать это доступно и привлекательно для разных целевых аудиторий довольно сложно.

В заключение хотелось бы обратить внимание на такую технологию формирования общественного мнения, используемую органами государственной власти, как социальная реклама. Согласно Федеральному закону РФ «О рекламе», социальная реклама — это «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [О рекламе...]. Использование социальной рекламы для формирования общественного мнения органами государственной власти может осуществляться по следующим направлениям:

— реклама социально значимой идеи (например, развитие толерантности к инвалидам, забота о пожилых людях и детях, оставшихся без попечительства родителей);

— реклама определенных стандартов поведения в обществе (например, реклама здорового образа жизни, реклама нетерпимости коррупции в обществе);

— реклама социальных проектов (например, реклама различных социальных фондов, их поддержка);

— реклама социально значимых акций (например, участие в социальных фестивалях).

Таким образом, формирование общественного мнения является важной задачей органов власти. Многообразие технологий и инструментов формирования общественного мнения позволяет государственным структурам выбирать и использовать в реальной деятельности те, которые будут способствовать наиболее эффективной реализации государственной политики.

Результаты исследования

В Свердловской области проживает более 1,2 млн граждан старшего возраста, что составляет 28,6 % от населения региона (в Российской Федерации эта доля составляет 28,3 %) [Численность населения...]. Распределение численности населения Свердловской области старше 55 лет в 2016–2020 гг. представлено в таблице.

Численность населения Свердловской области в 2016–2020 гг., чел.*

Возраст, лет	2016	2017	2018	2019	2020
55–59	320 568	318 926	313 553	303 482	289 934
60–64	298 085	297 591	297 048	298 176	295 050
65–69	224 505	238 345	248 396	258 936	262 571
70 и более	380 616	384 825	393 832	400 533	418 511

* Составлено по: [Численность населения...].

Большая численность пожилых людей в составе населения означает усиление их роли в процессах жизнедеятельности общества. В Свердловской области, как и в целом в стране, данная категория граждан подвергается влиянию негативных стереотипов. Это ведет к возникновению ее дискриминации, ограничению возможностей для реализации личностного и творческого потенциала. В связи с этим органы государственной власти должны предпринимать усилия по формированию позитивного общественного мнения в отношении людей «третьего возраста».

Исполнительным органом государственной власти, уполномоченным осуществлять государственную политику в отношении людей «третьего возраста», в Свердловской области является Министерство социальной политики. Реализация министерством федеральной и региональной политики в отношении людей «третьего возраста» регламентируется рядом нормативных правовых документов [Шаброва]. Особое внимание следует обратить на комплексную программу «Старшее поколение» до 2025 г., заказчиком и координатором которой является Министерство социальной политики Свердловской области [Постановление правительства Свердловской области...]. Цель программы — повышение продолжительности, уровня и качества жизни граждан старшего поколения.

Среди основных задач программы, связанных с формированием общественного мнения в отношении людей «третьего возраста», являются:

1) создание экономических, социальных и правовых условий, обеспечивающих недопущение дискриминации граждан старшего поколения и способствующих стимулированию пожилых людей к продолжению трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста как на прежних рабочих местах, так и на новых рабочих местах в соответствии с их пожеланиями, профессиональными навыками и физическими возможностями;

2) создание условий для обеспечения доступа к информации;

3) создание условий для активного долголетия, повышение конкурентоспособности на рынке труда, развитие клубной деятельности, внедрение реабилитационной программы «Школа пожилого возраста».

Важно отметить, что в перечне целевых показателей реализации программы, как и в нормативных правовых документах федерального уровня, нет ни одного, связанного с формированием позитивного общественного мнения в отношении старости и людей «третьего возраста». Ключевыми направлениями в работе с людьми «третьего возраста» являются: интеграция и адаптация в общественную жизнь, развитие личностного и творческого потенциала, улучшение качества жизни. Безусловно, реализовать данные направления в полной мере без позитивного общественного мнения населения невозможно.

Анализ реализации инструментов и технологий формирования общественного мнения в отношении людей «третьего возраста» Министерством социальной политики Свердловской области был осуществлен через анализ контента официального сайта министерства. В качестве исследуемого временного периода был взят отрезок с мая 2020 г. по апрель 2021 г. включительно.

Анализ количественной составляющей транслируемых информационных сообщений показал, что официальный сайт министерства размещает очень

скромное количество информации, связанное с людьми пожилого возраста, что, конечно, вызывает вопрос об эффективности реализации политики в отношении данной категории граждан.

Так, за указанный период времени, а именно за 12 месяцев, министерством было опубликовано 13 новостей, связанных с жизнедеятельностью людей «третьего возраста», т. е. в среднем публикуется одна новость в месяц. «Пик» новостных публикаций зафиксирован в октябре. Данный факт связан с тем, что с 1991 г. 1 октября ежегодно отмечается Международный день пожилых людей. В остальные месяцы информирование населения относительно граждан пожилого возраста осуществляется в крайне незначительных масштабах.

При анализе содержания информации, представленной на официальном сайте, следует отметить простоту изложения. Практически во всех информационных сообщениях присутствуют комментарии лиц, занимающих руководящие должности (министр, заместитель министра), а также самих граждан пожилого возраста.

В целом информация, касающаяся людей «третьего возраста», имеет положительный контекст. Чаще всего в представленных на сайте сообщениях говорится о достижениях и успехах пожилых людей, участвующих в каких-либо мероприятиях. Это, безусловно, формирует позитивное общественное мнение в отношении людей «третьего возраста». Однако при анализе контента было обнаружено, что несколько раз была продублирована информация о Месячнике пенсионера. Возможно, это связано с технологией формирования общественного мнения, которая заключается в повторении одной и той же информации для того, чтобы у объекта воздействия создалось мнение о том, что ведется активная работа в социальной сфере [Хубецова]. Следует отметить, что в большинстве случаев, информационные сообщения не подкреплены фото- и видеоданными, что значительно снижает качество предоставляемой информации и эффективность ее воздействия.

Проанализируем более подробно несколько кейсов, представленных на сайте. Первый — «В Свердловской области определили лучших интеллектуалов среди пенсионеров»¹. В данной новостной заметке рассказывается о проведении турнира по интеллектуальной игре среди граждан «третьего возраста» Свердловской области на площадке Zoom. В информационном сообщении делается акцент на соревновательном духе, а также применении практических навыков владения пожилыми людьми компьютерными технологиями. Заметка подкреплена комментариями организаторов и участников. Среди минусов можно отметить отсутствие визуальных составляющих.

Еще одним довольно интересным кейсом является проведение онлайн-квестов — «Свердловские пенсионеры оценили онлайн-квесты по истории страны»². В данном мероприятии приняли участие более двухсот пенсионеров Свердловской

---

¹ В Свердловской области определили лучших интеллектуалов среди пенсионеров. / Мин-во социальной политики Свердл. обл. URL: <https://msp.midural.ru/news/v-ekaterinburge-opredelili-luchshih-intellektualov-oblasti-sredi-pensionerov-60390/> (дата обращения: 16.05.2021).

² Свердловские пенсионеры оценили онлайн-квесты по истории страны / Мин-во социальной политики Свердл. обл. URL: <https://msp.midural.ru/news/sverdlovskie-pensionery-ocenili-onlayn-kvesty-po-istorii-strany-67163/> (дата обращения: 16.05.2021).

области. Им было предложено выполнить интерактивные задания по сюжетам, связанным с решением логических заданий. В кейсе представлены комментарии первого заместителя министра социальной политики Свердловской области Евгения Шаповалова, а также участников мероприятия. Данный кейс также показывает стремление людей старшего возраста обучаться чему-то новому, быть готовыми к участию в мероприятиях нового формата.

Серьезным пробелом в формировании Министерством социальной политики Свердловской области общественного мнения в отношении людей «третьего возраста» является отсутствие PR и социальной рекламы. Эти технологии являются достаточно эффективными, хотя и требуют больших временных затрат.

Таким образом, анализ технологий и инструментов формирования общественного мнения, используемых Министерством социальной политики Свердловской области, показал, что названный орган государственной власти уделяет внимание формированию позитивного общественного мнения относительно граждан пожилого возраста. Об этом говорит публикация информационных сообщений, показывающая достижения лиц «третьего возраста» в различных сферах деятельности. Однако данная работа не является регулярной и не отличается разнообразием используемых технологий.

Заключение

Формирование позитивного общественного мнения в отношении старости и людей «третьего возраста» зависит от заинтересованности и согласованности действий широкого круга субъектов: органов власти, бизнеса, общественности и самих граждан старшего возраста. Полагаем, что инициатором данного процесса должно быть государство. В компетенцию органов власти входит разработка программ и проектов, нацеленных на создание условий и реализацию концепции активного долголетия населения. Такие программы и проекты существуют в России, но в настоящее время они носят скорее декларативный характер. Провозглашаемые высокие целевые ориентиры данной политики на федеральном уровне не конкретизированы в качественных (а иногда и количественных) показателях, что приводит к отсутствию стремления региональных властей заниматься вопросами формирования позитивного общественного мнения в отношении старости и людей «третьего возраста». Нацеленность как федеральных, так и региональных властей на минимизацию расходов на данный вид деятельности приводит к выбору менее затратных (и, как следствие, нерезультативных) способов и технологий.

Результаты анализа технологий и инструментов формирования общественного мнения в отношении людей «третьего возраста», используемых Министерством социальной политики Свердловской области, показали эпизодичность данной работы, применение ограниченного числа инструментов и технологий. Вместе с тем данная работа с населением должна быть постоянной и включать в себя более широкий спектр инструментов и технологий. В частности, министерство вполне активно и результативно может использовать такие инструменты, как социальная реклама, PR-технологии.

Если органы власти не изменят своего подхода к использованию социальных технологий создания общественного мнения в отношении людей «третьего возраста», то это не только снизит эффективность проводимой в стране социальной политики, но и может привести к возникновению ряда проблем. Во-первых, это ухудшит условия жизнедеятельности граждан «третьего возраста». При отсутствии четко выработанной стратегии действий по работе с населением в рамках формирования позитивного общественного мнения, граждане пожилого возраста так и будут подвергаться дискриминации, что, в свою очередь, вызовет необходимость разработки дополнительных мер поддержки для данной категории граждан.

Во-вторых, формирование общественного мнения в отношении людей «третьего возраста» могут взять на себя альтернативные субъекты, преследуя свои цели. В настоящее время люди получают огромное количество информации, постоянно обмениваются ею. Поэтому одна и та же информация может интерпретироваться по-разному, тем самым влияя на отношение к той или иной ситуации, социальной общности.

В-третьих, нежелание органов власти осуществлять формирование позитивного отношения к людям «третьего возраста» может привести к снижению уровня доверия населения к органам власти и политике, которую они проводят. Эта проблема весьма актуальна в свете реализации государством пенсионной реформы.

Андрианов В. Д. Здоровый образ жизни и активное долголетие. Философские записки. М., 2012.

Бабаев А. Р., Нурбекян Э. В. Происхождение теории «окно Овертона» // INTEGRAL: Междунар. журн. прикладных наук и технологий. 2018. № 2. С. 18–22.

Вестин А. В. Технологии формирования общественного мнения // Власть. 2016. № 6. С. 70–74.

Гавра Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб., 1995.

Герасимова В. Ю. Отношение к старости через призму отношения к смерти // Вестн. МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 2. С. 226–248.

Герасимова В. Ю. Социальная защита пожилых людей: компаративный анализ и перспективы развития // Социальная политика и социология. 2013. Т. 2, № 2. С. 200–220.

Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений: проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967.

Дискриминация по возрасту / Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/Tsennosti/14482> (дата обращения: 16.04.2021).

Елютина М. Э., Чеканова Э. Е. Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества // Социол. исслед. 2003. № 7. С. 43–49.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Роль образования в сохранении и развитии социальной общности людей «третьего возраста» // Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 21–34.

Карпова М. К., Атяшкин И. А. Особенности управления общественным мнением органами государственной власти // Наука. Общество. Государство. 2018. № 3 (23). С. 1–7.

Колосницына М. Г., Хоркина Н. А. Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 27–46.

Колтина Л. В., Реутов Е. В. Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных практик граждан старшего поколения // Среднерусский вестн. обществ. наук. 2019. № 2. С. 32–45.

Лесина Л. А. Онлайн-образование как способ повышения ресурсности людей «серебряного» возраста // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 4 (201). С. 186–198.

Липман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М., 2004.

О рекламе : Федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.03.2021).

Постановление правительства Свердловской области «Об утверждении комплексной программы Свердловской области “Старшее поколение”» (№ 952-ПП от 26.12.2018) : электрон. фонд правовой и нормативно-техн. документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550302280> (дата обращения: 16.03.2019).

Продолжительность жизни в России: желания и реальность / Всерос. центр изучения обществ. мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-zhelaniya-i-realnost> (дата обращения: 16.04.2021).

Продолжительность жизни по данным Росстата / РосИнфоСтат. URL: <https://rosinfostat.ru/prodolzhitelnost-zhizni/#i-5> (дата обращения: 26.06.2021).

Соловьев В. Д. Влияние органов власти на формирование общественного мнения // Альманах студенческих и аспирантских работ по социально-гуманитарным наукам : сб. науч. работ. Тверь, 2018. С. 92–96.

Франц В. А. Управление общественным мнением. Екатеринбург, 2016.

Хубецова А. Ю. Управление общественным мнением в системе политической власти: региональный аспект // Вестн. ПАГС. 2008. № 1. С. 13–17.

Численность населения Свердловской области / Управление Федер. службы гос. статистики по Свердл. обл. и Курган. обл. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 09.05.2021).

Шаброва Н. В. Государственная образовательная политика в отношении людей «третьего возраста»: проблемы и противоречия // Вопр. управления. 2019. № 3(58). С. 258–271.

The Overton Window / Mackinac Center for Public Policy. URL: <https://www.mackinac.org/OvertonWindow> (accessed: 04.04.2020).

Статья поступила в редакцию 01.07.2021 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕГИОНАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В НОВОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ: УРОКИ ПАНДЕМИИ COVID-19»

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Региональная журналистика в новой коммуникационной среде: уроки пандемии COVID-19» прошла на базе департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета 19 апреля 2021 г. в онлайн-формате.

Научный форум продолжил традицию весенних конференций журфака, уже много лет занимающегося, наряду с выполнением образовательных задач, исследованием профессиональной культуры журналиста и другими актуальными проблемами функционирования отечественных массмедиа. Как и всегда, приглашения принять участие в обсуждении значимых вопросов развития средств массовой информации получили ученые из российских и зарубежных вузов, аспиранты, руководители СМИ, журналисты, пользующиеся высоким авторитетом в профессиональном сообществе.

Пандемийный год, который предшествовал конференции, поставил на повестку дня много вопросов, связанных как с проблемами выживания СМИ и медиапроектов в условиях экономических сложностей и вызванного ими резкого сокращения рекламных доходов, так и перспективами развития медиаиндустрии вообще.

Для дискуссии ученых и специалистов были вынесены разнообразные вопросы, наиболее важными из которых представляются следующие: «Влияние пандемии на глобальную и региональную медиаиндустрию», «Эффекты публикаций в СМИ и социальных сетях о COVID-19», «Дезинфодемия: фейки и другие виды недостоверной информации о COVID-19 в медиа», «Медиаграмотность населения в условиях пандемии», «Медиадискурс в условиях пандемии».

Разумеется, нашлось время для обсуждения такой важной темы, как «Журналистское образование в условиях пандемии: дистанционное/контактное обучение — за и против».

Конференция открылась приветственным словом директора департамента «Факультет журналистики» Уральского гуманитарного института УрФУ В. Волкоморова.

С докладами в пленарной части конференции выступили: профессор университета г. Упсала (Швеция) Г. Саймонс — «Коммуникативная память пандемий в истории человечества в цифровых медиа в период пандемии COVID-19»; доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации филологического факультета Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина А. Ефанов — «Фейковизация и постправдизация информационной повестки дня в условиях пандемии коронавируса (COVID-19)»; заведующий кафедрой периодической печати и сетевых изданий департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета профессор В. Олешко — «Инфопандемия как явление новейшей медиапрактики»; доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета Д. Коноплев — «Медийные ограничения периода пандемии: опыт ковид-цензуры»; доцент кафедры периодической печати и веб-журналистики факультета журналистики Белорусского государственного университета В. Шимолин — «Иллюстративный образ современного мира в условиях экологических катастроф».

Плодотворное обсуждение тем конференции продолжилось в секциях «Периодическая печать и сетевые медиа», «Электронные СМИ», «Дискурс СМИ», «История СМИ», «Журналистика в межпоколенческой трансляции коммуникативно-культурной памяти».

На следующий день, 20 апреля, состоялись XXII студенческие научные чтения, участие в которых приняли студенты бакалавриата и магистратуры из вузов Екатеринбург, Красноярск, Сургут, Уфы, Челябинска, представившие 50 докладов, а также гости из Афганистана, Египта, Иордании, Китая, которых пандемия не выпустила из России.

По итогам конференции планируется издать сборники тезисов, лучшие материалы, отобранные оргкомитетом, предполагается опубликовать в виде коллективной монографии с последующим индексированием в международных наукометрических системах.

В. М. Амиров,
доктор филологических наук,
доцент кафедры периодической печати
и сетевых изданий УрФУ

SUMMARY

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

- Oleshko V. F., Belova M. Y.* Digital Inequality in The Context of Inclusion (Using the Example of Russian and German Mass Media) 5
- The authors conducted a comparative study of the coverage of the problems relate to the life of people with disabilities in the context of the development of inclusive processes by Russian and German mass media. It was confirmed that journalists can foster the inclusion of representatives of this social group, first of all, by regularly telling about events with their participation, in order to make people with disabilities feel like full-fledged members of the society. A number of recommendations were also given on the basis of the results of the study and the opinion of an authoritative expert.
- K e y w o r d s:** nclusion; HIA (limited health opportunities); digital inequality; mass media; social journalism
- Vyrovitseva E. V., Simakova S. I.* Game Storytelling in the Formation Of Historical Memory: the Potential of New Media Formats.....14
- The paper is devoted to the study of the actual topic of the formation and development of communicative-cultural dialogue in the context of continuous segmentation of society. The latter was touched upon by f E. Toffler and it increases both the vertical (intergenerational) and horizontal (social) division. This problem is closely related to another topical issue — the formation of historical memory, without which it is impossible to imagine the unity of the country and public dialogue. The creators of modern multimedia projects have proposed a new communication format, a new way of talking about the past of the country and the world. Game storytelling can be safely called a new type of media text in demand. Research of the projects “1917. Free History” (<https://project1917.ru/>), “History Map” (<https://kartaistorii.ru/>), “1968Digital. The year when it all began” (<https://1968.digital/ru/main>) from the point of view of their genre and functional features, methods of organizing interactive communication and means of influencing the audience allows us to identify the features of their functioning inthe context of the stated problem.
- K e y w o r d s:** game storytelling; historical memory; media text; storytelling
- Labutina V. V., Topchii I. V.* Discursive Practice as a Space for Forming the Values of the Media Community (on the Example of Comments on the Network Media Content in Instagram).....24
- The article is devoted to the analysis of the discursive construction of the picture of the world in the axiological aspect using the example of comments from the community of subscribers “Novaya Gazeta” in the Instagram service. The object of the research is the ways of transmitting value information in the named discursive practice.
- K e y w o r d s:** discursive construction; world modeling; online commentary; discursive practice
- Amirov V. M., Mamedova S. Ya.* Interviews: from the Classic Genre to Modern Formats (Using the Example of the Programs “Wdud” and “How to talk?”).....30
- The article on a significant theoretical basis and an example of the programs “Widow” and “How to Talk?” presents some aspects of the transformation of the genre of “classical” interviews into modern formats. It is proved that the genre is experiencing significant transformations and gaining new features, among which are analyticity, portraiture, journalism. The main strategies reflected in the activity of popular interviewers — Yuri Dud and Irina Shikhman are considered. Among these strategies, the choice of relevant and socially significant topics, provocativeness and intimidation, promoting the hero’s self-presentation, independence in assessments, a high level of emotionality and a “biographical” approach, non-linearity of the composition and others are highlighted.
- K e y w o r d s:** journalism; interviews; blogs; strategies; image; society

- Medvedeva A. R.* Media Aesthetic Functions of the Interface of Cultural and Educational Journalism (on the Example of Project «Arzamas») 38
 This article examines the influence of «interface effects» (A. Galloway's term) on the perception of information in cultural and educational journalism. On the basis of the theory of machines by F. Guattari, the analysis of the interface is carried out by the parameters of content, perceived territories, propositions and noem. As a result, its media-aesthetic functionality was revealed, based on the cognitive trajectories offered to the user.
 K e y w o r d s: media aesthetics; interface; educational project; Arzamas; machine theory
- Kalganova S. O.* Search for an Ideological Conception and the Semantics of Ideologeme 46
 The article considers the semantic shifts referred to the meanings of such ideologemes as "empire", "civilization", "globalization" attested in media texts when a new ideological conception is being explored. The ideas of L. M. Maydanova, N. A. Kupina, N. I. Klushina provided the methodological basis for this study. The research leads to the conclusion that the official mass media often use the term "empire" towards Russia. They develop the rhetoric of "a powerful state", "capable of defending and maintaining its sovereignty and interests", "a powerful state as a specific way to survive for Russia's citizens", "a people's empire which has much commitment to the demographics and the well-being of the population". In order to achieve this goal, the state "plans to re-explore its territory, i.e. to build new modern cities behind the Urals", "to develop its own industries". "The people's empire" is set against "the liberal Western empire" which has delegated its monitoring role to "the progressive communities" spreading terror among the dissenters. At the core of Russia as "the people's empire", there are traditional values of a distinct Russian civilization based on orthodoxy. Previously regarded as a flawless model, Western society is now presented as something completely odd for Russian mentality. Characteristic features of Russian civilization include "the tendency to consolidate in case of difficulty", "value of family" and "fraternal feelings towards other ethnicities". The semantic of "globalization" ideologeme includes the following meanings: "transnational corporations' ambition for world domination" that implies "blurring national, cultural, political borders", "transforming people into depersonalized perfect consumers", "utilizing unwanted majority", "destroying nation states through hybrid warfare". The opposition of globalization is a strong nation state defending its sovereignty and interests. This state is able to get its region under control. Thus, there is another tendency countervailing globalization; it is regionalization, which is understood as the division of the world into macro regions, each headed by a major power responsible for reducing tensions and maintaining peace. Supposedly, the "globalization" ideologeme will soon be replaced by a new ideologeme of "macroregionalization".
 K e y w o r d s: Ideologeme; people's empire; Russian civilization; globalization; regionalization; semantic shift; sovereignty; tradition
- Bulatova E. V., Gnativ M. P., Pogrebnyakova A. A.* Non-Verbal Components of the Semantic Structure of Polycode Advertising Texts in the Instagram Network 61
 The article is devoted to the role of non-verbal components (video, photo images, audio, graphic signs, etc.) in the semantic structure of polycode advertising publications. The empirical material included advertising messages retrieved from the social network Instagram. The role of nonverbal elements as the leading attractive component of the publication is defined. The practice of verbal and visual duplication of elements of the text semantic structure is revealed. The multi-functionality of visual elements as a component of the media text semantic structure is described. The role of visual, audial and graphic components in the logical framework of the message is fixed. The analysis of the survey of respondents allowed us to determine the general specifics of the perception of a polycode publication, as well as the problem areas of building an advertising media text in the Instagram social network.
 K e y w o r d s: nonverbal elements of the text; text semantic structure; discourse semantic structure; Instagram social network; advertising text; polycode text; creolized text
- Tomilov Y. V.* Folklore Traditions in Oksana Cherkasova's Author Animation.....74
 The subject of the analysis is Oksana Cherkasova's author films (Ural school of animation), created on the basis of different folklore forms. The author reveals artistic and technological features of folklore interpretation and highlights creative methods which are being inherited and developed by new generations of the Ural animators..
 K e y w o r d s: Oksana Cherkasova; Ural school of animation; animation technologies; ethnographic films; folklore; traditions

- Antoshin A. V., Baranova L. Ya.* Professor N. N. Popov and the Era of “Glasnost” in the Regional Print Media in the Middle Ural 82
- The article is devoted to the activities of the Professor N. N. Popov (Ural State University named after A. M. Gorky) in the years of perestroika. The publications of N. N. Popov in the regional print media, his participation in the work of the City Discussion Tribune are analysed. The contribution of N. N. Popov to the transformation of content in the Ural press of the era of “glasnost” is substantiated.
- Key words:** N. N. Popov; perestroika; glasnost; media; Ural university

LITERARY STUDIES

- Usanova I. A.* The Poetics of A. P. Chehov’s Literary Criticism 86
- The article deals with the features of the poetics presented in the literary P. Chehov’s literary criticism. The aspects of the author’s literary criticism such as genre originality, the composition and the structure of texts, the correlation of the logical and the artistic components, the specificity of the literary of the critical strategy of the interpretation of the literary text, the traits of individual author’s style are considered. The analytical observations are accompanied by the rich illustrative material. The author of the article concludes that study of the traits of poetics of A. P. Chehov’s literary criticism allows to enrich our understanding of the writer’s worldview, his literary and social beliefs, individual author’s understanding of the world.
- Key words:** A. P. Chehov; poetics; literary criticism; review; critical article

CULTURE STUDIES

- Kirillova N. B.* Ural Cultural School: Beginnings, Realities, Prospects 93
- The object of research in the article is the Ural culturological school, the history of which begins with the creation of the first professional department of cultural studies in the region at the Ural State (now Ural Federal) University, which celebrated its 30th anniversary on April 9, 2021. The emergence of this department in Yekaterinburg, as well as in a number of leading universities in the country, contributed to the emergence and development of a new science — culturology, which is gradually beginning to establish itself in the system of traditional humanities and today occupies a prominent place in it.
- Key words:** culturology; culturological school; L. N. Kogan; theory of culture; V. I. Kolosnitsyn; history of culture; methodology of cultural studies; socio-cultural practices

- Vorobyova M. V., Rabinovich E. I.* About the Place of Ideology in the Work of Soviet Gardens and Parks of the 1920s — Early 1930s (on the Example of Sverdlovsk) 101
- The authors consider the issue of the place of ideology in the work of Soviet gardens and parks on the example of Sverdlovsk in this article. The state of the infrastructure and material environment is established, the key problems of the functioning of the gardens are identified, the content of the cultural program of the gardens is revealed based on the analysis of the local press of the 1920s-early 1930s. The authors question the popular ideas about the dominant role of ideology in the public sphere of the 1920s, and also trace the dynamics of changes in the weight of ideology in the work of Sverdlovsk gardens of the 1920s — early 1930s.
- Key words:** gardens; parks; Soviet culture of the 1920s — early 1930s; state politics; Ekaterinburg; Sverdlovsk

PSYCHOLOGY

- Kuvaeva I. O.* The Organization of Mental Representations of Pandemic Among Workers of the Socionomic Occupations 113
- The study defines and analyses the organization of the *concept of Pandemic*. According to psychological interpretation the *concept of Pandemic* is a mental model that reflects objectified and subjective-evaluative highlighters and influences the coping behaviour in a specific difficult situation. The diagnostic complex included three open-type tasks (a directed associative experiment, problem formulation, and a visual portrait of the concept). The assumption about the specifics of mental representations of the pandemic in medical workers and sales assistants was

tested. The results demonstrated that sales assistants had a generalized mental model of the pandemic (a disease around the world) and described different problems in studying the pandemic. Medical specialists working with COVID-19 patients had more differentiated mental representations of the pandemic; they were better aware of the medical and health problems of the pandemic. Mental representations of pandemic among participants included objectified and negative emotional-evaluative descriptions.

K e y w o r d s: pandemic; concept; mental representations; medical workers; sales assistant

Zeer E. F., Symanyuk E. E. Formation of Personalized Neuroeducational Results of Students' Educational Activities in a Professional School..... 124

The article analyses the psychological and pedagogical features of personalized neuro-education. In pedagogical psychology, personalized education and neuro-education are considered separately, in the article-in the relationship based on the integration of meta-subject results of educational activity. The meaning-forming factor of their association is the development of personality in the projection of the socio-professional future. Much attention was paid to individual learning trajectories and personalized neuro-educational technologies. The formation of personalized educational results of students' educational activities is an innovative trend in preparing students for changes, uncertainty and diversity (A. G. Asmolov) typical for the modern information society.

K e y w o r d s: personalization; neuroeducation; meta-subject learning outcomes; technologies of educational activity; socio-professional future

Sergeeva T. B., Glukhaniuk N. S., Borisov G. I. Value-Motivational Indicators in Later Age: Research Result 133

The article is devoted to the issue of value-motivational aspect of later age life. The results of an empirical study of the leading motives are presented, and the factor structures of positive and negative motivation are determined. The significance of life values is compared depending on the professional status. It was proved by the data obtained that universal life values' system at a later age does not independent from employment.

K e y w o r d s: later age; values; motives; factor structure; professional employment

Kostyuk A. V., Tokarskaya L. V. Research of Involuntary Response to Environmental Stimuli in Toddlers with Autism Spectrum Disorders 141

The results of the study related to involuntary response to preferred and indifferent stimuli in children of the third year of life with autism spectrum disorder (ASD) and children without autism are presented. The research involved three children with ASD and three with delayed speech development, who do not have ASD, at the age of 2 years 2 months — 2 years 3 months. The study was conducted by observation, and the topography of the behavioural response in a child with ASD was determined: changes in facial expressions, movement speed, hand grip of an object, touching an object. In the course of the study, an intervention was carried out aimed at forming an involuntary response to environmental stimuli. In the conclusion of the work, the results of the intervention are described.

K e y w o r d s: involuntary attention; reinforcement; autism spectrum disorders; early life; preferred stimulus; indifferent stimulus; applied behavior analysis

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Umanskaya Zh. V. The Subject Approach in the Competence Model of Cultural Education..... 150

The article is devoted to the need for a broader application of the subject approach regarding the modern higher education. Based on the analysis of the psychological research data, the definitions of the concepts "personality", "subject", "subjectivity" were provided. The use of the project tasks for the implementation of the subject approach is justified; the requirements for their development are formulated. The author offers examples of project and problem tasks for the disciplines of the Master's program referring to the track Culture Studies.

K e y w o r d s: subject approach; personality-oriented training; project activity; cultural education

---

 URAL CONTEXT

<i>Shabrova N. V., Tikhonova A. O.</i> Formation of Public Opinion in Relation to People of the “Third Age”: Regional Aspect	159
--	-----

Public opinion in relation to people of the “third age” is a mirror reflecting the position of this group in the society. The growing share of representatives of the older generation in the population structure, the difficulties of implementing the pension reform make it necessary to form a positive public opinion regarding the social community of people of the “third age”. The purpose of the article was to analyse the social technologies used by the authorities of the Sverdlovsk region to form public opinion regarding people of the “third age”. The article is based on the materials of a sociological study carried out in the spring of 2021. The method of analysing documents and content of the website of the Ministry of Social Policy of the Sverdlovsk Region, as well as the method of secondary analysis of data from sociological studies on public opinion in relation to people of the “third age” was used.

Key words: social communities of people of the “silver” age; “the third age”; public opinion; technologies for forming public opinion

SCIENTIFIC LIFE

Scientific Conference “Regional Journalism in the New Communicative Environment: Lessons of COVID -19 Pandemic” (<i>V. M. Amirov</i>).....	171
--	-----

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2021. Т. 27. № 3

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
Адрес учредителя: 620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 30.09.2021. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15,0. Усл. печ. л. 14,8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная. Заказ 205.
Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, журнал публикует статьи по двум отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.01. **Русская литература**, 10.01.10. **Журналистика**); 24.00.00. **Культурология** (24.00.01. **Теория и история культуры**, 24.00.03. **Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов**).
Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу) и **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>). Статьи без анкеты не рассматриваются.

2. Статья передается одному из рецензентов, включенному в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Назначенный редакцией рецензент в течение 10 дней готовит мотивированный отзыв на статью и передает его в редакцию.

3. Редакция на основании представленной внешней рецензии и заключения назначенного рецензента выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями рецензента), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

4. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

5. Редколлегия обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

6. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

7. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.
8. Отправка статьи для публикации в журнале означает согласие автора на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых интернет-источниках.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:
  - а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;
  - б) инициалы и фамилия автора на русском языке;
  - в) заголовок статьи на русском языке;
  - г) краткая, 5–7 строк, аннотация к статье на русском языке (ГОСТ 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);
  - д) ключевые слова по исследуемой проблеме;
  - е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);
  - ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;
  - з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

- а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку. Например:

Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г.: [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

Герцен А. И. С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.

...

Коробкин М. Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8–10.

Куропаткин А. Н. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

Николаев И. А., Марушкина Е. В. Бедность в России // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

Шацлло К. Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56–64.

Smyth A. Nationalism and modernism. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

Walker B. M. No more heroes any more: the 'older brother' as role model. <https://doi.org/10.1080/03057640701706169>

- б) во внутритекстовых ссылках в квадратных скобках указываются фамилии авторов (если документ создан 1–3 авторами) или заглавие (4 и более авторов, коллективные сборники), при цитировании — номер страницы. При ссылке на многотомное издание в скобках после фамилии автора ставится номер тома и номер старницы. Год издания указывается лишь в том случае,

если есть ссылки на другие книги этого автора. Если один и тот же автор опубликовал в одном году несколько работ, на которые делаются ссылки, то и в тексте и в списке к году добавляется литера. Если в квадратных скобках нужно указать несколько источников, то фамилии авторов разделяются точкой с запятой.

Примечание. При цитировании электронных ресурсов страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, между элементами отсылки ставится точка (возможен вариант: ссылки на архивные документы даются только в тексте, в круглых скобках, между элементами отсылки ставится точка). Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Exel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Адрес редакции: 620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. УрФУ, ИПЦ
Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».
Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).
Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru

Анкета статьи

ФИО автора (полностью)	
Ученая степень, звание (полностью)	
Должность	
Организация (кафедра, департамент, институт, вуз)	
Страна	
Город	
E-mail:	
ORCID (если есть)	
Соавтор (соавторы) (аналогичные сведения о соавторе (соавторах))	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1	
Organization	
Country	
City	
Author 2	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	